

Андрей Борцов (Warrax)

Терроризм (начало)

Примечание. Эта работа была мне заказана в 2018 году как книга. К сожалению, во время выполнения заказ для заказчика потерял актуальность, и проект был закрыт. Публикую (с разрешения заказчика) написанное начало книги.

Оглавление

1. Историческое вступление	2
2. Определение терроризма.....	15
3. Классификация терроризма	20
4. Государственный терроризм.....	25
5. Причины терроризма	36
6. Изменение современного терроризма в сравнении с прошлым	53
7. Кратко об известных террористических организациях	92
7.1. Ирландская республиканская армия (ИРА).....	93
7.2. РАФ	98
7.3. ХАМАС.....	110
7.4. Хезболла	113
7.5. Талибан	118
7.6. Аль-Каида	123
7.7. ИГИЛ.....	127
8. Использование террористических организаций глобализмом.....	135
9-. Ненаписанное продолжение книги	142

1. Историческое вступление

В настоящее время терроризму уделяется большое внимание, он всегда стоит на повестке дня у СМИ. Терракты, международные террористические армии и, хотя и неофициальные, но уже государства; возмущение против терроризма некоторых государств по отношению к своим гражданам... Слово стало размытым, но при этом осталось универсальной «пугалкой», которую часто используют в качестве предлога для каких-либо действий. В том числе — и вполне подпадающих под поговорку «пусть хоть всех поубивают, лишь бы не было войны».

О том, что есть терроризм, в строгом смысле слова, мы поговорим позже, в отдельной главе, а сейчас давайте кратко вспомним историю.

Многие считают, что главное отличие раннего терроризма от современного — это смена персонального подхода на теракты в отношении обычных граждан. Но на самом деле всё гораздо интереснее...

Если смотреть по сути явления, а не требовать именно названия, то терроризм как метод существовал ещё в первом веке до нашей эры и осуществлялся в Иудее группировкой zelотов, которые боролись за независимость с римлянами, не стесняясь в методах. В I веке оформилась секта, которую можно считать террористическим крылом иудейских ненавистников римской цивилизации, — сикарии. Они обособились от zelотов, при этом то действовали сообща, то враждовали, но при этом упорно резали римлян. Само название организации происходит от слова «сика», обозначающего короткий меч или большой кинжал, которым иудейские террористы и пользовались, скрывая под одеждой. Свои акции они предпочитали проводить в толпе, чтобы можно было легко смешаться с ней.

Известный народоволец Николай Морозов, участник покушения на Александра II (а затем, в СССР, — учёный с мировым именем, сражавшийся

во время Великой Отечественной войны на фронте в возрасте 87-ми лет) очень образно описал подобную тактику:

«Неизвестно откуда явилась карающая рука и, совершив казнь, исчезала туда же — в никому неведомую область».

Интересно, что, согласно Евангелию от Луки (6:15), один из апостолов, Симон, был зелотом.

Если же говорить о таком странном понятии, как «государственный терроризм», под которым понимают «государственное насилие» против антигосударственных элементов в странах, которым ещё не удалось навязать либеральную демократию, то можно вспомнить Луция Корнелия Суллу, который был диктатором в первом веке до нашей эры. Он изобрёл проскрипции — особые списки лиц, которые объявлялись вне закона. Их имущество конфисковалось и каждый имел право убить их на месте, получив вознаграждение.

Таким образом, террор как метод не является сколь-либо современным изобретением, а уходит в глубину веков.

Если же говорить о термине «терроризм», то он возник во время Великой французской революции. Известно дополнение к Словарю Французской академии 1798 года, где терроризму даётся такое определение: «systeme, regime de la terreur». Якобинцы очень любили использовать это слово, как в разговорной речи, так и в официальных документах, причём по отношению к себе.

Как ни удивительно на современный взгляд, в первоначальном значении терроризм рассматривался как проявление демократии и добродетели. Максимилиан Робеспьер в своих речах указывал, что без оной добродетели терроризм является злом, но сама добродетель без террора беспомощна. Поэтому столь суровые методы надо рассматривать как вид правосудия, просто строгого и быстрого, но всенепременно основанного на добродетели.

Нет никакой путаницы и «другого смысла»: по их мнению, массовый террор по отношению к аристократии должны были произвести впечатление и сломить сопротивление противников. Согласно легенде, некий из последних вождей жирондистов перед своей казнью произнёс знаменитую фразу: «революция пожирает собственных детей».

А затем наступило 9-е термидора, власть во Франции опять сменилась, а слово «террорист» перестало восприниматься положительно, приняв значение, относительно близкое к современному в плане оценки методов.

Однако важно понимать принципиальную разницу. Если сейчас терроризмом обычно называют антиправительственную деятельность (словосочетание «государственный терроризм» подаётся всё же как образное описание, хотя и имеется как факт; этот вопрос мы обязательно рассмотрим отдельно), то терроризм во время Французской революции был инструментом и методом управления правительства. Заодно и методом агитации путём устрашения: каждый гражданин явно и наглядно осознавал, чем он рискует в случае проявления сожаления по отношению к прежнему режиму и тем более при сопротивлении новому революционному порядку. Отдалённая во времени аналогия — это белый террор во время Гражданской войны в России и противодействующий ему красный.

Перейдём ближе к нашему времени, из XVIII века в XIX.

Террор как метод начал применяться по всей Европе и не только — как правило, со стороны национальных движений, которые выступали за независимость своих стран. Франция, Великобритания, Италия, Испания, Турция, Австро-Венгрия... и в США убивали президентов. Везде велась «пропаганда делом» со стороны желающих изменить политическую ситуацию.

При этом в среде либеральной интеллигенции терроризм был окружён романтическим ореолом, воспринимался как «последний довод униженных и оскорбленных», говоря словами Шиллера. Террористы воспринимались как

неравнодушные, решительные люди, которые выступают за всеобщую свободу, рискуя своей. Отбирая жизни у других, они, опять же, рисковали своими, и делали это в борьбе за справедливость. Очень благородное поведение — таким было восприятие интеллигентов, для которых идея всегда представляет собой большую ценность, чем действительность.

Были попытки разделить термины, называя террором действия государства по отношению к оппозиционным элементами, а терроризмом — обратное действие. Терроризм становился имманентной составляющей всех революционных движений того времени.

Однако подробный обзор этих нюансов не входит в наши планы, поэтому обратимся в качестве примера к России второй половины XIX века, народолюбцам.

Движение «Народная воля» (1878–1881) описано во многих книгах, пересказывать всю историю нет смысла. Но проиллюстрируем их воззрения листовкой «Земли и воли» 1979 года «Значение политических убийств»:

«Нанося удар в самый центр правительственной организации, оно со страшной силой заставляет содрогаться всю систему. ...подпольная сила вызывает на свой суд высокопоставленных преступников, постановляет им смертные приговоры — и сильные мира чувствуют, что почва теряется под ними... Враги чувствуют, как самое существование их становится невозможным, они чувствуют свое бессилие среди своего всемогущества. Политическое убийство — это самое страшное оружие для наших врагов, оружие, против которого не помогают им ни грозные армии, ни легионы шпионов. Вот почему враги так боятся его».

И о самих террористах:

«Гордые борцы за свободу всех, они не могли позволить никому наложить руку и на свою. Свобода была им дороже жизни, и только с жизнью они хотели отдать ее. Когда враги стучались в запертую дверь их жилища, они вынимали револьверы... Это были действительно свободные

люди среди миллионов рабов, для которых даже не понятно все чудное величие этих личностей. ...когда дела предстанут в надлежащем свете, — перед этими людьми будут преклоняться, их будут считать за святых».

Как видите — очень наглядно.

Показательнейший пример — суд над Верой Засулич, которая в 1878 г. стреляла в петербургского градоначальника, генерал-адъютанта Ф.Ф. Трепова, и тяжело его ранила.

Событие было вызвано тем, что Трепов приказал сечь розгами приговорённого к каторге народника Боголюбова (настоящее имя — А.П. Емельянов) за то, что он отказался снять шапку в его присутствии. При этом телесные наказания в России были уже запрещены.

Самодурство? Безусловно. Но пытаться за такое убить?

Однако назначено было 25 ударов — неприятно, конечно, но не опасно. По городу же стали распространяться слухи, что заключённого секли до потери сознания. Засулич пришла на приём, организованный градоначальником, и произвела три выстрела, тяжело его ранив в область живота.

Казалось бы, дело очевидно: множество свидетелей, улики, обвиняемая признаёт свои действия, при этом ранее судима. Видимо, поэтому решили созвать суд присяжных.

Ровно в день покушения председателем Петербургского окружного суда стал известный юрист А. Ф. Кони, который отметил странное отношение чиновников к делу: *«всякий намек на политический характер из дела устранялся с настойчивостью, просто странною со стороны министерства, которое еще недавно раздувало политические дела по ничтожнейшим поводам».* При этом обсуждения событий в городе было вполне благожелательным по отношению к стрелявшей: *«одни рукоплескали, другие сочувствовали, но никто не видел в Засулич "мерзавку", и, рассуждая разно о ее преступлении, никто не швырял грязью в преступницу...».* Обратите

внимание: Кони принадлежал отнюдь не к народным массам, то есть такое вот отношение было именно в «сливках общества».

Не зря известный юрист Константин Петрович Победоносцев заметил, исходя из подобных настроений:

«Идти на суд присяжных с таким делом, в такую минуту, посреди такого общества, как петербургское, — это не шуточное дело».

Речь адвоката легко ищется в интернете, здесь отметим лишь её направленность: пафосные эмоции вида «заступилась за поруганную честь каторжанина». Особенно интересно, что защитник Александров утверждал, что в действиях его подзащитной не было личных мотивов, и вообще *«Как бы мрачно ни смотреть на этот поступок, в самых мотивах его нельзя не видеть честного и благородного порыва».* При этом и прокурор, и судья косвенно были на стороне Засулич: первый исполнял свою задачу по-минимуму, а сам же А. Ф. Кони в напутственном слове присяжным почти открытым текстом призывал их к указанию в вердикте на смягчающие обстоятельства.

Но последующие события оказалась ещё показательнее.

Напомним, что присяжные заседатели не являются профессиональными юристами и должны выносить свою оценку именно по вопросу фактов: доказано то-то или нет после аргументов прокурора и адвоката. То есть, в первую очередь: было ли преступление, о котором идёт речь? Затем же в дело вступают профессиональные юристы, и судебная коллегия выносит конкретный приговор.

Первый вопрос (остальные уже не важны в контексте обсуждения) для присяжных был сформулирован следующим образом: *«виновна ли Засулич в том, что, решившись отомстить градоначальнику Трепову за наказание Боголюбова и приобретя с этой целью револьвер, нанесла 24 января с обдуманым заранее намерением генерал-адъютанту Трепову рану в полости таза пулей большого калибра?».* Как видите, исходя из фактов, ответ на этот вопрос может быть лишь положительным.

Однако присяжные огласили «Не виновна!»: если факты противоречат теории, тем хуже для фактов. Кони в своих воспоминаниях повествует о бурной радости, которая охватила всех присутствующих, коих было весьма значительное количество. Даже государственные люди выражали восторг:

«Один особенно усердствовал над самым моим ухом. Я оглянулся. Помощник генерал-фельдцейхмейстера граф А.А. Баранцов, раскрасневшийся седой толстяк, с азартом бил в ладони. Встретив мой взгляд, он остановился, сконфуженно улыбнулся, но едва я отвернулся, снова принялся хлопать...».

В результате такого суда получилось, что террорист, полностью изобличённый в преступлении и не отрицающий своё деяние, может быть оправдан судом. Хорошо, что в России не прецедентное право...

Приносим извинения за достаточно объёмный экскурс в прошлое. Было важно показать, как именно относились к террористам в конце XIX века, причём не только в народе, за свободу которого те выступали (нередко не конкретизируя, что делать дальше, ограничиваясь лишь «кто виноват»), но и во вполне элитных кругах.

Даже «верхи» в значительной степени понимали, что нельзя править по-старому, просто не были согласны на совсем уж радикальное новое. По сути поддержка терроризма народом имела место именно и только потому, что в то время теракты были персонально направленными. Смерть угрожала даже не просто государственным чиновникам высокого ранга, но именно тем, которые притесняли народ, позволяли себе явную несправедливость и так далее.

Но так продолжалось недолго...

У людей есть омерзительные черты — подменять цель средством и кидаться в крайности дихотомий. В обсуждаемом плане: хотелось всё более грандиозных целей для «агитации действием», а побочные жертвы становились мучениками за идею без их согласия. Стрелков заменили бомбисты, а цели стали выбираться исходя не из личного самодурства, а из их значимости. Один из первых представителей русского революционного

терроризма, нигилист С. Г. Нечаев писал в «Катехизисе революционера» о выборе объектов террора *«...внезапная и насильственная смерть которых может навести наибольший страх на правительство и, лишив его умных и энергических деятелей, потрясти его силу»*. Убивать призывали уже не особо ярых угнетателей народа, а умных и энергичных патриотов.

Наглядной иллюстрацией изменения парадигмы может служить убийство Александра II Освободителя. Три раза в него стреляли, но безуспешно. Тогда перешли к взрывам.

В 1879-м году была предпринята попытка подорвать императорский поезд. Террористы перепутали поезда и взорвали другой.

В 1880-м бомбу взорвали в Зимнем дворце, погибло 11 человек.

В 1881-м в результате теракта император погиб. Взрывами было ранено 9 человек из свиты и 11 посторонних, в том числе смертельно. Одним из скончавшихся от ранений был 14-тилетний подросток из крестьян.

Вскоре после этого теракта организация «Народной воли» была разгромлена, но началась вторая волна террора — на этот раз бурную и опасную деятельность развели эсеры. Теракты совершались десятками в год, но многие цели измельчали: зачастую боевые дружины эсеров на местах убивали городских, околоточных и даже просто солдат. В результате даже среди самих террористов возникла мысль, что революционный терроризм скомпрометирован: к терактам по сути привыкли и они не вызывают общественного резонанса.

В результате террористическая деятельность эсеров с 1910-го года резко уменьшилась, и «второе дыхание» обрела лишь после Октябрьской Революции в 1917-м году. Теракты предпринимались с целью помешать заключению мира между Россией и Германией, в отношении немецких дипломатов, а также против большевиков: были убиты председатель Петроградской ЧК М. С. Урицкий и комиссар печати, пропаганды и агитации в Союзе коммун Северной области В. Володарский (правда, эсеры отрицали

своё участие во втором случае). Также эсеркой Каплан (Фанни Ройдман) был ранен В. И. Ленин.

К этому времени романтический ореол террористов давно развеялся, а их методы и способы стали эклектичными. С одной стороны, хотелось славы, что требовало убийства главных фигур времени (Александр II, В. И. Ленин), с другой — хотелось массовости движения, но различные «дружины» могли «работать» лишь по рядовым целям.

Можно сказать, что идеология антигосударственного терроризма в это время испытывала разброд и шатание.

Зато появился призрак французской революции, и начался террор государственный.

Вполне официально, в ответ на покушение на Ленина и другие действия террористов: было принято Постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР от 5 сентября 1918 года «О красном терроре». Следует понимать, что тема чрезвычайно политизирована и мифологизирована, многие якобы историки называют «красным террором» по сути весь советский период, количества пострадавших многократно перевираются в сторону увеличения, пропагандируются мифы «священников преследовали за одну лишь веру», «кулаки были просто справными хозяевами» (которых почему-то крестьяне называли мироедами) и т.д.

Никакой романтики уже не было, осталась лишь озлобленность. Со стороны народных масс поддержки такой политики также не было (здесь стоит отметить, что в некоторых местах население изначально было настроено против большевиков, но террор «белых» быстро изменил их настроение — например, так было в Сибири в результате действий атамана Семёнова). Очень верно высказался уже после всех событий генерал Корнилов: «Мы шли к власти, чтобы вешать, а надо было вешать, чтобы прийти к власти»...

Также нельзя забывать о терроре со стороны иностранных интервентов, которых на территории России насчитывалось в это время около миллиона.

Сейчас мы не будем подробно разбирать тему «красного» и «белого» террора, однако отметим, что первый был именно официальной государственной политикой, и второй по сути претендовал на то же самое. При этом очень нагляден переход от индивидуального террора к массовому. Тем не менее явление оставалось, хотя и в весьма условных и натянутых, рамках виновности жертв. Мотивация «краснопузый? — расстрелять!» выглядит для обывателей цивилизованных стран в XXI веке откровенно дикой (если знать действительность лишь в пределах этих стран), но имело место хотя бы формальное идеологическое противостояние.

После гражданской войны «белый» террор закончился вместе с поражением белогвардейцев и иностранных по сути оккупантов, и, соответственно, «красный» — уже за ненадобностью.

Время было сложное, и сейчас либералы любят говорить о сталинских репрессиях, которые рассматривают как государственный террор. Тема, однако, настолько заезжена, что мы не будем тратить на неё время: опровержения подобных измышлений давно опубликованы историками и находятся в интернете в открытом доступе.

В рамках этой книги важно, что в этот период, безотносительно наличия или отсутствия государственного террора, «обычный» если и имелся, то персональный. Всем известные события времён индустриализации — кулацкий террор. Возник даже образец народного чёрного юмора: обрезы иногда называли «смерть председателя».

Постепенно жизнь налаживалась, но затем была война, после которой осталось достаточно много бандеровцев на Украине и «лесных братьев» в Прибалтике. Впрочем, террористами их называть некорректно: обычные недобитки-коллаборционисты, без какой-либо идейности.

Приблизительно с 1960-х годов в СССР теракты стали большой редкостью, экспонатами рубрики зарубежных новостей «их нравы».

Были отдельные попытки захвата самолётов с целью улететь за границу, которые резко участились в перестроечные времена, но обычно они оканчивались для преступников плачевно. Из обратных примеров за этот период можно вспомнить лишь отца и сына Бразинских, которые, убив бортпроводницу, угнали в 1970-м году Ан-24Б в Турцию, которая отказалась выдавать преступников Советскому Союзу (в конечном итоге они получили право проживания в США). Кроме того, в 1973-м году Ту-104 под Читой был взорван находящимся на борту Чингисом Юнус-оглы Рзаевым, погиб 81 человек.

Но попытки куда-либо улететь, пусть даже сопровождаемые убийствами и взрывами, — это всё же не терроризм как таковой. А из «классики» вспоминается лишь два события.

Во-первых, это покушение на Брежнева 22 января 1969 года, совершённое младшим лейтенантом СА В. И. Ильиным, который пытался застрелить Леонида Ильича из двух пистолетов, но его в машине не оказалось (в результате было ранены два космонавта и убит водитель). Террорист был признан невменяемым и отправлен на принудительное лечение. Показательно, что в 1990-м году он был выпущен. Более того, за всё это время он формально служил в Советской Армии, находясь на больничном. Ему не только выплатили зарплату за 20 лет и назначили пенсию по инвалидности, но и выдали квартиру в Ленинграде.

Во-вторых, это теракт, который 8 января 1977-го в Москве устроили армянские сепаратисты Акоп Степанян и Завен Багдасарян под руководством Степана Затикяна. Было взорвано три бомбы: одна в вагоне метро и две — в продуктовых магазинах. Погибло семь человек (все в метро) и 37 было ранено.

Террористы были задержаны при попытке организовать ещё один взрыв и все были приговорены к высшей мере социальной защиты. Показательно, что диссиденты, в частности, Сахаров, возмущались якобы недоказанностью вины преступников.

Столь долгое почти полное спокойствие продолжалось до так называемой перестройки, когда участились угоны самолётов, начали взрывать дома, а во многих местах вспыхнули этнические конфликты, которые по сути являлись местным геноцидом. Терроризм как метод стал, можно сказать, повседневностью...

При этом, что важно, изменилась суть явления: из более или менее индивидуального терроризм стал массовым. Обратите внимание на эволюцию явления:

1. индивидуальный терроризм — объекты конкретны и назначаются по принципу лично приносимого вреда с точки зрения террористов;
2. групповой терроризм — объектами становятся рядовые исполнители или просто разделяющие точку зрения, отвергаемую террористами;
3. массовый терроризм — объекты выбираются случайным образом из обычного населения, ставка делается на массовость.

Поэтому не удивительно и изменение отношения к террористам от одобрения романтиков «прямого действия», пытающихся отстоять свободу (что бы под этим не понималось), и до смеси страха и обиденности — человек ко всему привыкает.

Изменяются и цели самих террористов, наглядно мутируя от борьбы за идеалы к запугиванию обычного населения. При этом преследуется сразу несколько целей, помимо непосредственного акта запугивания населения.

Таким путём террористические группировки рекламируют себя — именно с этим связаны случаи, когда причастность к одному и тому же теракту признают сразу несколько организаций.

Теракт может быть использован как провокация, чтобы заставить противника перейти к неким действиям, выгодным для террористов практически или идеологически. Подобным образом теракт может использоваться и государством — вспомните, сколько различных

ограничений прав граждан было узаконено в США после того, как самолёт врезался в башни 11 сентября 2001 года.

Кроме того, в современности террористы — это не малые группки энтузиастов, а мощные группировки, ведущие в том числе и войны в буквальном смысле слова. В этом случае терроризм как метод применяется и для ведения военных действий, что наглядно видно в Сирии.

Для проведения «обычных» терактов используются новые методы. И если ещё не так давно речь шла о профессиональной разработке акций, применении при необходимости специального оборудования и обученных исполнителей, то сейчас наводнение Европы мигрантами привело к использованию «подручных средств»: грузовик, врезающийся в толпу, ничуть не менее эффективен, чем взрывное устройство, но при этом не требует сколько-либо специальной подготовки исполнителя.

Современные технические средства, разумеется, не игнорируются, но широко применяются. Так, интернет стал средством, позволяющим широко вести пропаганду и согласовывать действия. Подобное не обязательно проводить напрямую: незачем призывать в террористы сразу, достаточно массово обрабатывать население в русле, например, специального вида религии, включающего резко негативное отношение ко всем другим людям. Фанатики выделятся сами, и уже с ними можно будет работать.

В современности не существует «чистого» терроризма. Он связан с наркобизнесом, контрабандой оружия и даже нефти, с финансовыми операциями и даже финансируется отдельными государствами. У террористов сейчас уже имеются политические цели, что не так давно казалось бы абсурдом. Запрещённое на территории России ИГИЛ — наглядный тому пример: это уже не просто требования изменить политику какого-либо государства, а претензии на геополитический уровень.

Кроме того, имеется значительная опасность технологического терроризма, то есть угроза применения химического или бактериологического

оружия — не обязательно в «военном виде», достаточно использования токсичных отходов или распространение возбудителей заболевания. Более того, нельзя полностью исключать даже радиоактивное заражение. Конечно, до настоящего ядерного арсенала террористам добраться мало реально, а вот взорвать какую-нибудь АЭС — например, на Украине...

Можно смело утверждать, что в современности терроризм, увы, стал привычным фактором политической жизни, обрёл устойчивость.

Истории терроризма посвящено много книг, но это — лишь история. В этой же работе мы попытаемся понять терроризм: что именно им движет в современном мире, кто и зачем его поддерживает, что в связи с этим следует знать обычному гражданину. Понять — это не значит простить; это означает повышение эффективности противодействия.

2. Определение терроризма

Невозможно говорить о чём-либо конструктивно, не понимая сути явления, не дав ему достаточно чёткого определения. Большинство проблем непонимания, случающихся между умными людьми, вызваны именно разным пониманием используемых в разговоре терминов, особенно если это относится к базовым понятиям обсуждаемого вопроса. Чтобы всесторонне описать и изучить проблему терроризма, требуется определить, что именно понимать под этим термином.

Как видно из вступления, понимание терроризма менялось во времени, что затрудняет задачу, однако для практических целей достаточно понимания сути явления, строгая юридическая формулировка не обязательно. Но и на таком уровне есть проблемы...

Не существует понимания любого феномена «вообще», определение даётся всегда на некоем когнитивном (понятийном) поле, со специфической точки зрения. Терроризм имеет три основных «ракурса рассмотрения».

С военной точки зрения терроризм не представляет собой ничего особенного: локальные боевые действия низкой интенсивности. При этом террористические действия против регулярной армии ведутся редко, как и военные действия против террористов — если только они сами не объединяются в армейские соединения, как это произошло с ИГИЛ¹.

С точки зрения криминалистики терроризм — это один из видов уголовной преступности: кто-то сам либо в составе группы планирует преступление, совершает его или же угрожает совершить.

Третий ракурс — это специфика терроризма в плане политической, религиозной, этнической либо другой идеологической борьбы. Именно это свойство отличает терроризм от «обычного преступления». Одно и то же событие может иметь разные мотивации. Например, если автомобиль врежется в толпу людей — то это может быть просто несчастным случаем из-за поломки тормозной системы и несоблюдения водителем безопасности движения. Какими бы не были трагическими последствиями, умысла причинить вред не было. В той же ситуации водитель может оказаться сумасшедшим или маньяком, который решит намеренно задавить людей. Умысел имеется, но и это событие — не теракт. И только если некто совершит это преступление с некими идеологическими посылами, что-либо требуя и запугивая людей, — тогда это будет считаться терроризмом.

Определений терроризма в работах по политологии, социологии, психологии, юриспруденции — десятки даже только на русском языке. Казалось бы, такая важная проблема, актуальная для многих стран и даже существующая на международном уровне — но и в уголовном праве разных государств нет даже похожести трактовок. В США после теракта 11.09.2001 поднялся гигантский вал государственной деятельности, было принято множество новых законов, не говоря об общественном резонансе, но общего

---

¹ ИГИЛ — террористическая организация, запрещённая на территории РФ.

определения так и не выработали. На практике в США принято относить к терроризму «политическое мотивированное насилие» (хотя это далеко не всегда так), при этом трактовки бывают странными — к терроризму могут относить и действия в поддержку правительства. Позже мы рассмотрим этот вопрос подробнее, но не секрет, что Вашингтон имеет проблемы с отделением террористов от «борцов за свободу» в других странах. Точнее: «повстанцы» отличаются от «бунтовщиков» и «террористов», исходя из интересов США.

В Германии в уголовном праве вообще нет понятия терроризма. Конечно, убийства и другие преступления имеют соответствующие статьи закона, но статья «терроризм» отсутствует. Возможно, потому, что немецкая педантичность не в состоянии дать однозначное определение явлению. В Италии иной подход: терроризм относится к организованной преступности и смешивается с преступлениями мафии.

Очень странно: по всём мире говорится об опасности терроризма, который уже вышел на международный уровень, и при этом отсутствие чётких определений позволяет включать в понятие или исключать из него разнообразные деяния... по желанию, будем говорить своими словами. Впрочем, не будем забегать вперёд.

В России действует закон №35-ФЗ «О противодействии терроризму» от 10.03.2006 (действ. ред. от 06.07.2016), статья 3 которого так определяет терроризм: «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

Террористический акт определяется как «совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на

принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях». Та же трактовка использована в ст. 205 «Террористический акт» УК РФ.

Рассмотрим важные нюансы понятия.

Терроризм — это метод, он всегда применяется для достижения неких целей. Часто упоминают именно политические цели, то есть если одна преступная группировка решит уничтожить другую в рамках конкуренции, то термин «терроризм» неприменим, разве что образно. Однако такой подход не совсем верен: цели у террористов не обязательно строго политические, но всегда *идеологические*. Идеология, конечно, может быть политической, но не только: террористы могут преследовать религиозные цели или исходить из межрасовой неприязни. Сепаратизм можно считать политикой, но целесообразнее всё же выделять отдельно.

Идеологическая «оболочка» очень важна для терроризма — она как бы «оправдывает» его. Даже если требования заключаются в освобождении из заключения поделщиков, террористы обязательно подадут это как «борьбу за свободу». Обратите внимание на отличие от обычных уголовников, которые всё же не применяют методов «отпустите наших корешей или мы взорвём невинных и непричастных» — а ведь теоретически могли бы.

Понятно, что насилие (или угроза такового) неотделимо от терроризма, но, в отличие от обычной преступности, терроризм использует как жертвы непричастных людей намеренно. Преступник, даже выбирая жертву наугад как объект кражи или грабежа, хочет получить пользу именно от жертвы. Даже маньяк, убивая и насилуя, непосредственно связывает свои цели с жертвой.

Отличительная особенность терроризма — это применение насилия к случайным людям с целью получить некую пользу от других. Иначе говоря, жертвы терроризма не просто невиновны, но и никак непричастны к целям террористов. На практике это означает невозможность защититься от теракта — он немотивирован по отношению к жертвам. Скажем, риск быть

ограбленным возрастает, если вы напоказ дорого одеваетесь или размахиваете пачкой денег. Можно этого не делать — и, конечно, никто ничего не гарантирует, но риск понизится. А вот на риск сесть в метро в вагон с бомбой индивид повлиять никак не может.

Такая невозможность хоть что-то сделать создаёт специфическую обстановку страха, принципиально отличающуюся от, например, военных действий, при которых хотя бы понятно, что и зачем происходит. По этой причине террористы, как правило, широко оглашают свои деяния, чтобы информация дошла до всех обычных жителей. Власти в этом случае показываются как неспособные защитить население, и террористы рассчитывают, что их требования будут выполнены — иначе рейтинг политиков действующей власти понизится, что в демократических государствах элиты очень не любят. Кто-то метко обозначил терроризм как войну с эффектом театра.

Если сформулировать определение терроризма как можно короче, то, пожалуй, можно перефразировать и дополнить известную дефиницию Б. Крозье:

«терроризм — это публичное мотивированное насилие над непричастными индивидами с идеологическими целями».

В определении важно каждое слово, оно должно быть необходимым и достаточным. Здесь имманентными свойствами обозначены насилие, идеологическая мотивация, непричастность жертв и публичность действия. То, что население при массовом терроризме погружается в атмосферу постоянного страха — следствие.

Напомним, что книга посвящена современному терроризму, и то, что некогда жертвы терроризма выбирались персонально, относится к истории, становлению понятия. Ничего особенного таком изменении значения слова нет: например, некогда слово «инвалид» означало просто «ветеран».

3. Классификация терроризма

Перед тем, как перейти к более интересным темам, позанудствуем ещё немного для лучшего понимания. Дело в том, что людям свойственно смешивать в кучу «для простоты понимания» многое из того, что имеет смысл разделять. Или, по крайней мере, понимать, что отличия имеются. Если вы услышите крик «Пожар!», то действия требуются иные, чем, скажем, при вопле «Бешеная собака!», не так ли?

Точно также, говоря о «просто терроризме», «просто теракте» или «просто террористе», — по сути, вы говорите ни о чём в практическом плане, требуется понимать специфику конкретных событий. Несмотря на серьёзность темы, вспомним старый анекдот, уж очень он в тему:

«— Мама, а жеребёнок — это ребёнок лошади?

— Да, сынок.

— А кобыла — это мама жеребёнка, самка лошади?

— Правильно.

— А жеребец — это папа, самец лошади?

— Конечно.

— Но, мама, а кто же тогда просто лошадь?».

Пройдёмся кратко по классификациям терроризма. Их придумали много, но будем обращать внимание на практическую сторону вопроса.

По идеологическим целям выделяют три основных вида современного терроризма: политический, религиозный и этнический, которые могут сочетаться.

Политический терроризм направлен на противодействие какой-либо политике: против конкретного правительства, против идеологии государства, на рост недовольства в стране (как подготовка к «цветной» революции). Используя терроризм как метод, невозможно продвигать конструктивные цели. Подход «сейчас мы вас взрываем, а если нас выбрать в правительство,

то перестанем» — не сработает. Поэтому воздействие идёт косвенно и хитрее: обычно через захват заложников. Власти по понятной причине стремятся избежать жертв, им могут соглашаться на многие требования. Но, главное, — они «теряют лицо». То же самое может достигаться взрывами в людных местах.

Народ подводится к мысли «зачем вам власть, которая не может вас защитить» — дальше возможна эскалация протестов по стандартной методичке. Говоря своими словами, политический терроризм — это крайняя форма оппозиционной деятельности.

Важно понимать, что подобное недовольство населения может быть направлено по двум вариантам, скажем так, выборов нового правительства. Адекватный вариант: чёткий курс на уничтожение террористов: «мочить в сортире». Но, понятно, цель террористов иная: «давайте изменим политику страны так, чтобы вас перестали терроризировать». Второй вариант: сдача позиций, правительство работает на чужие интересы или, как минимум, учитывает их чрезмерно, в ущерб национальным.

Важно отличать политический терроризм от действий политических экстремистских группировок — часто эти понятия смешивают, причём, очень вероятно, намеренно. Сейчас это не особо актуально, но в 70-80-е были достаточно активны левые экстремистские группировки, такие как «Фракция Красной Армии» (ФРГ), «Красные бригады» (Италия) и даже «Японская красная армия». Позже активизировались крайне правые экстремистские группировки в разных странах. Принципиальное отличие в том, что эти экстремистские группы, несмотря на схожесть методов, не применяют их к просто случайным согражданам: левые группировки направлены на капиталистов, правые — на инорасовые группы. При этом продвигаемая ими позиция — «за обычный народ». Если их и называть террористами, то в раннем, романтическом смысле бомбистов-народников.

Религиозный терроризм, как это понятно из названия, имеет целью уничтожение иноверцев физически либо их отказ от своей религии в пользу религии террориста. Причём религия здесь может быть некоей конфессией в рамках общей религии. В современности религиозный терроризм обычно связан с политическим: цели имеют политический характер, но при этом дополнительно имеется «прикрытие» целей и методов религиозной риторикой.

Важно понимать опасность такого вида терроризма: неизбежен фанатизм, основанный на лучшей «жизни после смерти», да и вообще религиозно верующие люди склонны слепо верить своим лидерам и слабо поддаются рациональным аргументам. В дальнейшем тема религии в приложении к терроризму будет рассмотрена подробно. Пока же отметим, что с религиозным терроризмом можно бороться лишь на государственном уровне, причём превентивно, не допуская развития в социуме идей «избранности», «единственно верных» вероисповеданий и т.д.

Этнический терроризм обычно называют национальным или националистическим. Однако с термином «нация» имеются сложности, которые не относятся к теме этой книги, но использовать некорректную терминологию всё же антинаучно. Очень кратко: нация — это высшая степень развития этноса, на которой он образует государство, т.е. нация — это государствообразующий этнос. По политическим причинам в современности интенсивно продвигается антинаучное определение нации «по гражданству». На подробности отвлекаться не будем, просто отметим, что так называемый националистический терроризм — на самом деле этнический.

Этот вид терроризма применяется для разжигания межэтнической розни, нарушения уже сложившегося цельного культурного общества. Цель — нарушение стабильности социума. Нагляднейший пример — обстановка в 90-х при уничтожении Советского Союза на этнических окраинах: во многих местах не просто применяли насилие к представителям других этносов, но

именно что запугивали их с целью вытеснения с территорий. Сюда же относится сепаратизм как цель. Этот вид терроризма обычно поддерживается другими государствами, заинтересованными в ослаблении страны.

Здесь надо отличать терроризм от геноцида. Например, в Третьем Рейхе был геноцид еврейского населения — но не терроризм. Евреев не запугивали, а выселяли и уничтожали, при этом каких-либо целей от неких третьих лиц не предусматривалось. То же самое можно сказать про американцев по отношению к индейцам.

В классификацию по идеологическим целям многие относят общеуголовный терроризм с корыстными целями, то есть запугивание тех, кто пытается сопротивляться преступникам, и Криминальный терроризм — устрашение членов других преступных групп. Это вносит путаницу: криминальные разборки — дело преступников, население они затрагивают лишь случайно. Запугивание же тех, кто сопротивляется — целенаправленно. Возможен вариант «некто показательно жестоко убит», но это будет именно адресное убийство (даже если с семьёй), в отличие от терроризма.

Также многие политологи пытаются ввести понятие «государственного терроризма» как метода запугивания собственного населения. Этот вопрос отдельно рассмотрим в следующей главе как очень важный, но в любом случае: «репрессии тоталитарных режимов», даже если несправедливые, всё равно адресные.

По отношению к странам целесообразно различать внутригосударственный и международный терроризм. Разница понятна из названий. Здесь важно наличие двух видов международного терроризма: если исторически привычным было террористическое воздействие на другие государства изнутри, то в современности возник феномен террористического «государства» (об ИГИЛ позже будем говорить подробно).

Классификация терроризма по форме относится к разновидностям терактов, классические два варианта:

- захват заложников или, как вариант, похищение людей;
- использование взрывов, поджогов, средств массового поражения.

Интересно, что террористы редко используют расстрелы людей из огнестрельного оружия в качестве теракта. В современности появилась тенденция использования разовых исполнителей с подручными средствами, что сильно затрудняет противостояние террористам.

Это, можно сказать, «обычный» терроризм. В современности также выделяют и другие специфические формы терроризма.

Существует возможность терроризма с применением оружия массового поражения: ядерного, биологического и химического, или же диверсий против соответствующих объектов. Не обязательно красть ядерную бомбу — можно устроить взрыв АЭС. Или рассыпать/разлить где-либо радиоактивные отходы. Пока ещё подобного не случилось.

Другие формы терроризма, которые политологи любят приводить в своих классификациях, строго говоря, относятся к косвенным методам или же вообще надуманы.

Информационный терроризм — использование СМИ и других средств распространения информации в плане воздействия на социум, нагнетания обстановки. В современном мире любой теракт автоматически сопровождается таким вот «информационным терроризмом» — термин не имеет смысла. Разве что рассматривать его как постоянное воздействие на население распространением информации вида «подчинитесь, или вы умрёте!» и «мы все умрём, если не подчинимся» — но, как понимаете, подобное будет работать лишь на фоне «обычного» терроризма.

Пожалуй, «информационный терроризм» имеет хоть какой-то смысл, но большинство подобных классификаций — откровенно странные. Скажем, «кибернетический терроризм» — да, можно вывести что-либо из строя вирусом или хакерскими методами, но это ведь просто инструмент. «Экономический терроризм» — это вообще «образно говоря»; другое дело —

экономика терроризма, но это — отдельный вопрос. Пожалуй, наиболее шедеврален терроризм «электромагнитный, который осуществляется с использованием генерирующих установок мощного электромагнитного излучения, воздействующего как на людей, так и на определенные технологические системы объектов инфраструктуры».

Итого: важно понимать, что есть терроризм и какие виды он принимает. Но при этом не стоит закапываться в около научные (и тем более псевдо-) статьи, которые пишутся с целью «чтобы была умная публикация».

Цель этой книги, в отличие от подобных умствований, — не «самая точная классификация», а понимание феномена терроризма, специфики психики террористов, — всё то, что может помочь на практике, если читателю придётся столкнуться с чем-либо подобным.

4. Государственный терроризм

Государственный терроризм — термин, достаточно широко используемый, и при этом, можно сказать, почти произвольно, в качестве удобного ярлыка для осуждения. Для обычного человека тема важна в плане понимания «что происходит», поскольку концепция часто используется для искажения истории — а, как известно, «исправление истории в нужную сторону» формирует настоящее и будущее. Кроме того, к теме государственного терроризма вплотную примыкает метод ограничения гражданских свобод по поводу (не причине!) якобы разгула терроризма. Рассмотрим эти темы.

Термин «государственный терроризм» впервые появился в 1984-м году в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН №39/159 «О недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государств, направленных на подрыв общественно-политического строя в других суверенных государствах», но определения термина в резолюции не было. Из текста можно понять, что имелись в виду действия, которые направлены

против суверенитета других государств. Развёрнутое описание появилось в декларации Женевской конференции 1987-го года. Текст стоит полного цитирования:

«В частности, государственный терроризм проявляет себя в:

1) практиках полицейского государства, направленных против своего собственного народа, чтобы доминировать через страх путём надзора, разгона групповых митингов, контроля над новостными СМИ, избиений, пыток, ложных и массовых арестов, ложных обвинений и слухов, показательных судебных процессов, убийств, казней без суда и смертной казни;

2) ввозе или транспортировке ядерного оружия государством на, или через территорию, или территориальные воды других государств, или в международные воды;

3) осуществлении военных манёвров или военных учений, проводимых одним государством в непосредственной близости от другого государства, с целью угрожать политической независимости или территориальной целостности этого другого государства (например, в Гондурасе, в Корее, в заливе Сирт);

4) атаке вооружёнными силами государства целей, которые ставят под угрозу гражданское население, проживающее в другом государстве (например, бомбардировки Бенгази, Триполи и Туниса, деревень друзов в Ливане и курдских деревень);

5) созданию и поддержке вооружённых сил наёмников государством с целью свержения суверенитета другого государства (например, против Никарагуа);

6) убийствах, покушениях и заговорах, совершаемых государством в отношении к официальным лицам других государств или национально-освободительных движений, будь то осуществляемых военным ударом, спецподразделениями или тайными операциями “разведывательных сил” или

их сторонних агентов (например, ЦРУ против никарагуанских политиков, семьи Каддафи, Ясира Арафата);

7) тайных операциях разведывательных или других сил государства, которые предназначены для дестабилизации или подрыва другого государства, национально–освободительных движений, или международного движения за мир (например, подрыв судна «Воин радуги»);

8) кампаниях по дезинформации, проводимых государством, будь то направленных на дестабилизацию другого государства, или на создание общественной поддержки применения экономической, политической, военной силы или запугивания, направленных против другого государства;

9) продажах оружия, которые поддерживают продолжение региональных войн и тормозят поиск политических решений международных споров;

10) отмене гражданских прав, гражданских свобод, конституционных гарантий и верховенства права под предлогом якобы борьбы с терроризмом;

а также

11) разработке, испытании и развертывании систем ядерного и космического оружия, что при любых обстоятельствах увеличивает вероятность геноцида и экоцида, в то время как бедных обрекает на продолжение нищеты и всё человечество — на состояние постоянного страха.

Отсюда следует, что наиболее опасной и пагубной формой государственного терроризма в современном мире является то, что практикуется ядерными державами против остального международного сообщества и для приличия называется ядерным сдерживанием».

Пункт 10 обсудим чуть позже, сейчас же обратим внимание на интересную смесь тезисов. С одной стороны, политика вмешательства в дела других стран во многих случаях обозначена как терроризм — произошло навешивание ярлыка: понятно, что в международной политике всегда имеются попытки воздействовать на другие страны различными способами, а такие

прямые действия, как убийства важных лиц или «обычные» теракты по отношению к гражданскому населению и раньше осуждались. Но «просто терроризм» был переведён в «государственный». При этом практика применения декларации — весьма избирательна.

Пункт 2: формально под него попадает размещение ядерного оружия США на территории других стран НАТО. Военные учения США с союзниками в непосредственной близости от Северной Кореи проводятся регулярно (п.3). Пункт 4 — это вообще традиционные действия США, от Сербии и до Сирии сейчас, где применим и п.5 про поддержку антигосударственных наёмников. В пункте 6 даже напрямую указан Каддафи — сейчас всем известно, чем всё закончилось в Ливии. Короче говоря, большинство пунктов подходит под регулярные действия США по отношению к другим странам, традиционные методы, применяемые не одно десятилетие. Но при этом никто официально не обвиняет Вашингтон в государственном терроризме.

Пункт 11 вызывает недоумение: по сути государственным терроризмом названо владение ядерным оружием. Которое действительно является оружием сдерживания.

Важный аспект выявляется чуть далее:

«...народы, которые ведут борьбу против колониального господства и иностранной оккупации и против расистских режимов в осуществление своего права на самоопределение имеют право использовать силу для достижения своих целей в рамках международного гуманитарного права. Такие законные применения силы не следует путать с актами международного терроризма. ...подавляющее большинство нарушений законов и обычаев ведения войны совершались и продолжают совершаться регулярными, нерегулярными, военизированными и тайными силами государств, а не национально-освободительными бойцами».

В современности такой подход приводит к грустным шуткам вида «а умеренных террористов будем зачищать умеренными бомбами». Различие

между «повстанцами» и «террористами» весьма конъюнктурно и зависит не от методов их действий, а от выполняемых ими задач. Западные СМИ применяют различные именованья группировок именно по принципу «выгодно ли это США/глобализму».

Возникает вопрос: как Советский Союз мог подписаться под таким документом? Всё просто: в 1987-м году о современных проблемах никто и подумать не мог, тогда национально-освободительные движения действительно обычно были таковыми.

Самый же актуальный в настоящее время пункт — это №1, про «полицейское государство, направленные против своего собственного народа». Широчайшие возможности трактовки «как надо».

Здесь, кстати, есть нюанс, разница между террором и терроризмом. Первое — это социальный фактор, внутренняя политика государства, такая, как «белый» и «красный» террор. Терроризм же — это именно уголовное преступление. Так, либеральные мифы часто говорят о «сталинском терроре», и гораздо реже (потому что это всё же безграмотно) о «сталинском терроризме».

В современности государственный терроризм чаще всего используется для пропаганды и упоминается в расширительном формате, в качестве ярлыка, приблизительно так же, как и «тоталитаризм». Государство обвиняется в «устрашении населения», «порабощении» и т.п. Известный специалист С. Сигеллер определяет государственный терроризм как превышение власти и использование силовых структур против собственного народа, а также — внимание! — для подавления оппозиции.

Подобное видение термина позволяет именовать «государственным терроризмом» практически любое жёсткое обращение с оппозицией. При этом обычно не упоминается незаконность митинга и т.п.

Но всё гораздо интереснее. Бывают обстоятельства, когда государство вынуждено вести себя очень жёстко. Наверное, всё слышали об «эскадронах

смерти» как о тайных подразделениях. Казалось бы: вот он, государственный терроризм как он есть, в чистом виде! Вот только нельзя выдирать факты из контекста...

Возьмём актуальный пример: Филиппины, где количество наркоманов среди низших слоёв населения — более трети, а после отмены смертной казни в 2006 году наркоторговцы обрадовались и начали укрупнять свой промысел.

Однако в 2016-м году президентом был избран Родриго Дутерте, который ранее был мэром города Давао почти 30 лет и добился резкого снижения преступности в городе при помощи «эскадронов смерти», которые уничтожали преступников без суда и следствия, по факту. Когда подобное происходило на уровне города, международная общественность как-то не замечало методы Дутерте, но после распространения их на всю страну они спохватились и начали возмущаться. Особенно тем, что президент Филиппин не скрывает своих убеждений и вообще часто неполиткорректен. В предвыборной речи он честно сказал: «Забудьте эти законы о правах человека», а первым обещанием после избрания было: «Я намерен положить конец незаконному обороту наркотиков, и устрою ад преступникам». Мораторий на смертную казнь не был отменён, но уже за первые три месяца было публично уничтожено несколько сот наркодельцов, после чего, по официальным данным, прибежали сдаваться сотни тысяч, чтобы остаться в живых. Причём дело не ограничивается мелкими пушерами, Дутерте быстро добрался и до нескольких генералов, «крышевавших» наркобизнес.

Казалось бы: жестоко, но справедливо, не так ли?

Но сотни правозащитных организаций призывают осудить такую борьбу с наркодельцами. Показательная цитата главы Международного консорциума по наркополитике Энн Фордхэм: «Мы призываем УКН ООН публично осудить происходящие на Филиппинах зверства. Эти бессмысленные убийства не могут быть оправданы...».

Показательно, что жёсткость Дутерте избирательна. По отношению к наркодельцам он беспощаден, при этом терпеливо налаживает взаимопонимание с оппозиционерами, хотя общаться ему приходится с такими бескомпромиссными и вооружёнными группировками, как маоисты Новой народной армии и моро, сторонники автономии филиппинских мусульман. При этом к членам ИГИЛ, запрещённой и в России организации, Дутерте относится так же, как и к наркоторговцам.

Общение с гуманистами-правозащитниками местами приобретает комедийный оттенок: верховный комиссар ООН по правам человека Зейд Раад аль Хусейн заявил, что Родриго Дутерте надо бы пройти психиатрическую экспертизу, на что тот посоветовал согражданам не общаться с сотрудниками ООН, а действовать: «Они приедут сюда. У вас же здесь есть крокодилы, которые едят человечину? Бросьте этих сукиных сынов туда». После перебранки президент Филиппин подумал и в марте 2018 года отозвал ратификацию Римского статута участия страны в работе Международного уголовного суда, в котором уже хотели завести дело на Дутерте из-за его внутренней политики по борьбе с наркотиками. Как нетрудно догадаться, её несложно классифицировать как «государственный терроризм». То, что при этом терроризируется не всё население, а преступники-наркоторговцы, принципиально игнорируется.

И вот как относится к такому государственному терроризму? Можно ли сказать, что он категорически неприемлем?

Важно понимать, что возмущение применением жёстких методов в борьбе с наркомафией — это не какое-то странное исключение. В августе 2016 года в «The Washington Post» появилась статья под названием «Российская война с наркотиками вредит Америке»:

«Говоря о Владимире Путине, следует отметить еще один способ, с помощью которого Россия причиняет ущерб американским интересам. Россия помогает вести войну с наркотиками. Фактически Россия агрессивнее всех

прочих стран мира требует продолжать борьбу с наркотиками... жёсткая позиция России в области борьбы с наркотиками вредит нам».

Не будем разбирать странные рассуждения автора, но позиция иллюстративна: в т.н. цивилизованном мире сейчас принято легализовать наркотики, одновременно ужесточая борьбу с привычными и давно вписанными в культуру алкоголем и табаком. Причины и последствия этого феномена выходят за рамки книги, но отметим, что сопротивление этому безумию можно легко и просто отнести к «государственному терроризму» и обвинить страну в «нарушении прав человека». На самоуничтожение и помощь другим в этом деле...

Перейдём к более практическим для обычного человека последствиям терроризма на государственном уровне. Речь идёт о сокращении прав и свобод по формальной причине борьбы с терроризмом.

Самый наглядный пример: изменения законодательства в США после событий 11 сентября 2001 года, когда в Нью-Йорке произошла всем известная катастрофа с Северной и Южной башнями Всемирного Торгового Центра, а также менее известная — с корпусом того же Торгового Центра WTC7, в который никакой самолёт не врезался даже теоретически. Единственный случай в мире, когда небоскрёб сложился и рухнул внутрь от пожара. С учётом того, что в здании располагалось множество государственных организаций, включая налоговую службу и комиссию по биржам и ценным бумагам, погибли архивы, содержащие множество компрометирующих материалов.

Миллиардер Ларри Сильверстайн, который взял в аренду на 99 лет башни-близнецы в июне 2001 года за \$3,2 млрд, в день катастрофы не присутствовал на работе в здании, как и его дочь, и остались живы. Страховые выплаты с доплатой из фонда Liberty bond составили \$8,05 млрд. В результате теракта погибло почти три тысячи человек. Исполнителем теракта была назначена «Аль-Каида», суннитская террористическая организация, запрещённая в РФ. Интересно, что в 2018 году суд Нью-Йорка признал Иран

(шиитская страна) причастным к этим событиям, не предоставив доказательств.

Как же отразилась эта трагедия на жизни обычных американцев?

В срочном порядке, уже в октябре, был принят так называемый «Патриотический акт», официальное название: «Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act of 2001», то есть акт «О сплочении и укреплении Америки путём обеспечения надлежащими средствами, требуемыми для пресечения и воспрепятствования терроризму». Что же подразумевалось под этими средствами?

Документ узаконил такие привычные методы слежки, как прослушивание телефонных разговоров и перлюстрацию почты (включая, разумеется, электронную), не по постановлению суда по конкретному делу, а просто по подозрению, сократив получение разрешения до формальности. Точно также было упрощена процедура организации наружного наблюдения, разрешён доступ к истории болезней и деловым документам и множество нововведений. Например, спецслужбы получили право изучать библиотечные формуляры граждан — не читает ли кто что-либо «неправильное». Было введено понятие «гражданской конфискации» собственности — то есть просто по подозрению можно было изъять собственность «в интересах следствия», приостановить бизнес подозреваемого. Точно так же — без санкции суда, просто заполнив бланк.

Наглядная иллюстрация методов якобы обеспечения безопасности — «список непригодных к полету», в которых были внесены те, кто подозревался в причастности к терроризму. Основанием — вы уже поняли — служило не постановление суда, а «рекомендация» спецслужб. Занесённых в список не допускали к воздушным полётам.

Сначала с список было занесено несколько сотен человек, что, возможно, и было обосновано, но при Бараке Обаме список расширили до 2,5

миллионов имён. Особенно приятно было однофамильцам. Возможно, потом ситуацию исправили, но, похоже, изначально в списке были лишь имена — пресса писала, что были случаи, когда родители обнаруживали, что их младенец находится в списке. Несмотря на явную ошибку, формальность запрета в таких случаях выполнялась. Борьба за безопасность от террористов — дело серьёзное.

Через несколько лет под давлением общественности и сенаторов от демократической партии ситуация формально стала легче: так, ФБР обязали периодически уничтожать информацию о подозреваемых лицах. Кто-либо верит в то, что спецслужбы будут выполнять такие, с их точки зрения, странные распоряжения?

По отношению к иностранцам стали возможны ещё более жестокие меры, вплоть до помещения в секретные тюрьмы без предъявления обвинений и на неограниченный срок — этот закон подписал Обама, который во время предвыборной компании обещал закрыть тюрьму в Гуантанамо, прекрасно существующую до сих пор. В подобные места заключения людей отправляют специальные «военные комиссии» из трех человек. Процедура не подразумевает применения принципа презумпции невиновности и единогласности мнений.

В 2014-м году в США был опубликован сокращённый вариант доклада ЦРУ о применении «чрезвычайных методов следствия» по отношению к подозреваемым в терроризме. В нём 500 страниц. Полный вариант текста засекречен и имеет объём более 6000 страниц. Применением таких методов возмущаются даже бывшие сотрудники ЦРУ. Бывший аналитик Рэймонд Макговерн отметил:

«Усиленные техники допроса являются прямым дословным переводом немецкой фразы "Verscharfte Vernehmung" (усиленный допрос) — так называлось руководство по аналогичным методам пыток у гестапо. Знали ли в

США перевод этой фразы или нет, достаточно иронично, что методы пыток схожи, включая так называемую пытку водой».

Речь идёт о процедуре, называемой «waterboarding»: подозреваемого фиксируют в положении на спине с запрокинутой головой, после чего льют воду на область рта и носа, вызывая чувство утопления.

Поражает не само применение этого и других методов «усиленного допроса», а бюрократическое обсуждение подобного на высшем уровне. Сенаторы, отстаивающие разрешение «waterboarding», заявляли, что процедура не причиняет непосредственного физического вреда, поэтому не является пыткой, а лишь способом психологического давления. Тот же аргумент можно использовать для оправдания пытки непрерывной громкой музыкой, лишением сна, длительного нахождения в неудобной позе и так далее. Проще говоря, можно издеваться как угодно, не оставляя физических следов.

В 2005-м году Конгресс всё же запретил использовать «waterboarding», но это официально. Но следов-то реально не остаётся...

Летом 2013 года Эдвард Сноуден рассказал много интересного о программе «Призма», принятой при Буше: в США разработали и применили систему мониторинга, объединив данные всех крупных IT-компаний, начиная с Google, Apple и Microsoft. Нарушение конфиденциальности данных проходило под прикрытием федерального суда. Спецслужбы США могли законно использовать все эти данные для кого угодно, а не только граждан США или лиц, находящихся в стране. После скандала со Сноуденом спецслужбы пытались отстаивать свою позицию, заявляя о важности предотвращения терактов, для чего и требуется сбор такого количества частной информации, но при этом не смогли отчитаться перед Конгрессом, приведя хотя бы одно успешное расследование с применением такого метода.

В 2015-м году срок действия «Патриотического акта» истёк, и он был заменён на «Акт о свободе» (USA Freedom Act). Были внесены «важные»

изменения: теперь базы данных о пользователях интернета хранятся самими ИТ-компаниями и предоставляются по запросу спецслужб. У Агентства Национальной Безопасности отобрали право на прослушку — и тут же обязали телекоммуникационные компании прослушивать абонентов по указанию АНБ, которое теперь будет платить за это деньги владельцам компаний связи.

Изменения косметические и не более того.

Подход, надо сказать, не уникальный: в Великобритании в 2016-м году принят «Акт о полномочиях следствия» (Investigatory Powers Act), который во имя борьбы с терроризмом даёт широкие полномочия по прослушке, обязует провайдеров хранить для каждого пользователя список посещённых сайтов и предоставлять его по запросу полиции и так далее.

Таким образом, неприятности для обычного человека могут происходить не только при «государственном терроризме», независимо от обоснованности, но при использовании терроризма как универсального обвинения, для которого достаточно лишь подозрения, чтобы государство, на словах выступающее за свободу, приняло репрессивные меры.

5. Причины терроризма

Раз есть явление — должны быть причины. Проблема в том, что терроризм — сложное явление, изменяющееся во времени, а люди склонны во всём искать «самую главную» причину, между тем как в действительности имеется множество факторов. В самом деле, если причина — «просто религия» или «просто бедность», то почему не все религии порождают терроризм, и тем более не все неимущие имеют нему склонность?

В практическом плане важно понимать психологию террориста, а её особенности зависят от причин, сподвигнувших его на это занятие. Поэтому подробно психологические нюансы и мотивы обсудим позже, а сейчас очень кратко ознакомимся с основными гипотезами, объясняющими причины явления.

Изучение причин терроризма началось приблизительно в 60-х годах прошлого века, когда терроризм стали рассматривать как отдельное явление, не сводимое к «обычным» уголовным преступлениям. При этом отечественные работы по теме писались на зарубежном материале: в Советском Союзе терроризм был единичным, форс-мажорным явлением (тема разбиралась во вступлении). Более того, автоматически использовался т.н. классовый подход марксистской идеологии, что дополнительно искажало видение проблемы. Западные же социологи пытались подойти со стороны психологии: понять, что движет террористом. Подход, конечно, правильный, но особенность психологии как науки — это, увы, отсутствие единой теории и деление на различные «школы». Подобная ситуация сложилась и в социологии, но в более мягкой форме. Тем не менее, специалисты смогли выделить четыре «главные причины» терроризма: социологическую, социально-психологическую, политологическую и цивилизационную. Рассмотрим их по очереди.

Социологический подход указывает причиной терроризма вопиющее материальное неравенство и его рост со временем: богатые богатеют, бедные беднеют. В 2010-м году выяснили, что 50% всей собственности в мире принадлежит 388-ми богачам. В 2016-м году подсчёт повторили — согласно докладу «The Wealth report» половиной мировых богатств владели уже 62 самых богатых человека. Тогда же выяснилось, что 1% людей имеет столько же денег, сколько остальные 99%. В 2017-м году специалисты Oxfam подсчитали, что суммой, эквивалентной состоянию беднейшей половины жителей планеты, владеет всего восемь богачей. Подобные исследования широко известны и уже никого не удивляют, а глобализация мира усиливает эту тенденцию.

Однако можно ли считать бедность причиной терроризма? Очевидно, что нет: далеко не все бедняки становятся преступниками и тем более

террористами, при этом многие террористы — отнюдь не бедные люди. Особенно руководители крупных террористических группировок.

Тем не менее, нельзя игнорировать весомое косвенное влияние бедности, которая сопровождается необразованностью, что влияет на внушаемость и веру агитаторам. Известно, что в тяжёлые времена люди чаще обращаются к религии — это также имеет значение. Глобализация приводит к столкновению несовместимых культур, что непосредственно проявляется как раз на маргинальном уровне.

Можно сказать, что социологические причины сами по себе вряд ли являются сколь-либо значимой причиной терроризма, но проблемы беднейших слоёв населения способствуют криминализации низов общества, откуда до терроризма сделать шаг уже проще. Скорее всего, без какой-либо идеологической подоплёки, просто за деньги. Из этого же слоя общества часто набирают и смертников: когда у человека нет достойной жизни, то он её особо и не ценит, и на этом фоне та же религиозная агитация гораздо успешнее.

Второй общепринятый подход к объяснению причин терроризма — цивилизационный, он сводится к противостоянию несовместимых культур, представители которых имеют интересы на какой-либо территории. К этой причине, в принципе, можно свести и религиозный терроризм, и этнический, и даже сепаратистский.

Здесь важно понимать несовместимость культурных программ народов на системном уровне менталитета и отличать их от проходящих политических интересов. Второй важный аспект: отличие теории от практики. Скажем, по религиозным убеждениям террористы — практически всегда монотеисты. Но таких конфессий много, и выраженную склонность к терроризму имеют далеко не все. Возникает вопрос: является ли некая религия первичным фактором риска или же она просто входит в культуру, которая и является основной причиной? Или же вообще имеется некое совпадение обстоятельств? Пример немного «со стороны»: в своё время широко известные сомалийские

пираты не имели некоей особой цивилизационной склонности к пиратству, но совпали географическое положение, культурные и экономические факторы.

Терроризм в случае антагонизма культур может быть частично и вторичным, обусловленным давлением со стороны: так, насаждение либеральной демократии и «общечеловеческих ценностей» со стороны США изначально вызывало неприятие в арабских странах. Не так давно по историческим меркам активная ИРА (Ирландская республиканская армия) отстаивала независимость Ирландии от Великобритании, и основа этого движения — именно несовместимость культур (а также исторически несправедливое отношение к ирландцам со стороны британской короны).

Цивилизационный подход учитывает и такое явление культуры, как религию. Важно понимать, что любая религия — это прежде всего вера. Психологически важна не вера в некие мифы конкретных верований, и именно легитимность веры как метода «познания», а также веры религиозным авторитетам. Нельзя сказать, что какая-либо религия способствует терроризму сама по себе, многое зависит от религиозных лидеров. Сейчас, например, многие террористы исповедуют ислам, который приблизительно на 600 лет моложе христианства — в XV веке оно было отнюдь не гуманистическим.

Вера, понимаемая как норма, способствует появлению фанатиков, а что такой индивид решит отстаивать любыми способами — вторично. Хотя, конечно, если какая-либо религия в социуме распространена, то вероятность именно религиозного фанатизма растёт. В дальнейшем вопрос религиозной мотивации рассмотрим подробнее.

Третий подход к объяснению причин терроризма — социально-психологический. Его удобно рассматривать как частный случай массовых социальных движений согласно Эрику Хофферу, написавшему в 1951-м году по теме книгу «Истинноверующий: Мысли о природе массовых явлений».

В этом произведении автор обосновывает гипотезу наличие общих черт у всех массовых движений, будь они формально национальными,

социальными либо религиозными. Низовой уровень таких групп — те, кто не удовлетворён своей жизнью, но феномен сложнее, чем просто недовольство. Человек должен ощутить «жажду перемен» — для этого требуется и чувство наличие собственной силы, парадоксальным образом сочетающееся с утратой веры в себя. При такой комбинации чувств остро востребована вера в некую «священную миссию». И вот тогда эта «миссия» может объединять тех, кто готов жертвовать собой и другими для обретения «смысла жизни». Такие люди составляют активные низы сколь-либо массовых террористических движений.

Важно понимать, что на начальном уровне недовольства вовсе не обязательно, чтобы подобная объединяющая идея всенепременно была «плохой». Пример: борьба за независимость страны или за сохранение своей культуры. Значение имеет именно отсутствие или недостаточность внимания к соответствующим проблемам. Обычно сначала идёт некая пропаганда взглядов, и уже затем — переход к силовым методам борьбы.

Хоффер очень верно подмечает:

«Массовое движение, в частности в фазе его подъема, привлекает не тех, кто хочет продвинуть свое нежно любимое “я”, а тех, кто старается освободиться от своего нежеланного “я”. Массовое движение привлекает и удерживает последователей не тем, что оно удовлетворяет желание самопродвижения, а тем, что оно может дать удовлетворение страсти к самоотверженности».

Другими словами: подобные фанатичные социальные движения деструктивны в обязательном порядке. В этом и заключается повышенная опасность терроризма: если некто стремится к развитию, то с ним можно вести диалог даже при принципиальной разнице позиций. А вот когда индивид самоотверженно стремится к саморазрушению, причём для достижения священной с его точки зрения цели...

В главе «Потенциальный истинноверующий» отмечается, что люди с подобным складом характера могут относиться к самым разным категориям,

но статистически их больше среди бедняков, не имеющих своего места в жизни, изгнанников, меньшинств, подростков, одержимых пороками и навязчивыми идеями, физических или умственных импотентов, а также честолюбцев, которые стоят «или перед непреодолимыми препятствиями, или перед неограниченными возможностями». Под эгоистами автор явно понимает эгоцентристов: эгоист вполне может быть разумным, действующим по принципу «когда всем вокруг хорошо, мне тоже», а вот эгоцентристы обычно имеют психологические проблемы и не учитывают желания других людей. Перечисленные категории не вызывают вопросов, но две последние — скучающие и грешники — нуждаются в пояснении.

Скука — бич современного социума, которому подвержены все страты. Некогда скучать не было времени — выживание занимало всё время. В современности же у большинства варианты существования варьируются от «нет времени ни на что, кроме работы» и до понимания бессмысленности этой самой работы в режиме «от зарплаты до зарплаты». Люди, образно говоря, надоедают сами себе: внутри лишь экзистенциальная пустота, лишённая смысла. Обычному человеку наедине с собой скучно и почти что страшно от одиночества: у него нет творческих позывов, любимого дела и всего остального, что наполняет жизнь смыслом. Бессмысленность внутреннего существования требует внешней подпитки «острыми» событиями, впечатлениями. Большинству хватает новостей по телевизору, которые (обращали внимание?) подаются в стиле «смотрите, какой ужас», но некоторым надо пожёстче и с личным участием. Однако занятия экстремальным спортом или чем-либо подобным требуют и смелости, и упорного труда — сторонникам же экстремальных социальных движений требуется не найти себя, а забыть и заменить «Я» на что-либо внешнее.

Категорию «грешники» Хоффер использует в психологическом смысле: обсуждаемой категории людей хорошо подходит состояние кающегося: искупление требует переживание чувства совершённого греха и

самоотречения во имя чего-либо «высшего». Ценность такого психологического типажа для терроризма в том, что если преступник перейдёт в эту категорию, то у него уже есть навыки презрения к обычным людям, применения к ним насилия. Вполне возможна «накачка» психики в плане «раньше я был грешником и убивал ради наживы, а сейчас я убиваю ради праведного дела и тем самым искупаю свои грехи». Подобная мотивация по сути психопатична и не обязательно связана именно с религиозным фанатизмом.

Четвёртый общепринятый подход — политологический. Идея заключается в сходстве с революцией, часто политологи, придерживающиеся такой позиции, используют марксистскую теорию классов. В этом плане имеется сходство с социологическим подходом, значительное внимание уделяется экономическому неравенству.

Отличие в том, что если революционеры стремятся сменить и захватить власть, то террористы такой цели обычно для себя не ставят. Конечно, в современности (пока ещё) есть феномен «Исламского государства», запрещённого на территории РФ, но это особая тема, о которой позже будем говорить отдельно. Обычно же террористы пытаются сделать своего противника уязвимее и не более того: особенности психики не позволяют (понятно, что сейчас речь идёт о рядовых исполнителях, руководство редко фанатично, «это просто бизнес») планировать сколь-либо далеко. Могут ставиться идеалистические, отдалённые и откровенно утопические цели, но если бы террористам сказали бы «ладно, вы победили, принимайте управление страной», они оказались бы в тупике: разрушение у них является не средством, а целью, как бы это не обосновывалось.

Если же рассматривать политический аспект сам по себе, без отсылки к экономической ситуации, то политика сводится по сути к чёткому отделению своих от чужих. При этом чужие могут быть, а могут и не быть врагами, но для террориста наивысшую цель имеет идея, объединяющая своих (даже не

сами «свои!»), а все её противники записываются во враги, которые в восприятии расчеловечиваются. У террористов психика такого различия упрощается до, можно сказать, архаичного уровня, «племя на племя». В частности, поэтому террористы в современности предпочитают действовать на обычное население. Это некогда бомбисты-разночинцы вели персональный террор. Сейчас же всё примитивно: надо добиться чего-то от «вождей племени», воздействуем на «племя», которое, подразумевается, должно добиваться нужного от «вождя» само.

К политической сфере относится и на первый взгляд парадоксальная ситуация одинаковых последствий разных подходов. Запад (точнее, глобализм) во главе с США долгое время беззастенчиво использовал политику силы, навязывая демократию, свои ценности и своих политиков во многие страны. Со временем это привело к росту количества врагов, особенно когда стало понятно, что даже временно обласканные марионетки-правители затем «сливаются». В результате появился ранее неизвестный феномен — международный терроризм, который официально выступает за независимость своих стран от Запада. С другой стороны, уничтожение Советского Союза Горбачёвым и Ельциным привело к образованию стран из бывших республик, многие из которых вспомнили о мифе «тюрьмы народов», что привело к росту местечкового шовинизма. Появление на этом фоне терроризма как явления было неизбежно. Положение, правда, облегчается тем, что в тех же местах автоматически возникли «горячие точки», и люди с подходящим складом психики сублимируются околовоенным образом, к тому же имея возможность завербоваться боевиками в Сирию (как пример). Тем не менее, теракты на территории России — явление ещё не привычное, но уже не вызывающее удивления.

То есть как чрезмерная жёсткость, так и мягкость в политике являются если не прямыми, то косвенными причинами появления терроризма.

Эти четыре подхода к проблеме развития терроризма являются наиболее общими в политологии, но имеются и другие факторы, которые имеют меньшую значимость, но которые необходимо учитывать.

Нельзя забывать, что терроризм — это преступление, криминальное явление. Можно сказать, переход «обычных» преступлений на новый организационный и политический уровень. Террористические группы практически неизбежно взаимодействуют с криминальным миром, а их ряды пополняются преступниками и людьми с похожей психикой.

Более значительную опасность представляет собой приход к террористам бывших военных. Они имеют опыт и навыки, которые позволяют обучать других, в том числе для разовых самоубийственных акций. Причин несколько, начиная с невозможности применить свои способности на гражданке и уже неспособности жить мирно. К чему это приводит — наглядно видно на примере «ветеранов АТО» на Украине. Если же подобное происходит в условиях, где террористические группировки достаточно распространены, вероятность примкнуть к ним достаточно высока. Также может быть перетекание рекрутов с одних специфических местностей в другие. На примере той же Украины: бандеровщина не вечна, и «херои» перейдут в категорию военных преступников — им придётся бежать куда-нибудь, где такие нужны как пушечное мясо.

Однако есть и причина, которая, с одной стороны, очевидна, а с другой — тщательно замалчивается.

Почему террористы перешли от персонального террора по отношению к власти предрержащих на массовые теракты, в которых страдают обычные граждане? Точнее: почему такие действия считаются достаточно эффективными?

Современная внутренняя политика государств, которые считают себя цивилизованными, считает жизнь человека сверхценностью. Некогда было просто смешно рассчитывать, что власти что-либо будут вынуждены сделать,

если убивать обычное население, но в современности этот метод достаточно эффективен. Причём чем страна «цивилизованнее», тем больше ужасается обыватель тому, что он может пострадать.

Либероидное мышление доходит — без каких-либо проблем! — до мысли «надо сдаваться, если будет опасность» за доли секунды. Всем известный пример: в январе 2014-го на канале «Дождь» в год 70-летия блокады Ленинграда решили провести опрос «не стоило ли отдать Ленинград нацистам, чтобы спасти тысячи жизней». Представляете, как воспринимают мир люди, которые считают такие вопросы нормой и даже отвечают на них положительно? И дело тут не в понимании военных аспектов, а именно в готовности продаться, предать и так далее при угрозе для их привычного существования. Вопрос засилья гуманизма для развитых стран — очень интересен, но напрямую к обсуждаемой теме не относится. Но последствия этого очевидны: если в обществе, где сильны коллективистские традиции, имеется государственная идеология и т.д., попытки давления на граждан воспринимаются как нападение на весь народ, единство которого лишь укрепляется, а террористы записываются во враги, которых необходимо уничтожать, — то либеральном социуме немедленно поднимается тревожность населения, которое в панике требует от правительства защиты. Поскольку политикам надо демократически переизбираться, то мнение электората важнее избавления от террористов — и их требования могут, как следствие, выполняться. Современный житель «золотого миллиарда» в массе инфантилен и превыше всего ценит собственное благополучие здесь и сейчас, не обладая стратегическим мышлением.

В государствах, которые в «цивилизованном мире» принято относить к тоталитарным, подобное гораздо менее вероятно. Представьте теракт где-нибудь в Северной Корее — разве население впадёт в панику? Скорее ещё до теракта потенциальные террористы будут выявлены на стадии «общего

недовольства», задолго до формирования психопатологий, что будет лучше не только для социума, но и для них самих.

Второй крайне важный и банальный фактор, который обычно замалчивается, — это важность поддержки населения. Конечно, хорошо замаскированные малые группы могут обходиться и вообще без контактов с местными — но подобное скорее является диверсионной работой, а не терроризмом. Обычно же надо хотя бы снять квартиру для проживания во время подготовки — уже требуется если не сочувствие, то безразличность к личностям арендаторов и их деятельности. Простой либероидный подход «бизнес, ничего личного»: платят деньги, и ладно. При наличии же социальной ответственности сдачи жилья незнакомцам без понятного источника дохода просто не будет. Особенно если они на вид не местные, исповедуют другую религию и так далее — зависит от местности, где что актуальнее.

Если же терроризм «прописался» на местности, то его эффективное искоренение требует лишения поддержки народом. Наглядный пример — Чечня и Афганистан. Особенно второе: сравните проблемы во время наличия советского и американского контингента.

Говоря о терактах в Европе, нельзя не затронуть вопрос мигрантов. Открыто говорить о связи между ростом преступлений и, в частности, терактов, с наплывом мигрантов стали с 2015-го года, после расстрела редакции журнала «Charlie Hebdo» (было убито 4 журналиста и 8 непричастных людей, 20 получили ранения) и серии взрывов в ноябре, от стадиона и до рок-концерта (погибло 129 человек). Именно тогда стало наглядно видно: далеко не все мигранты желают принимать европейские ценности.

2016-й год.

В марте в международном аэропорту Брюсселя — два взрыва, третий — вагоне метро. Погибло 32 человека, ранено более 300.

В июле в Ницце Мохамед Лахуайедж Бухлель, гражданин Франции тунисского происхождения, на грузовике разметал праздничную толпу. Погибло 86 человек, ранено более 430. В том же месяце баварцам повезло: в городе Ансбах проводился музыкальный фестиваль, на котором террорист (сирийского происхождения) очень удачно взорвался сам, больше никто не пострадал.

В декабре тунисец Анис Амри решил повторить новый способ и врезался на грузовике в ярмарочную толпу в центре Берлина. Погибло 12 человек, серьезно ранено 48.

Конечно, имели место и менее заметные акты терроризма, в том числе неудавшиеся. Кроме того, сейчас принято относить к терактам и нападения на полицейских — например, 07.01.2016 в Париже некто с тесаком и поддельным плясом шахида напал на полицейских с криком «Аллах Акбар!» и был застрелен. Подобные нападения происходят регулярно.

2017-й год (также лишь заметные случаи).

Март, Лондон: террорист на машине сбивал людей на тротуаре, затем напал на полицейских и был застрелен. Убито 5 человек, ранено 50.

Апрель, Стокгольм: житель Узбекистана Рахмат Акилов на грузовике врезался в толпу; убито 4 человека, ранено 15.

Май, Манчестер: смертник Салман Абеди совершил самоподрыв во время концерта; убито 22 человека, госпитализировано 59.

Июнь, Лондон — два теракта при помощи автомобилей. В одном случае террористы после наезда на людей вышли из микроавтобуса и напали на прохожих с ножами. Убито 8 человек, ранено 48; во втором теракте погиб один человек и ранено восемь. Кроме того, в Париже злоумышленник на автомобиле протаранил фургон с жандармами, но погиб сам, других пострадавших не было. В его машине затем обнаружили оружие и боеприпасы.

Август, Барселона: террорист врезался в толпу. Буквально через несколько часов аналогичный теракт произошёл в Камбрильсе (120 км от Барселоны). Погибло 15 человек, ранено 130. Кроме того, двое террористов подорвались при изготовлении бомб в Альканаре.

Сентябрь, Лондон: взрыв в метро. Погибших нет, ранено 29 человек.

Помимо нападений на полицейских и военных с холодным оружием, здесь не учитывались теракты в других странах — их гораздо больше, но сейчас мы говорим о Европе.

Впрочем, нельзя не вспомнить о теракте 3 апреля 2017-го в Санкт-Петербурге в метро: погибло 16 человек, ранено более 50-ти. Взрыв произвёл смертник Акбаржон Джалилов, узбек из Киргизии, в 2011-м году получивший гражданство РФ.

О способах совершения терактов поговорим в следующей главе, а в плане роли мигрантов наблюдается интересный факт: преступления такого рода совершают вовсе не обязательно только что приехавшие. Это лишь кажется логичным: человек специально приезжает в другую страну, чтобы совершить там теракт. Всё гораздо сложнее. Давайте кратко рассмотрим проблему миграции в культурном аспекте.

Термин «мультикультурализм» появился в США и Канаде в конце 1960-х годов, при этом до сих пор не имеется общепринятого определения концепции. В целом можно сказать, что мультикультурализм продвигает идею возможности бесконфликтного сосуществования различных культур в одном социуме на основе их равноправия. То есть ни одна из культур не признаётся доминирующей. Нетрудно догадаться, что на практике такое маловероятно: у коренного населения, которое имеет численное преимущество, имеется своя устоявшаяся культура, и она автоматически будет доминирующей, хотя бы по причине наличия государственного языка. Теоретически возможно мирное сосуществование близких культур, а также постепенная ассимиляция большинством меньших групп, но концепция мультикультурности настаивает

именно на равноправии всех культур. Подобия этого можно достигнуть лишь за счёт обратной дискриминации, искусственного завышения роли этнических меньшинств, толерантности как главенствующего принципа, осуществляемого даже в ущерб коренному населению.

Понятно, что реализация таких идей приводит к результату, обратному по отношению к декларируемому: отношения между группами будут лишь обостряться. Сосуществование с минимальным количеством конфликтов возможно лишь при наличии взаимной терпимости друг к другу, при этом не переходящей в толерантность. Проще говоря, можно терпеть неприятные явления чужой культуры до некоей степени, если они проявляются по незнанию, какое-то время. Однако, если спускать с рук любое поведение по принципу «они лишь хотят жить по своим обычаям», несовместимым с местными, то менять эти обычаи у мигрантов не возникает. Собственно говоря, в их культуре часто нет понятия толерантности, и положение дел выглядит очень просто: если их не заставляют жить иначе, чем они привыкли, то их образ жизни — правильный и его надо продолжать. А раз свой правильный, то культура страны-реципиента — неправильная, далее понятно.

Концепция мультикультурализма, таким образом, заводит в тупик, и весьма неприятный. Обычно она проводится в виде догмы, не делая различия между этническими и религиозными группами, отличающимися по культуре. Между тем необходимо выделять хотя бы две группы мигрантов: тех, кто действительно хочет со временем интегрироваться в новое общество, и тех, кто желает оставаться в виде диаспоры, сохраняя традиционный уклад, невзирая на его несовместимость с местной культурой, и при этом получать выгоду от принимающего государства.

Приблизительно с 2010 года в Европе начали признавать провал концепции мультикультурализма. Во многих странах набирают популярность партии, придерживающиеся национальных ценностей и выступающие против толерантности и наплыва мигрантов. Более того, даже известные политики

осторожно признают этот факт. В октябре 2010 года канцлер Германии А. Меркель на встрече с членами Христианско-демократического союза признала: «концепция, по которой мы в настоящее время живём бок о бок и счастливы этим фактом, не работает», и добавила, что иммигранты должны интегрироваться в культуру Германии. Годом ранее член Социал-демократической партии Германии Тило Саррацин высказался гораздо более прямо:

«Интеграция есть задача того, кто интегрируется. Я не обязан терпеть того, кто ничего для этого не делает. Я вообще не обязан кого-то терпеть, кто живёт на средства государства, отрицает это государство, не заботится об образовании своих детей и постоянно производит на свет маленьких “девочек-в-платках”».

В 2011-м году премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон на конференции в Мюнхене поддержал мнение:

«В Великобритании некоторые молодые люди с трудом ассоциируют себя с традиционными исламскими практиками, которые практикуют их родители. Но эти молодые люди с таким же трудом ассоциируют себя с Британией. Это происходит потому, что мы позволили ослабить свою коллективную идентичность».

Согласился с провалом мультикультурализма и Н. Саркози:

«...мультикультурализм — это неудача. Мы были чересчур озабочены идентичностью прибывших лиц и недостаточно беспокоились об идентичности принимающей их страны. Если ты приезжаешь во Францию, ты соглашаешься стать частью национальной общины, а если ты не хочешь этого делать, тебя здесь никто не ждёт. Наш подход состоял в мультикультурализме, в том, что мы будем жить рядом и ценить друг друга — этот подход провалился, совершенно провалился».

Аналогичные по смыслу заявления в то же время, 2010-11 гг., сделали генеральный секретарь Совета Европы и бывший премьер Норвегии Т. Ягланд,

вице-премьер Нидерландов М. Верхаген, бывший премьер-министр Австралии Дж. Говард, премьер-министр Бельгии И. Летерм и другие политики меньшего «калибра».

В современности, следует признать, разделение проблем терроризма и массовой миграции уже невозможно.

Мигранты создали во многих странах Европы не просто диаспоры, но и анклавов, в которые полиция предпочитает не соваться. Это уже давно не новость, но в этом, 2018-м, году явление официально признала канцлер ФРГ Ангела Меркель. Уже не получается замалчивать. Правда, она не перечислила конкретные регионы, но для немцев это не секрет. Депутат бундестага от партии «Альтернатива для Германии» Антон Фризен их легко перечислил в интервью РИА Новости: Нойкёльн, Кройцберг, Дортмунд-Норд, Эссен и добавил: *«Немецкие законы там не действуют — царит шариат. Эти анклавов продолжают расширяться за счет миграции так называемых беженцев с Ближнего Востока»*.

Сейчас в Германии мигрантов в первом и втором поколении, имеющих гражданство, более 20% населения, более трети из них — выходцы из мусульманских стран. В возрасте до пяти лет дети мигрантов составляют 47%, а к 2025-му году прогнозируется 52,25%. Без всякого преувеличения уже сейчас можно указать на актуальность вопроса «чья будет Германия в ближайшем будущем?».

Анклавов, живущие по своим законам, уже получили говорящее название: «no-go-areas» (районы, куда не надо заходить). Они существуют далеко не только в Германии, но и во Франции, Италии, Великобритании и других европейских странах. В этих «плавильных котлах» варится вовсе не мультикультурализм, а буйная смесь криминала и исламского радикализма. В настоящее время такие районы — это не просто скученно живущие мигранты, а по сути автономные, хорошо организованные социально-политические образования, могущие влиять на политику государства-реципиента. Причём

наглядно видимая пассивность властей таких стран, умолчание этнической преступности, выдача пособий и т.д. воспринимается как слабость с понятными последствиями.

Понятно, что такие регионы имеют свою организацию, и если на низовом уровне часто выдвигаются местные лидеры «из народа», то верхний уровень — это этнические преступные группировки, придерживающиеся религии радикального ислама. Они неизбежно связаны с террористическими организациями. Сейчас наиболее актуально запрещённое в РФ «Исламское государство».

Террористы, попадая в Европу, оказываются в своей среде. Разумеется, не все мусульмане поддерживают террористов. Однако опрос, проведённый во Франции в 2016-м году в мусульманских общинах, показал, что 30% относятся к террористам как минимум с «пониманием», а нередко и одобряют их действия. В стране проживает приблизительно 7,5 миллионов мусульман — посчитайте, какова база поддержки. Кроме того, в такой среде ситуация «поддержать своего» очень прочна, даже если не разделяется позиция. Может, житель анклава и не одобряет радикализм и тем более терроризм, но «чужим» полицейским он помогать не будет.

Интересно, что основной проблемный контингент — это второе поколение мигрантов. Среди «свежих» могут быть агенты террористических организаций, которые будут заниматься организационной и идеологической работой, но для местных терактов очень удобно подходят именно дети некогда приехавших. Дело в том, что у них получается специфическая культурная ситуация.

С одной стороны, отсутствует восприятие местной культуры, по крайней мере — как своей. Чаще всего она презирается как «неправильная», при этом выплата пособий принимается за откуп, позволяющий не работать. Психология паразита, при этом презирающего своего благодетеля. Подобные люди считают, что им именно обязаны предоставлять льготы и т.д.

С другой стороны, они оторваны от своей полноценной этнической культуры: при переносе в анклав многое теряется и изменяется — скажем, дома такой человек не смог бы столь удачно сидеть на пособии, не так ли? Религиозные взгляды, которые дома могут быть достаточно разнообразны, в относительно большом анклаве обычно сводятся к единственному «самому верному» варианту, над чем специально работают эмиссары радикальных течений.

В результате получается специфическое восприятие мира: на уровне подсознательных стремлений тянет к более яркой и соблазнительной европейской жизни, но этот порыв тщательно вытесняется и сублимируется в радикальный вариант этнической культуры религиозного характера. Как следствие — появляется фанатизм и т.д.

К этой и без того печальной картине добавляется новый фактор: достаточно скорое поражение запрещённого в России ИГИЛ приведёт к тому, что скопившиеся в Сирии и Ираке террористы будут вынуждены мигрировать, и Европа — очень привлекательное для них место по указанным выше причинам. Также надо учитывать, что на стороне террористов воюют не только местные радикальные исламисты, но и приехавшие из других стран. Во времена наибольшего могущества, в 2014-2015 гг., войска террористического «государства» насчитывали около 30 тысяч боевиков, из которых около 6-ти — из Европы. Из России — приблизительно 2,4 тысячи. Большинство из них, особенно если не находятся в розыске, вернутся — и при этом будут иметь полноценный боевой опыт, а также привычку к жестокости как норме действий.

6. Изменение современного терроризма в сравнении с прошлым

Мы уже отмечали, что в современности терроризм принципиально отличается не только от романтически настроенных народовольцев, но и от

более поздних акций первой половины XX века (ближе к 3/4). Но действительно ли стоит говорить о некоем «новом терроризме»?

Термин «new terrorism» возник в 1990-х годах на Западе. Сторонники его введения обосновывали необходимость нового обозначения тем, что суть явления изменилась настолько кардинально, что требуется обозначить разницу терминологически. Американский политолог Э. Филд проанализировал массово появившиеся работы на эту тему и выделил следующие свойства «нового терроризма», которые исследователи отмечали как принципиально отличающиеся от «старого терроризма».

1. Требования террористов стали глобальными, заведомо невыполнимыми, политизированными. Не «дайте нам миллион долларов в мелких купюрах, вертолёт и освободите нашего товарища из тюрьмы», а «прекратите препятствовать распространению нашей идеологии» (как пример). При этом отсутствие желания конструктивного диалога с властями наглядно даже при таких акциях, как взятие заложников.

Например, при известном теракте в московском Театральном центре на Дубровке (на мюзикле «Норд-Ост», 2002 г.) требованием террористов было прекращение военных действий в Чечне — причём известны они стали лишь на второй день трагедии. Согласитесь, что если бы это было реальной целью (не будем учитывать невыполнимость), то требования выдвинули бы сразу. Аналогичные требования были и при захвате заложников в школе № 1 города Беслана (2004 г.). Подробности действий террористов по время этих акций общеизвестны — ничего похожего на шантаж с целью добиться своего. Можно сказать, что обе трагедии «играли» по сценарию «сначала показать, что власти не ценят народ, не выполняя требования для спасения жертв, а затем показать, как плохо это заканчивается». Если бы выжидали до конца — последствия были бы ещё более трагичными.

2. Как уже отмечалось, очень наглядна смена тактики от индивидуального террора на массовость случайных жертв.

3. Структуры террористических организаций изменились в сторону децентрализации, сетевых структур. Подробно этот вопрос разберём в этой главе далее.

4. Возникла реальная угроза применения террористами какого-либо средства массового поражения. При желании они могут синтезировать химическое оружие, добыть биологическое (штаммы смертельных заболеваний) или радиоактивные вещества. Атомную бомбу террористы достанут всё же вряд ли, но могут устроить диверсию на атомной электростанции. Подрыв какого-либо химического завода с высокотоксичными веществами — также возможно для крупной организации.

Более того, современная цивилизация уязвима и без таких чрезмерностей. Начиная с «что будет, если в мегаполисе отравить водопровод» и до компьютерной уязвимости тех же систем жизнеобеспечения городов. Можно вспомнить блэкаут в США и Канаде в августе 2003-го: в результате перегрузки и ошибки в программном обеспечении произошло веерное отключение электростанций, без электричества осталось около 50 млн человек. И это — просто случайность (ну и специфика энергосистемы, которая состоит из множества частных).

5. Основные мотивы террористов стали религиозными, причём большинство террористов — мусульмане. При этом СМИ редко уточняют конкретную разновидность ислама. И даже если упоминается ваххабизм — то не забывайте, что эта религия является официальной государственной в Саудовской Аравии. Странно считать всё население как минимум потенциальными террористами.

Дело в том, что в 90-е годы прошлого века исчезла «красная угроза» и Западу срочно потребовался новый объект на тему «против кого объединяемся». По разным причинам, обсуждение которых выходит за рамки книги, на эту роль был назначен ислам. Помимо «нового терроризма» появился термин «международный терроризм», и раскрутка темы пошла на

полную мощность. Интересно, что многие «специалисты по Советскому Союзу», подвизавшиеся на ниве агитации «против коммунизма», тут же перестроились на новую тему и стали «специалистами по международному терроризму».

Нарочитое отделение «нового» терроризма от «старого» попросту антинаучно. Все черты, приписываемые «новому», можно найти в «старом», при этом именно что постепенно эволюционирующие. Сохраняется естественная преемственность организаций и методов, накапливается опыт и делаются выводы. Одновременно происходят изменения и в обычном социуме — как в плане социологии и психологии масс, так и средств распространения информации, доступности и разнообразия техники и т.д. Терроризм как феномен эволюционировал вместе с обществом.

Таким образом, нет оснований заявлять о резком изменении парадигмы на некую принципиально «новую». Именно поэтому российские политологи, психологи, юристы и сотрудники силовых органов изучают «просто терроризм», а не только «новый». Обратите внимание: концепция принципиальной смены сути терроризма косвенно означает, что для борьбы с ним нужны некие новые методы, а традиционные уже устарели. Это легко видеть на практике — например, по постоянному поиску Вашингтоном оружия массового поражения (п.4) в мусульманских странах (п.5).

Другая интересная особенность: вы помните хотя бы один случай, чтобы в результате террористических актов были осуществлены хотя бы какие-то требования? Ну, за редкими исключениями вида «...и денег подкиньте». Зато после таких событий государство нередко «затягивает гайки» по отношению к собственному населению. Классический пример — теракт 11.08.2001 в США, мы его уже обсуждали.

Однако, хотя изменения терроризма эволюционны, особенности современного терроризма имеют место, и они очень важны не только для

теоретического анализа проблемы, но и для практической безопасности для обычного гражданина.

Самая главная особенность современного терроризма, которую действительно можно назвать принципиальным изменением — это смена мотиваций террористов. Если ранее, безотносительно методов, можно было говорить о стремлении к революционному изменению общества, то сейчас терроризм — это один из коммерческих инструментов регулирования социума, если можно так выразиться. «Просто бизнес, ничего личного».

При этом погибают не только случайные жертвы, но и сами исполнители — лишь расходный материал, а не ценные профессионалы. Требования, которые формально выдвигают, — лишь прикрытие настоящих целей организаторов (поэтому-то они именно политические и невыполнимые).

Современная террористическая организация — это не маленькая компания заговорщиков, а целый концерн, который не просто обучает кого-то, но содержит тренировочные лагеря и с таким же размахом действует на остальных направлениях, используя современные средства. Как известна, одна такая организация даже назвала себя государством — настолько крупной стала она и её амбиции. Или взять Палестину: по сути терроризм там стал частью, если можно так сказать, культуры, его практикует уже не одно поколение.

Рост религиозного терроризма явно заметен, но что является его причиной?

С завершением периода «холодной войны» всему миру попытались навязать так называемые «общечеловеческие ценности» — не получилось. После ухода из международных отношений социализма противодействие стандартизации «под глобализм» привело к активности традиционных религий. А из любой религии при желании всегда можно выделить «экстремистский вариант», что мы наглядно видим на примере ислама.

Важно понимать, что религия здесь служит фоном, на котором формируется идеология терроризма, которая имеет и другие составляющие,

основные из которых политическая, этническая и криминальная. Формируется среда, в которой для активного человека обращение к террористической идеологии будет естественным порядком вещей.

Итак: современный терроризм по сути является следствием глобализации мира: стремление превратить всё население в единый рынок с атомарным обществом, фактически оставив за национальными государствами лишь декоративную роль, вызывает ответную реакцию, в том числе — и в варианте мощных террористических организаций, если они удачно «накладываются» на местную специфику. Увы, но терроризм сейчас — не досадное исключение, а постоянный фактор, который нельзя не учитывать. В том числе и в России. Более того, после неизбежного поражения в Сирии так называемого «Исламского Государства» его боевики отправятся в другие страны, в том числе — и в РФ. Нельзя сбрасывать со счетов и заигрывание США с «умеренными» группировками.

Террористические корпорации современности — это *de facto* международная мафия, которая занимается далеко не только непосредственно терактами, но и нелегальной торговлей оружием, людьми, даже местами имеет собственную нефтедобычу.

Очень важно понимать, что в современности изменилась как роль, так и насыщенность «информационного поля». Это произошло буквально на наших глазах, в XXI веке, и стремительность изменений — точнее, следствия из неё — понятны не всем. Ещё не так давно средствами оперативной передачи информации были лишь радио, телевизор и ежедневные газеты. Сейчас же любая информация расходится почти что мгновенно, если представляет хоть какой-то интерес. При этом она вовсе не обязательно объективна и даже правдива...

Современное информационное поле уже практически едино. Даже «великий китайский файероволл» не является серьёзным препятствием для выхода во «всемирную паутину». Его функция — не в том, чтобы оградить

китайцев от мировой (читай: либерально-демократической) информации, а в защите от глобалистских информационных технологий. В Китае есть аналог «Википедии» — «Hudong» (5,675 млн в англоязычной «Вики» и 15,8 млн в китайской энциклопедии на начало 2017 г.). Вместо «Youtube» есть «Youku Tudou», на котором, помимо пользовательских роликов, размещены фильмы. И так во всём: есть своя социальная сеть «Renren», поисковик «Baidu» и так далее. И всё — на китайском, что затрудняет проникновение в информационное пространство КНР снаружи, и препятствие тут не технологическое.

Можно сказать, что в ближайшем будущем эффект общего информационного пространства лишь усилится: знание английского языка уже стало обыденным, автоматические же переводчики всё совершенствуются и позволяют понять смысл написанного на полностью незнакомом языке. До того, как можно будет переводить и речь таким же образом, недолго.

Такая «плотная» информационная среда позволяет внедрять идеи, суждения, факты и дезинформацию по заказу. Но есть множество нюансов, которые мы сейчас кратко разберём.

Сразу следует отметить, что наиболее «погружена» в информационную среду молодёжь, но про неё мы поговорим отдельно в конце главы, сейчас же просто учитывайте этот нюанс и то, что именно подростки очень сильно внушаемы и переходят через период «бунта против». При этом детскость в современном мире как бы «продлевается» во многих случаях и за 20 лет.

Особенностью современной информационной среды является подача материала клипами: новости и мнения о них подаются нарезкой в 1-3 минуты, при этом перемешиваясь. Новости про политику, про новый фильм, про ЧП, про экономику, светский скандал — и т.п. Создаётся иллюзия «как я много узнал» и одновременно человек подсаживается на плотный поток информации. О том, что она по сути «ни о чём», ему уже безразлично: восприятие не столько логическое («что происходит и какие выводы

сделать»), сколько эмоциональное — «вау, как круто!» (вариант: «прикольно»). Особенно эффективен видеоформат, поскольку, в отличие от текста, нет возможности притормозить и подумать в принципе. Такая подача информации формирует так называемое клиповое восприятие. Из его особенностей нам важны три фактора.

Во-первых, как говорилось, восприятие при этом некритично по только что указанной причине: чтобы осмыслить информацию, надо остановить поток и подумать. Типичный случай: обозреватель тараторит, называя одну сторону конфликта «борцами за независимость», другую «бунтовщиками». Разобраться, что происходит на самом деле, не получится, а мнение у слушателя сложится и зафиксировано. Наглядный пример из 1990-х: чеченские контртеррористические операции назывались войнами, и руководили там «полевые командиры» (экий эвфемизм). Наши же войска называли «федералами» — слово в то время непривычное, — как бы подчёркивая противостояние центра и сепаратистов. Однако именно сепаратистами боевиков, как правило, не называли, да и слово «террористы» практически не использовалось СМИ.

Во-вторых, таким образом нужную информацию можно подсунуть в нейтральном потоке: скажем, в подборке новостей о борцах за независимость разных стран упомянуть и террористов, которые-де такие же. У клипового мышления есть особенность, на которую мало кто обращает внимание: информация воспринимается не просто некритично, но и готовыми блоками. При этом игнорируется нелогичность и даже противоречие действительности. Есть некий готовый «кейс», из которого рефлексивно выхватываются листочки отдельных идей и фактов как ответ на раздражитель.

В качестве примера вспомним байку десятилетней давности, когда первый майдан на Украине уже был, а до второго дело ещё не дошло. Население обрабатывалось русофобскими мифами. Сюжет был эпичен: некий Тарас заявляет, что-де в его любимом Львове клятые москали устроили

голодомор: «...у нас пол-города померло с голода! А кто не помер, в леса ушли, чтоб от ваших сталиноидов спастись!». Но есть нюанс: в 1933-м году Львов принадлежал Польше. Итог: «Два дня молчание, потом: — Йди у дупу, хвойда!».

Любой «факт», подаваемый в знакомой и понятной «обёртке», принимается на веру. Более того, тем самым укрепляет «кейс» как истинный в восприятии такого верующего.

Ну и в-третьих: клиповое восприятие эффективнее работает, если материал «цепляет» эмоционально. Что в случае терроризма получается почти автоматом — особенности темы. Если кому-либо безразлична идеология, того зацепят страдания жертв, паника, горе потерявших друзей и родственников. Причина не так важна, главное — привлечь внимание.

Первой террористической структурой, которая начала использовать массовое информирование, является запрещённая в РФ «Аль-Каида»: её аудио- и видеообращения выкладывались на арабских сайтах. Начиналось всё с простых обращений, которых зачитывались под запись. Если это было видео, то шаблонное: камера на выступающего, да и всё.

Однако постепенно метод становился привычным. Приверженцы запрещённого в РФ т.н. «Исламского государства» стали оживлять подачу материала документальным материалом, использовать монтаж для эффектной подачи материала. Развитие техники позволило повысить качество изображения, а распространение интернета снизило затраты на тиражирование информации практически до нуля. Материалы стали выпускать в переводе на другие языки, что ещё больше расширило аудиторию.

Оперативности распространения информации способствуют и мессенджеры, которые очень просто регистрировать в случае блокировки. Аудитория же будет находить новые аккаунты по ключевым словам.

Можно выделить несколько целевых групп, на которые направлена информационная деятельность террористов.

Во-первых, это обычные люди, которые запугиваются. Внушается мысль «надо выполнять все требования», что психологически проецируется на правительство.

Во-вторых, это профессиональные «правозащитники» (именно в кавычках). Либеральная международная неполживая общественность, которая будет заламывать руки и требовать гуманизма, а на этом фоне — выполнения требований террористов. И, разумеется, обвинять не их, а государство.

Есть и более дальний «прицел». Информацию получают и сочувствующие. Некоторые из них решают подключиться к деятельности террористов на практике. В таком случае очень удобны мессенджеры с внутренним шифрованием (и, конечно, непосредственно для подготовки терактов).

При этом обработка идёт весьма профессионально. Народ «окучивают» отнюдь не сайты с крупными плакатами «Становить террористом!».

Возьмём наглядный пример радикального ислама. Традиционные виды этой религии не согласны с террористической практикой, но возражений против особо не заметно. Особенно если вы не мусульманин — ну, есть там религиозные разногласия, в христианстве их побольше будет, и что? А где конкретные публичные разъяснения, почему террористы — это вовсе не «воины Аллаха», а действуют как раз против его воли? Пока официальный ислам лишь иногда отвечает на вопросы, террористы создают множество своих сайтов. На них нет прямой пропаганды, но, когда на них заходит кто-либо, желающий изучить религию глубже, ему подсовываются «нужные» трактовки. В некоторых местах проставлены «нужные» ссылки на более радикальные сайты.

Они часто интерактивны, взаимодействуют с читателем, предлагают участвовать в опросах, обсуждениях и так далее. Помимо привлечения посетителей, такое общение с ними позволяет выявлять склонных к радикализму и работать с ними уже на индивидуальном уровне. Учитываются

и регистрационные данные — многие регистрируются с использованием социальных сетей.

Современные средства передачи информации позволяют «бить по площадям». Каждый крупный теракт и реакция на него властей становятся известными населению практически в режиме реального времени, что немедленно подхватывается СМИ. Если бы не было столь массового освещения события, то теракты потеряли бы смысл. Но СМИ в погоне за сенсацией готовы на многое. Известный факт: ещё в 60-х годах в Великобритании запретили предоставлять эфир террористам для трансляции их требований. Но вполне разумный запрет тут же объехали на кривой козе: требования стали зачитывать дикторы.

Иногда журналисты откровенно выступают на стороне террористов, публикуя материалы, их оправдывающие. Пример: опубликованные русской службой ВВС в 2017-м году воспоминания заложницы «Норд-Оста» с подзаголовком «Они не собирались нас убивать». Несколько цитат: «Человек, который поднялся на сцену, объявил... они пришли остановить войну в Чечне... их единственное требование — остановить войну»; «Женщина спрашивает: “А почему тогда вы не депутатов [захватили]? Мы же простые люди. Почему не депутатов?”, Он говорит: “Они слишком хорошо себя охраняют”. Вот такой разговор был, достаточно спокойный»; «Бараев шел по проходу как раз недалеко от нас, кому-то по телефону доложил, что они захватили заложников, и были такие слова: “Такой ужас, здесь столько детей и женщин”»; «Что касается намерения террористов расстреливать заложников, у меня это вызывает большие сомнения. ... Вообще у меня было такое ощущение в какой-то момент, что они собирались уходить. Взять группу заложников и уходить. ... террористка, которая стояла рядом с ними, когда начали подавать газ, она сказала: идите ближе к выходу, вас там быстрее заберут-вынесут, а мы тут останемся умирать».

Там всю статью можно цитировать, настолько показательно.

Характерной особенностью подобного освещения событий является настойчивое переключение негодования читателя на власти. Сами террористы — почти что искренние жертвы обстоятельств. Те, кто их финансировал, обучал и направил — вообще за кадром. А против государства поднимается буря негодования: не защитило граждан, и, главное, из гуманизма должно сразу же выполнять требования террористов, почему этого не делается?!

То есть — именно то, что и требуется террористам. В упомянутой статье BBC, хотя и опубликованной почти через 15 лет после событий, главное — это позиция именно против России как государства. Ещё цитата:

«...мне кажется, что это было испытание газа... Были идеальные условия. Большое помещение, люди разных возрастов. Дети, мальчики, девочки, мужчины, старики, женщины. То есть идеально для проведения испытаний. Сразу такой большой группы».

Для формальности тезис как бы смягчён признанием «кажется», «это мои домыслы», но тут же приводится якобы обоснование. Вся статья написана именно про «хороших террористов» и «кровавую гэбню». И таких примеров — множество...

подача новостей в стиле «непрерывный кошмар» приводит к привыканию. Речь далеко не только о терактах, практически все выпуски новостей стремятся показать что-нибудь «остренькое», просто теракты — квинтэссенция привлекательности для потребителей информации. Актуально, жутко, но тем и интересно; «что творят, сволочи!» и «людей-то как жалко» — причём на фоне «уф-ф, как хорошо, что это не со мной произошло». Всё вместе создаёт большой наплыв аудитории — и СМИ никогда не откажутся от такой «приманки» добровольно. На распространение информации, выгодной террористам, работают и обычные СМИ, которые и не хотят ничего «такого», а просто стремятся подать новости как можно более завлекательно и ярко.

В некотором смысле «теракт в облегчённой версии» может произойти даже спонтанно, без участия террористов. Речь, конечно, не о взрывах. Вспомним события в Южном федеральном округе в 2007-м году.

В Краснодарском крае возник слух о взрыве на Волгодонской АЭС — и, соответственно, радиационном заражении. Распространился он моментально: «от народа скрывают», надо всем сообщить!

Население кинулось скупать водку, красное вино и йод — кто что считал лучшим средством для выведения радиации из организма. Жара под 40 градусов, но двери и окна законопачивали, чтобы избежать «заражённого» воздуха и пыли. Многие собирались отказаться выходить на работу, чтобы не облучиться...

И это — всего лишь результат агентства «одна бабка сказала». А представьте, что будет, если подобное режиссировать специально массовым вбросом слуха, и «подтвердить» визуально на улице? Например, с дозиметрами пару человек по городу пустить прогуляться. И не современными миниатюрными, а с советскими «ДП-5Б» 70-х годов, и чтобы датчиком контрольный источник бета-излучения ловился, стрелка дёргалась, а щелчки в наушниках трещали непрерывно и на всю округу!

В том же Краснодарском крае через три года по городу пошёл слух: «будут теракты!»! В Армавире в парке нашли гроб с гвоздиками, и записку: сколько гвоздик, столько жертв будет! В Краснодаре чуть позже ситуация продублировалась — прямо-таки страшилка про гроб на колёсиках... Но смех смехом, но и столь нелепый слух привёл к тому, что на День города многие не рискнули прийти. Зато силовики были вынуждены работать в чрезвычайном режиме. Подобную подготовку легко провести несколько раз перед настоящим терактом. А когда гражданские устанут бояться, а у силовиков притупится бдительность...

Может быть применена и обратная схема: флешмоб. Эта технология успешно отрабатывается тем же А. Навальным, который призывает своих

юных (если не по возрасту, то мозгами) сторонников кучно собираться в определённом месте. Подобное можно организовать даже без политического подтекста, «по приколу». Заранее подготовив хоть взрывчатку, хоть «неизвестных снайперов», которыми традиционно начинаются «цветные» революции.

Следует понимать, что тщательное освещение терактов в СМИ и интернете неофициально вредоносно не только потому, что распространяется некая информация о конкретных требованиях или взглядах некоей радикальной группы. Всё значительно хуже.

К подобной информации привыкают. Когда новости постоянно состоят из «убили» и «покалечили», то очередной «простой» теракт уже не вызовет нужной организаторам реакции. Сравните, сколько человек за год погибает в ДТП, а сколько — при крушениях поездов. Но к первому все привыкли и внимание обращают лишь те, кто знал пострадавших лично, а вот если поезд сошёл с рельсов — СМИ слетаются как стервятники, и тема всех интересует.

Соответственно, чтобы на очередной теракт обратили внимание, он должен быть ещё более зрелищным, нестандартным, стать «ближе к народу», чтобы у каждого — холодок по спине: а вдруг и со мной такое будет? Вот тогда СМИ повышают рейтинги, а террористы довольны эффектом.

Не трудно догадаться, что бороться с таким пониманием свободы слова можно лишь методами тоталитарными, противоречащими либеральной демократии.

Завершая тему особенностей современного терроризма в информационном плане, скажем пару слов и о так называемом «кибертерроризме». Вопрос сильно мифологизирован — наверное, все в курсе легенд о русских хакерах, которые выбрали Трампа. Но если учесть, что компьютеры распространены повсеместно, управляют многими производствами и т.п., тема с каждым годом становится всё более актуальной.

Пока же её пытаются использовать в сомнительных целях. Ещё в 2001-м году была составлена Конвенция о компьютерных преступлениях, которую подписали государства – члены Совета Европы. Россия отказалась в этом участвовать: пункта «b» статьи 32 гласит о предоставлении допуска к данным, хранящимся на территории другого государства, без согласия такового. Правда, интересная задумка?

Современный терроризм имеет отличия и в способах осуществления акций. Если некогда террористы стреляли, а затем стали «модными» взрывы, то сейчас стали, с одной стороны, относительно доступны высокотехнологические способы, а с другой — на практике теракты реализуются, по сути, на бытовом уровне. Рассмотрим явление чуть подробнее.

В теории возможна организация терактов с применением отравляющих химических веществ и биологических материалов.

На практике такое встречается редко. В июле 2016 года в Японии был повешен Сёко Асахара (Мацумото Тидзуо), основатель религии «Аум сенрикё», а также ещё шесть членов его организации. Главным обвинением был теракт в токийском метро в 1995 году: на двух станциях был распылён зарин. Погибло, по разным данным, 10-27 человек и несколько тысяч было отравлено. Менее известна репетиция 1994-го года, когда члены «Аум Сенрикё» распылили зарин с автомобиля на открытом воздухе в городе Матцумото — погибло семеро, отравления разной степени тяжести получили 600 человек.

В 1995-м году в Чили экстремисты требовали выпустить из тюрьмы бывшего главу тайной полиции при Пиночете (Хуан Мануэль Гильермо Контрерас Сепульведа был приговорён к тюремному заключению в 289 лет), угрожая применить зарин в метрополитене Сантьяго.

Однако обещание исполнено не было, и все дальнейшие новости по теме химического терроризма по всему миру сводятся к «спецслужбы предотвратили». Впрочем, следует отметить срыв провокации в Сирии, когда боевики запрещённой в РФ организации ИГИЛ пытались синтезировать и применить отравляющие вещества, обвинив в этом правительственные войска.

Биологический терроризм — это использование при теракте бактерий, токсинов или вирусов. Это не обязательно должны быть боевые культуры, вполне возможно распространение «обычных» заболеваний, которые имеют высокий эпидемиологический риск. Широко известно распространение возбудителя сибирской язвы при помощи почтовых писем в США (2001 г.): пять человек умерло, 20 переболели, несколько тысяч были вынуждены пройти интенсивную профилактическую терапию сильнодействующими антибиотиками. Преступление до сих пор не раскрыто.

Однако и биологический терроризм не обрёл популярность, хотя известны неоднократные попытки заразить партии продуктов и т.п. каким-либо возбудителем заболевания, но по принципу «что было под рукой», а не действительно опасными.

Что касается ядерного терроризма, то он пока имеет теоретический характер. Однако уже были случаи использования радиоактивных веществ: так, в 1995-м году в Измайловском парке (Москва) был обнаружен контейнер с цезием-137. Широко известны слова Джохара Дудаева по этому поводу: «...это мизерная доля тех радиоактивных веществ, которые мы имеем».

Но ядерный терроризм даже в «ослабленном» радиоактивном варианте распространения не получил.

Даже для создания «грязной» бомбы, то есть обычного боеприпаса с оболочкой из радиоактивных материалов, требуется их где-либо достать. Анархия 90-х годов «берите суверенитета, сколько хотите» давно закончилась. Хотя Турчинов (секретарь Совета национальной безопасности и обороны Украины) в 2015-м году и угрожал созданием именно такой бомбы, понятно,

что он блефовал. Впрочем, бомба не обязательна: возможен «грязный» взрыв АЭС или иного объекта, работающего с радиоактивными материалами. Но подобных случаев в мире пока ещё не происходило.

Увы, но технологии часто уязвимы сами по себе. Трагедия в Чернобыле не стала уроком для всего мира: катастрофа на «Фукусиме-1» была гораздо более опасной и ликвидировалась при этом, можно сказать, неспешно.

Хотя технологические аварии, разумеется, нельзя относить к терактам, они могут быть осуществлены и как террористические акции. Известны неоднократные случаи каскадного отключения: известный «блэкаут» в США в 2003-м году и, в том же году, в Италии (и части Швейцарии). Менее значительные отключения происходят и в России — например, в августе 2017-го короткое замыкание на 220КВ ЛЭП вызвало «блэкаут» в Дальневосточном федеральном округе и прервало подачи электроэнергии в Китай. Подобный вывод из строя уязвимых элементов энергетической системы, осуществлённый намеренно, может иметь гораздо более длительные последствия.

Однако все эти высокотехнологические способы отнюдь не являются характеристиками современного терроризма. Создаётся ощущение, что они как-то не особенно интересуют заказчиков «террористического бизнеса», если можно так сказать. Применяются гораздо более простые способы. Для теракта с применением химических, радио- и биологически активных веществ требуются специалисты, доступ к соответствующим материалам, достаточно длительная подготовка акции. Имеются проблемы с транспортировкой и хранением.

Кроме того, надо учитывать, что поражение может быть массовым: представьте себе заражение водопровода в крупном городе, не говоря уж о «грязном» или «чистом» радиоактивном взрыве. Получить какую-либо поддержку после подобного теракта у населения будет практически невозможно, самые двуличные политики мира не поддержат подобную

«борьбу за свободу». Это будет уже не теракт, а начало войны без правил — с соответствующей реакцией на всех уровнях, национальных и мировых. Подобные действия, если подходить цинично, попросту вредны для бизнеса. Нельзя полностью отрицать их вероятность, но в современную модель терроризма они не вписываются. Они возможны даже в теории не по коммерческим, а по идеологическим причинам, причём лишь со стороны оголтелых фанатиков с суицидальными наклонностями.

Сейчас же терроризм стал применять куда более массовый и дешёвый функционал. Не требуется подготовка, не нужны высокопрофессиональные инструкторы, нет потребности в каких-либо особых материалах. Более того, акции проводятся одиночками при помощи подручных средств.

Конечно, группа террористов может захватить множество заложников, но если целью ставятся просто массовые жертвы, достаточно одного человека. Когда-то самым крупным терактом от одиночки считался взрыв в школе города Бат (США, Мичиган) в 1927 году, проведённый неким Эндрю Кехо (Andrew Kehoe). Погибло 44 человека и сам преступник, 58 было ранено. Но этот отморозок хотя бы подготовил взрыв. А вот в июле 2016 года, как вы помните, Мохамед Лауэж-Булель врезался на грузовике в толпу и поехал по ней дальше. Результат: 86 убитых и 308 раненых.

Не надо специальной подготовки, можно просто угнать грузовик. Или арендовать. А затем выбрать место с толпой побольше и разогнаться.

Подобная практика стала применяться с конца 2000-х годов, а в текущем десятилетии стала если и не стандартной, то привычной.

Проблема в том — и это является другой особенностью современного терроризма — что подобные методы не просто позволяют экономить средства и снизить требования к исполнителям. Всё гораздо хуже: акции могут совершать люди, которые никак и никогда не контактировали напрямую с организациями террористического характера и с террористами лично, а просто разделяют их взгляды.

Пример: в 2017 году в Стокгольме Рахмат Акилов, используя грузовик, убил четырёх и ранил 15 человек. Шведская полиция смогла задержать террориста, и он признался: решение принял сам, вдохновлённый призывами ИГИЛ (запрещено в РФ), и «совершил наезд на неверных».

Информация от террористов, как уже обсуждалось, успешно распространяется через интернет. В результате появляется значительное количество тех, кого подобные идеи привлекают. Конечно, не каждый симпатизирующий терроризму сам станет террористом, но идеологическая обработка идёт «по площадям», и на ком-то, да и сработает, хотя бы на ситуативную поддержку в виде «молчать, даже если им что-либо известно о предстоящем теракте».

На примере экстремистского ваххабизма, в среде которого особенно много террористов, наглядно видно, как всё происходит.

Первый этап: на некоей территории начинают появляться агенты влияния. Они не занимаются агитацией и тем более вербовкой, а изучают обстановку на местах. При этом налаживают контакты в мусульманской среде и зарабатывают авторитет. Имея доступ к значительным средствам, могут оказывать материальную помощь, финансировать религиозные организации, причем «просто мусульманские». Наладив контакты, начинают аккуратные обсуждения разных течений ислама, включая ваххабизм, в рамках обычных теологических дискуссий. Одновременно присматриваются: есть ли кто интересующийся, обладающий нужными качествами.

Не стоит думать, что при этом ваххабит сразу представляется именно ваххабитом. Нюансы и отличия учений продвигаются уже совсем потом, когда объект уже достаточно «обработан». Более того, следует понимать, что мусульманский экстремизм — не строго религиозное, но культурное явление.

Эта особенность обычно ускользает от политиков и даже тех, кто профессионально борется с терроризмом. Как известно, любая сложная проблема имеет простое, понятное и неверное решение — то есть понимание

сути. Религиозный фанатизм — давно изученное явление, поэтому имеется соблазн подогнать явление под известный шаблон. Но вспомним то же Королевство Саудовская Аравия, в котором вахаббизм — официальная государственная религия. Страна является преемником Дирийского эмирата, основанного Мухаммадом ибн Саудом ибн Мухаммадом ибн Микрином аль-Мурайди в XVIII веке на основе учения Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба ат-Тамими. Было бы странно утверждать, что почти всё население, которого более 30 миллионов человек, — террористы или им сочувствующие.

Дело в том, что «обычному» мусульманину массированно подаётся религиозная тема, акцент делается на социальной справедливости и внешнего вмешательства в традиционный образ жизни. Обработка происходит на бытовых примерах, очень постепенно. Очевидно же, что Запад стремится разрушить мусульманские традиции? Правда ведь, что было бы справедливо, если бы мусульмане всего мира объединились в одно государство и жили бы по своим законам? Посмотри на продажный европейский закон, всех этих крючкотворов-стряпчих, отмазывающих преступников от заслуженного наказания — и сравни со справедливостью шариата. И так далее...

При этом надо учитывать, что такая манипуляция сознанием имеет под собой не выдумку, а вполне реальную почву: современная «цивилизованная» либеральная демократия — это торжество закона (устанавливаемого лоббистами) над справедливостью, а также попираание национального менталитета населения путём навязывания ценностей, назначенных «общечеловеческими». Всем известные примеры — ЛГБТ как норма и ювенальная юстиция — вызывают в России возмущение далеко не только у мусульман и христиан, но и у большинства представителей других религий, а также атеистов. В официально атеистическом Советском Союзе подобное и представить-то невозможно, так что дело не в религии, а именно в культуре.

Не просто так действующая Конституция РФ, принятая при Ельцине с участием американских «советников», напрямую говорит о запрете на

официальную идеологию: в таком случае неофициально, но автоматически идеологией становится либеральная демократия. То же самое можно сказать и о странах Европы: если запрет и не прописан юридически, но фактически идеологией правительств является именно либеральная демократия, направленная на поддержку и развития глобализма, т.е. атомарного социума и всемирного единого рынка.

Радикальный ислам в таких условиях имеет перед государственной идеологией и общепринятой религией, и культурой преимущество: он даёт на сложные вопросы простые до «очевидности» ответы. В хитросплетениях современной политики, особенностях социальных и экономических феноменах обычный человек не разбирается от слова «совсем». Но имеется настоящая потребность в понимании, поэтому большинство легко ведётся на иллюзию такового. Используя этот психологический приём, вербовщик не агитирует — он постепенно подводит обрабатываемый объект к тому, чтобы он сделал нужные выводы как бы полностью самостоятельно. При этом в плане практики можно каждому подобрать роль, ему соответствующую, — требуются ведь не только шахиды.

В исламе существует понятие хаджа, посещения Мекки в определённое время. Считается, что каждый мусульманин, который может это сделать, должен совершить хадж хотя бы раз в жизни. Саудовская Аравия — весьма специфическая страна с очень высоким уровнем жизни (за счёт значительных запасов нефти — почти четверть разведанных запасов на планете). Оплата проезда в качестве «духовной помощи» и обеспечение виз и т.д. — большое подспорье для тех искренне верующих мусульман, которые иначе не смогли бы позволить себе это паломничество. Понятно, насколько благодарны они становятся тем, кто помог им организовать священную для них поездку. При этом во время хаджа мусульманин лично видит, что вахаббизм может быть нормой в обществе, при этом социум очень богат (если надо помогать с поездкой, то вряд ли человек живёт в достатке). Впечатление «близости к раю

на Земле». Главное: всё делается правильно, согласно пониманию самого мусульманина, как должно быть по Корану.

Методика не нова: скажем, есть еврейские организации, которые «рекламируют» иудаизм. Вот лозунги с сайта организации проекта «Таглит»: «Бесплатная поездка в Израиль для юношей и девушек от 18 до 26 лет с еврейскими корнями»; «10 дней в Израиле, которые изменят твою жизнь и подарят тебе 40 друзей, таких же крутых, как и ты»; «Незабываемый трип и полное погружение в жизнь уникальной страны в лучшей еврейской компании». Бесплатно, среди своих, «ты крут, потому что принадлежишь к избранным», «измени свою жизнь к лучшему, приняв наши ценности». Конечно, это лишь инструмент приобщения, и мы не будем приравнивать цели «Таглита» и террористов — они очевидно разные, просто «дёргают» за одинаковые «струны» в психике схожим образом.

Второй этап освоения территории — это продвижение выявленных потенциальных лидеров, уже обработанных соответствующим образом и зачастую уже примкнувшим к радикальному исламу, в ответственные посты в составе традиционных религиозных институтов. При этом открытая пропаганда также отсутствует, а выдвинутые лидеры зарабатывают авторитет в социуме. Методы те же: помощь малообеспеченным, организация тех паломничеств и так далее. Делается по сути всё то же самое, но уже местными уроженцами, что значительно помогает косвенному принятию идей: «ведь не чужак к чему-то призывает, а уважаемый человек, который здесь родился и живёт, не будет же он своим желать чего-либо плохого».

Третий этап логично следует из второго: формируется джамаат, то есть религиозная община, которая уже строится на основе вахабитского понимания ислама. На этом этапе внутри джаамата уже начинается открытая проповедь понимания религии, совпадающей с радикальным вариантом ислама, а самые «перспективные» члены общины уже отправляются на курсы обучения за рубежом, включая военизированные лагеря.

Этот вариант — классический, таким образом формировался ИГИЛ (запрещён в РФ). В современности во многих странах, включая Россию, более вероятен скрытый вариант: община формируется на вид «классическая», но при этом в духовное руководство проникают вахаббиты, которые продвигают свои идеи очень осторожно. Обычно внешне всё выглядит как салафизм, то есть понимание ислама в изначальном виде, то есть, если упрощённо, «Коран и сунна без поздних добавлений». Вахаббизм — это, можно сказать, радикальный салафизм. В Таджикистане, например, вследствие такой инфильтрации пришлось проводить «государственную аттестацию» мулл.

Упор делается на массовую поддержку общей идеи, а не на максимальное количество боевиков как можно быстрее. Это связано со стратегическими целями: объединение мусульман под эгидой определённого толкования религии требует массового как минимум нейтрального отношения к этой трактовке. А чем больше масс согласно с ней, тем больше будет и радикальных индивидов, просто по закону больших чисел.

Важная особенность современной пропаганды террористического «государства», которая ещё редко проявляется, но очень наглядна: в рядах боевиков были отмечены не только религиозные фанатики. И даже не те, кому не на что жить и он присоединился ради выживания любым способом. В рядах организованного терроризма, формально опирающегося на своеобразное понимание ислама, встречаются, хотя и редко, представители других религий, атеисты и даже евреи. Причём речь идёт не о конспирологии «это всё создали США и Израиль», а о рядовых боевиках. Первым гражданином Израиля, получившим тюремный срок за связь с ИГИЛ (организация запрещена во многих странах, в Израиле — с ноября 2014 года), стал Валентин Мазлевский.

Следует отметить, что при выяснении мотиваций подобных личностей обычно выясняется, что они желали воевать не за террористов, а против «кровавого режима Асада», и безразлично с кем. А теперь задумайтесь, на чью

мельницу льют воду СМИ Запада, которые выставляют Асада именно в таком свете и поддерживают «умеренную вооружённую оппозицию».

Если говорить о России, то в начале 2010-х относительно активно продвигалась идея «русского ислама», которую, впрочем, давно не заметно (что не значит отсутствия феномена). Логика была приблизительно такая: русские вымирают, мусульмане заводят много детей; российское правительство находится под контролем Запада и не заботится о народе; всем правит финансовый капитал и процветает ростовщичество, а в исламе это строго запрещено. Кроме того, социум должен основываться на общине, что совпадает с русским менталитетом. Ислам — это тоже вера в единого бога, но православие не справляется со своими задачами морального плана, оторвано от народа и по сути уже бизнес. И не поспоришь ведь!

Ну а после подобной обработки фактами продвигается якобы единственная альтернатива: только ислам может сплотить русских людей, помочь отстоять независимость от Запада и построить справедливое государственное устройство. «Только Ислам выкует новых русских людей, сплотит их в мощную консорцию и принесет энергию обновления и регенерации этноса» — цитата. Кроме того: «устраняет все явления, ведущие к деградации и упадку личности, приносит каждому чёткие правила, делающие жизнь простой и понятной». Вот простота — она тоже многих привлекает.

Впрочем, других привлекает сложность: суфизм, как говорят некоторые его сторонники, «больше, чем ислам» в смысле религии. Рене Генон принял ислам именно по этой причине. Правда, «интеллигентский» вариант обычно оторван от мусульманской общности в этническом плане. При этом настоящий интеллигент (не путать с интеллектуалами, речь не о Геноне) всегда готов на всё ради идеи, включая жертвование собой и другими.

Иногда мусульманами становятся вследствие стремления не к религии, а как к культуре, которая противостоит либерализму. В этом случае возникают

поистине впечатляющие комбинации: ислам «комбинируют» с левацким экстремизмом или, например, русским шовинизмом (который нации вообще не свойственен, русский национализм изначально имеет оборонительный характер). При этом вполне возможен вариант, когда такой мусульманин откровенно враждебно относится к единоверцам, которые «понаехали».

Наглядный пример: в середине прошлого десятилетия некоторые члены Национал-большевистской партии (запрещена в РФ) приняли ислам. Писали о нескольких десятках и даже сотнях новообращённых — но это, конечно, преувеличение. Из интервью Павла Жеребина (2005 г.):

«Для меня изначально принятие ислама было мотивированно социально-политическими факторами. Я смотрел на исламский мир, на мусульман. Смотрел на их сопротивление режиму, сопротивление глобализму. Именно это подтолкнуло меня к тому, что я начал его изучать. И когда я достаточно близко познакомился с исламом, меня более всего в этой религии привлекла ее чёткость. Чёткие монотеистические установки ислама, отсутствие "полуязыческих" наслоений, свойственных христианству. Культ Единого Бога. Строгая доктрина послужила основным фактором, определившим мой выбор».

Всё точно так, как обсуждалось выше: чёткая чёрно-белая картина мира, вера в свою правоту без сомнения, а изначальный мотив — отнюдь не религиозный. Но при этом ислам воспринимается такими как «вера сильных», что и приводит к положительной оценке террористов радикалами как с «правой», так и «левой» стороны.

В том же году руководитель тогда ещё не признанной экстремистской организацией НБП Эдуард Лимонов опубликовал статью «Исламская карта», в которой писал, что «...российский политик, который прочно заявит о намерении сделать мусульман гражданами первого сорта и предпримет соответствующие шаги к осуществлению этого намерения, получит огромную поддержку мусульман России».

Интересный тезис, за деление население по «сортам»... Ещё интереснее другой отрывок, относящийся ко времени нахождения Лимонова в заключении: «Среди страданий и скорби тюрьмы мусульмане подымались над обычными узниками, сонными и несчастными. А коранический закон, детализирующий все стороны жизни мусульманина, делает его жизнь благороднее». Этим славословия не ограничиваются, но не будем увлекаться цитированием. Лучше вспомним, с кем руководитель НБП некоторое время находился в одной камере. А был это Аслан Алхазуров, член банды Салмана Радуева. Очень показательный пример для подражания, не так ли?

Конечно, возникает резонный вопрос «и как же это совмещается?», но человеческая психика не обязательно подчиняется строгой логике, особенно когда эмоции преобладают над рассудком. Наглядно это видно на примере русских радикальных якобы националистов, которые поддерживали майдан, затем даже уезжали на Украину и вступали в бандеровские «тербаты» воевать с населением Донбасса. Строго по логике — такого быть не может, поскольку великороссы, белорусы и малороссы вместе составляют русский этнос (пожалуй, стоит упомянуть ещё и русинов). Как может русский националист пойти воевать против русских же? Более того: нация — это высшая стадия развития этноса, на которой он образует независимое государство. Русская нация была разделена в результате известных событий, и русский националист должен выступать за объединение всех русских, а не разделение по отдельным странам, не так ли?

Суть в том, что быть и называться — это далеко не одно и то же. Русскими националистами называют себя и те, кто оправдывает (и даже превозносит) предателя Власова, и патологические антисоветчики (хотя когда русским жилось лучше, чем в СССР?), и радетели за «Россию, которую потеряли» вместе с Николаем II Кровавым — хотя тогда русским жилось, мягко говоря, не хорошо, а иностранцы и даже подданные других этносов имели преимущества перед русскими. Наглядно: крепостное право было

отменено в Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерниях более чем на 40 лет раньше, чем в русской части Российской Империи.

Мотивация подобных личностей — всегда «против», а не «за», что бы они не говорили.

Однако мышление всегда стремится к цельности, даже если это иллюзия. Кроме того, действия должны получать эмоциональную поддержку от чувства «правильности». Поэтому, начиная с «я просто против, и эти тоже, дружим против вместе» радикально мыслящий индивид незаметно сам для себя начинает разделять и другие особенности культуры окружающих. Где коготок увяз — там и птичке пропасть...

Приблизительно так и происходит распространение идей террористов: сначала одобряется борьба «против системы», а заканчивается восхвалением террористов. Примечательно, что «традиционные» мусульмане относятся к такому пополнению единоверцами настороженно. Председатель Духовного управления мусульман Республики Татарстан, ректор Российского исламского университета Гусман Исхаков в то время доходчиво прокомментировал ситуацию:

«Меня, как муфтия, не радует, что русские принимают ислам... пусть крещены и русские остаются православными, а татары — мусульманами. ... Каждый пусть держит свою паству, сеет в своём огороде. Да и потом, примеры русских, перешедших в ислам, не слишком обнадеживающие: у них обычно повышенная агрессивность, да и менталитет у них совсем другой... Мне кажется, что каждый должен свои исконные обычаи, нравы, традиции хранить».

Для полноты картины вспомним и НОРМ — Национальную организацию русских мусульман, организованную в 2004 году. Организация отметилась связями с международным джамаатом «Мурабитун», который целенаправленно курирует исламские организации такого рода (т.е. в странах, где ислам не является традиционной религией, и состоящие из местных

жителей), а также сотрудниками Государственного департамента в США. Сейчас НОРН не активен, а руководители живут за границей — в Чехии и Турции, предпочитая призывать к исламизации России издали.

В Израиле, исследуя вопрос «каким образом граждане решают вступить в ряды халифата», выяснили, что изначальной мотивацией было именно «против Асада», а не «за ИГИЛ». При этом отмечалась значительная роль как репортажей про разрушения и жертвы, якобы произведённые правительственной армией Сирии, в обычных СМИ, а также соответствующие мнения в социальных сетях. Многих вербовали во время учебы за границей.

Дальнейшее развитие ситуации на территории, «обрабатываемой» радикальными исламистами, важно понимать потому, что если раньше подобные действия происходили в странах, где исторически было большинство мусульман, то в современности — мы уже это обсуждали — в той же Европе их стало значимое количество. Если вы не читали книгу Тило Саррацина «Германия: Самоликвидация», то прочтите. Очень наглядно, с приведением фактов. Хорошая книга, но читается реально почти с ужасом, если ранее темой не интересоваться.

Во некоторых странах Европы мусульман уже более 5% даже по официальным данным, включая «центровые» Германию и Францию. При этом социологи давно определили, что если в каком-либо районе начинают селиться чужаки, заметно отличающиеся по внешности и культуре, то при достижении 8-10% их численности коренные жители начинают покидать район, и процесс ускоряется.

В результате образуются анклав (упоминалось выше), в которых не просто создаются джааматы, но и постепенно разворачивается движение «против системы». Если страна маленькая, то организуется соответствующая оппозиция, если большая — добавляется сепаратизм. При этом руководители — как правило, не публично — поддерживают «естественных»

недовольных и по мере надобности добавляют свои группы, уже организованные.

Когда протесты начинают давать некий успех, вплоть до победоносных столкновений с полицией и даже армией, это привлекает в ряды мятежников радикальные элементы, особенно молодёжь, которая особенно любит кидаться в крайности. В результате дело расширяется, увеличивается количество тех, кто прошёл специфическое обучение за границей.

Когда достигается «критическая масса», организуется «внезапный» вооруженный конфликт. Столь резкое изменение ранее мирной жизни всегда порождает беженцев, от локальных перемещений до межгосударственных, и ослабление государственных структур власти. На этом этапе джамааты начинают «выходить из тени» сначала неофициально, показывая силу, а затем и беря власть в свои руки — наглядным и понятным примером является ситуация в Чечне и Дагестане при Ельцине. Официальные органы власти формально остаются, но их назначение — всего лишь легитимизация шариата, в первую очередь — для иностранных держав, иллюзорное сохранение преемственности власти. Надо понимать, что позиция ваххабизма проста: всё, что расходится с шариатом (в их варианте) — неприемлемо. Т.е. даже обычная светская власть, которая никак не затрагивает религиозные вопросы.

На последнем этапе захвата территории какая-либо власть и общественные структуры, отличные от ваххабитских, прекращают свою деятельность либо «добровольно», либо в результате вооружённых действий, не чурающихся терроризма (особенно захвата заложников), и по объёму достигающих по сути локальной войны. В современности — уже и не локальной, смотрим на Сирию.

По окончании этого периода территория становится базой для расширения влияния ваххабизма далее, на другие регионы.

В России риск ваххабитского влияния выше в Северокавказском регионе. Также он высок по соседству, в Центральной Азии. Причина

одинакова: уничтожение Советского Союза вызвало идеологический вакуум, который очень легко наполнить, и одновременно — снижение уровня жизни.

Организационная структура современных террористических организаций существенно отличается от таковых даже в не столь давнем прошлом. Далее в книге мы кратко рассмотрим известные группировки в качестве примера, а сейчас обратим внимание на повышение уровня организованности террористической деятельности. Точнее — на изменение системы связей.

Ранее террористически группы были конспирологическими, организация была направлена на минимизацию последствий в случае провала: классические пятёрки, в которых вышестоящего командира знает только руководитель, и тому подобное. Сейчас же террористические организации имеют весьма мощную инфраструктуру, причём большинство членов организации выполняют работу, не связанную с конкретными терактами. Как уже отмечалось, для исполнения акции вида «врезаться на грузовике в толпу» не надо не только тренировок, но и официального членства, достаточно быть сочувствующим и проникнуться идеями террористов в достаточной степени.

Информация в современности «по цепочке» передаётся лишь внутренняя, «для служебного пользования», массовый охват аудитории для пропаганды — сетевой (соответственно, односторонний). Это банально и понятно.

Интерес практического плана представляет наличие взаимосвязи терроризма и организованной преступности. Конечно, и ранее террористам надо было где-то брать оружие, и преступники были одним из каналов поставок. Но смена сути терроризма с идейного подхода на «просто такой бизнес» сблизило террористов с преступным миром в целом.

Речь идёт даже о том, что эти структуры сотрудничают, а об «идеологическом» сближении. Поскольку современный терроризм — это, по сути, уже вид преступного бизнеса в первую очередь, то его логично

рассматривать как специфический вид организованной преступности. Цель стандартная: обогащение любым способом, а идеология — лишь прикрытие и средство для вербовки рядовых членов организации. Точно также «классические» преступники создают романтические образы уголовников, увлекают блатной романтикой. В этом, кстати говоря, им изрядно помогает т.н. творческая интеллигенция, снимая соответствующие фильмы и открыто и официально распространяя «русский шансон» (он же «блатняк»), но это не относится к обсуждаемой теме. Просто подумайте над этим на досуге, почему так и зачем.

Если посмотреть на блатные «понятия», то можно обнаружить многое, сходное с теми же ваххабитскими обычаями. Например, сбор на «общак» — практически то же, что и «закята», собираемый в пользу активных «братьев по вере». Убийство «кяфира» — вполне моральный поступок, как и убийство «мусора». Следовать надо лишь своим обычаям, даже находясь «в гостях», а законы «кяфиров» и «мусоров» значения не имеют. И так далее...

И учтите, что давние воровские «понятия» (по которым, например, вор не должен был иметь собственности) были подвинуты в сторону беспредельщиками в 90-е, и вся «романтика» осталась лишь для агитации.

Смещение «обычной» и террористической преступности стало заметным именно в 1990-х годах. На Кавказе не только захватывали заложников, но и обращали людей в рабство в «мирной» жизни. Симбиоз стал привычным, а идеология «сопротивления» стала второстепенной целью после получения прибыли. Слияние прошло естественным образом на почве торговли оружием и наркотиками, а также, говоря своими словами, работоторговле.

Важной особенностью современного терроризма является объединение внутреннего и внешнего радикализма. Некогда террористы сражались за какие-либо политические идеи внутри своей страны, причём нередко

действительно справедливые. Сейчас же террористические действия, местами разрастающиеся до буквально военных, проводятся не «за», а «против» чего-либо. Наглядный пример: чеченские войны, в которых участвовали бандеровцы. Так, покойный Александр Музычко, он же Сашко Билый, даже получил ичкерийский орден «Герой Нации». Известный радикальный русофоб Дмитрий Корчинский в 1998 году организовал «Институт Кавказа» с заявленными антироссийскими целями. При этом — задолго до майдана, обратите внимание — официальные власти Украины в то время поддерживали антироссийские настроения вплоть до того, что раненые боевики сотнями лечились в украинских санаториях, включая принадлежащие Минобороны Украины. Показательно, что в 1996 году во Львове улица Лермонтова была переименована в улицу Дудаева. Ещё более показательно, что в январе 2018 года депутат Киевсовета Вадим Васильчук предложил назвать именем Дудаева улицу в Киеве (Искровскую). При этом он указал, что в названные в честь Дудаева объекты «сегодня существуют в Боснии и Герцеговине, Грузии, Эстонии, Латвии, Литве, Польше, Турции. В Украине имя Дудаева увековечено в топонимике Ивано-Франковска, Львова, Хмельницкого».

Наглядная иллюстрация к феномену политизации современного терроризма, не так ли?

Можно вспомнить использование террористических методов и при ведении войны — здесь происходящее в Сирии очень наглядно.

Есть отличия и в применении смертников. Классические террористы, от народников и до ИРА, не были смертниками. Да, они были готовы умереть за идею; но не ставили такую смерть целью. В новейшее время появились террористы-смертники, из которых большинство были религиозными фанатиками. Это понятно: обещание посмертия в Раю эффективно, но требует религиозной веры.

Однако изменение концепции пошло не в сторону усиления фанатизма; в современном терроризме непосредственно исполнители-смертники часто не являются фанатиками изначально, а обрабатываются психологически. Зачастую их «подстраховывают»: наблюдатель может послать сигнал на радиовзрыватель издали, а согласие стать живой бомбой мотивировано не столько фанатизмом, сколько безысходностью и психологической обработкой. Особенно это касается женщин, участие которых в терактах стало уже привычно.

Первая известная официально женщина-смертница — 16-тилетняя Хайадали Сана, которая 9 апреля 1985 года въехала на грузовике в военных конвой израильтян. В 90-е годы террористы уже массово использовали женщин в роли смертниц: они меньше вызывали подозрений у спецслужб, а эффект от теракта психологически сильнее.

Используемые как дешёвые и легко заменяемые орудия, женщины, тем не менее, подаются в качестве образца самоотверженности и героизма. Так, известный террорист Абу Мусаб Аз-Заркави, организатор «Армии Единобожия и Джихада», обращался к палестинца так: «даже женщины стали сражаться, а где же вы, мужчины?! Если мужчины трусят выполнять свой долг, то женщины этой уммы вполне смогут взять на себя роль мужчин, так что продолжайте отсиживаться». Понятно, как действовало это на мужчин в глубоко патриархальном социуме. Очень эффективная агитация.

Изучать проблему участия женщин в такого рода деятельности крайне сложно: нет возможности проводить научное исследование эмпирического материала. Однако некоторые особенности явления достаточно очевидны.

На примере радикального ислама: такой путь часто выбирают вдовы боевиков (не без чужой помощи): они ощущают себя обузой для родни, при этом им обычно внушают, что Аллах наказал их за грехи, отобрав мужа, и надо грехи искупить. Существуют и «невесты Аллаха» — девушки, обычно выросшие в ваххабитских семьях, в которых с младенчества прививается

полное послушание мужчинам. Также имеется вариант, подходящий для тех, за кого некому заступиться: сначала такую девушку вроде бы берут в жёны, но затем передают другим. Вернуться в традиционное мусульманское общество она уже не может, так как считается опозоренной.

Женщина в любом случае не может реализовать себя полностью в такой модели социума. Она не может стать не только командиром, но и рядовым бойцом; все активные роли — мужские. То же самое относится и к духовным званиям — женщина не может быть муллой или муфтием. Хотя перед Аллахом мужчина и женщина теоретически равны, практически это не так. Типично для монотеизма в целом: женщина не может быть священником и в классическом христианстве, и в иудаизме.

Таким образом, самоубийство во имя идеи — единственный путь для женщины в таком обществе, чтобы сравняться с мужчинами, разделить славу и почёт.

Подобная мотивация возможна не только при радикальном исламе. В конце 1970-х была широко известна немецкая «Фракция Красной армии» (или группировка «Баадера-Майнхоф»). Эта террористическая группа состояла в основном из женщин и возглавлялась Гудрун Энслин, некогда студенткой-педагогом. Известный немецкий писатель Гюнтер Грасс, описывая предводительницу террористов, отметил, что она «идеалистка с врожденной ненавистью к компромиссам, верящая в Абсолют, в совершенное решение». Узнаваемый типаж, не так ли?

Последняя особенность современного терроризма, о которой стоит поговорить, — это привлечение молодёжи. Мы уже упоминали об этом, когда говорили о пропаганде через социальные сети и вообще через интернет, а сейчас рассмотрим вопрос подробнее.

Известно, что подростковый возраст имеет специфические психологические особенности. Это заметно даже по отношению к учёбе: за

некоторым исключением, мало кто затрачивает усилия на подготовку к экзаменам, хотя прекрасно осознают их важность. Но понимать ментально и осознавать полностью — это не одно и то же. В Гарвардском университете исследовали повеление индивидов 13-20 лет в азартных играх. Выяснилось, что отношение к риску прямо зависит от возраста: чем младше подросток, тем больше он надеется просто на удачу, не обращая внимания на вероятность проигрыша. Подобное поведение в этом возрасте характерно и для занятий, связанных с риском для жизни, особенно напоказ — перед друзьями и другими «группами поддержки».

В обсуждаемом контексте корректнее говорить не о подростках, а о молодых мужчинах — именно их поведение отличается как от подростков женского пола, так и от взрослых мужчин. Конрад Лоренц даже ввёл специальный термин: «синдром молодого самца», который связан с переизбытком тестостерона и случается не только у людей, но и высших млекопитающих в целом. Синдром проявляется как стремление к стадности и соревновательности, культу физической силы (хотя умение метко стрелять тоже подойдёт), бравованию риском. И, как следствие всего этого — налицо стремление к девиантному показушному поведению.

Важно понимать, что типичная «колкая агрессивность» в этом возрасте — это именно возрастная норма. Так прорабатывается личность, обособливаясь от «мира скучных взрослых», чтобы затем вернуться в него с уже проработанным «Я», «стержнем психики», осознанно. Увы — это в идеале. На практике же подавляющее большинство, пытаясь «вырваться из стада», вливаются в другое — меньшее по размеру, но более агрессивное, противопоставляющее себя «системе». Как вариант — радикальное вплоть до терроризма.

Следует учитывать и отсутствие сколь-либо значимого жизненного опыта. Вопрос «что будет после» часто даже не поднимается, а если и возникает, то часто идеализм восприятия принимает потенциальное за

действительное: мол, устраним вот это и тогда-то заживём! Недаром в дореволюционные времена студенты считались потенциальными смутьянами поголовно, а сейчас молодёжь выходит на акции А. Навального, несмотря на всю их абсурдность и провокационность. Просто потому, что предлагается простая и понятная модель против «прогнившей системы», что позволяет самоутвердиться.

На этапе, когда вовлечение в группу уже произошло, происходит искажение восприятия до полной ассоциации индивидуальности и группы. Какие-либо действия против группы или соответствующей идеологии воспринимаются как нападки на себя лично, что сплачивает группу в борьбе «против чего-то». Самостоятельный уход уже практически невозможен, это будет «психологическое самоубийство».

В связи с такими особенностями психики терроризм часто воспринимается искажённо: выделяется нечто положительное и игнорируется сущность явления. Зачастую осуждается терроризм в целом, абстрактно, но при этом одобряются отдельные виды. Типичный религиозный подход: конечно, убийство — это грех, но убивать во имя веры — это нормально. В подобных случаях террорист ощущает себя именно борцом за веру и справедливость, а не террористом, а сам терроризм даже не воспринимается как убийство, а исполнители — как убийцы. Мы же не считаем убийцами военных или партизан? Вот и здесь аналогичное отношение, а что в жертвах оказываются мирные невинные люди — психологически игнорируется.

Как следствие, радикально настроенные молодые люди могут искренне осуждать терроризм как явление в целом и не считать терроризмом то, что делают их единоверцы (а религию или идею — безразлично). Ведь это — борьба за независимость, справедливость и так далее, за всё хорошее против всего плохого.

Современность вносит и дополнительные проблемы. Специфика психики молодых мужчин (женщины в этом возрасте становятся

экстремистами «по мужскому типу») известна давно, и в традиционных обществах это учитывалось, активность контролировалась и направлялась на пользу социума. Однако либеральная демократия отрицает все традиционные уклады, заявляя о неприемлемости официальной государственной идеологии (в российской Конституции, принятой при Ельцине, это даже постулировано юридически). В таких условиях неофициально продвигается либеральная идеология «человек человеку — эффективный собственник», атомизация общества. Прививается отношение к государству как «системе угнетения свободного человека», что способствует антигосударственным взглядам. Интересно, что позиция «государство — это аппарат насилия» продвигается и марксистами, которые в современности пытаются сыграть на теме отторжения народом либерализма и капитализма, подсовывая ложную альтернативу как единственно возможную. Поэтому риску примкнуть к террористам подвергается и молодёжь «левых» взглядов.

Второй особенностью современного мира является продление детства. Общепринятых возрастных интервалов не существует, они меняются в зависимости от конкретной культуры. В некоторых странах совершеннолетием считается 18 лет, в некоторых — 21 год. Минимальный возраст вступления в брак и законности сексуальных отношений также разнится весьма наглядно. Возможности же «назначить возраст, когда гормоны успокаиваются» нет.

Психологический возраст далеко не всегда совпадает с паспортным, обычно он отстаёт, а многие не взрослеют вообще, застревают на психологии пубертатного периода: «делаю что хочу, вы это уважайте (а я вас уважать не буду), но если что, то спешите на помощь». Более того, в современности (не будем отвлекаться на причины) явно заметна тенденция «остаться беззаботным ребёнком» и по достижении совершеннолетия. Если раньше дети стремились повзрослеть, принять на себя ответственность как минимум за

себя, заниматься полезным трудом или службой на пользу Родине, то современность поощряет, говоря своими словами, инфантильность.

Характеризующие черты: избегание решения проблем и ответственности вообще, эмоциональная нестабильность, выраженный эгоцентризм, завышенный уровень претензий (часто также самооценки), шаблонное реагирование на возникающие проблемы — обычно в виде предъявления претензий «виноваты кто угодно, но не я». Как следствие — спонтанная агрессивность, подавление логического мышления аффективными импульсами, склонность к категорическому восприятию и суждению, без полутонов. Атрофируется умение сопереживать, обуздывать эмоции. Поставить себя на место другого становится сложно (а мотиваций к этому — всё меньше).

В итоге формируется типичное религиозно-сектантское мышление: «весь мир неправ, Истина только у нас, надо во всём слушаться старших по иерархии».

Формированию такой психической патологии способствует сложность современной жизни, информационная перегруженность: человеку для уверенности хочется всё понимать, но для этого надо много учиться и иметь высокий интеллект. Поэтому большинство удовлетворяется не пониманием, а верой. Ситуация усугубляется намеренным продвижением в современном либеральном обществе постмодернизма, направленного на размытие ориентиров и норм, распространение религии как допустимого метода мышления — антинаучность как норма способствует вере в чудеса, что проецируется и на идеологическую деятельность. Нагляднейший пример: многогодичные призывы «против Путина» с полной неспособностью ответить на вопрос «а кто, с вашей точки зрения, будет на посту Президента однозначно лучше?». Этот вопрос агитаторами попросту игнорируется: мол, кто угодно будет лучше! И ведь некоторых такая «логика» устраивает...

Продолжению десткости во времени способствует и консьюмеризм современного социума в т.н. развитых странах. Потребление как смысл жизни — это, по сути, всего лишь игрушки для взрослых. Смыслом становится не труд, не служение, не открытия и исследования — а лишь игра в более дорогие игрушки.

Психологический инфантилизм естественным образом приводит к инфантилизму социальному, то есть к эмоционально-волевой незрелости добавляется и социальная, личностная. Взросление воспринимается как навешивание неких обязательств, которых раньше не было — и если ранее это компенсировалось самим ощущением «я уже взрослый и самостоятельный», то в современности взрослость многими рассматривается как обуза: минусы заметны, плюсы потеряли значимость. При этом в различных культурах понимание, что является социальным инфантилизмом, различается, а также изменяется со временем.

Распространению социальной инфантильности способствует и постепенное уничтожение института семьи, явно целенаправленное в либеральном обществе. Имеются, конечно, и естественные социальные процессы, которые способствуют переходу от многодетной семьи из трёх поколений к ячейке общества из родителей и одного-двух детей. Но в современном обществе стран, которые принято считать развитыми, целью является не компенсация этого явления в плане воспитания (дети не получают опыта взаимодействия со старшими и младшими, их не нагружают домашними обязанностями, у родителей мало времени на детей из-за работы и т. д.), а ровно наоборот: всемерно поощряется субкультура ЛГБТ, ювенальная юстиция препятствует традиционному воспитанию и так далее. Проще говоря, детей всемерно защищают от ответственности, воспитывая инфантилизм, и подсовывают социальные игрища, в которые можно играть и в более солидном возрасте. Сравните, например, цели и методы суфражисток и современных феминисток — во что превратилась борьба за равноправие.

Психологический и социальный инфантилизм, помимо всего прочего, формируют виктимность индивида: без опыта ответственности и, главное, принятия этой позиции как естественной, человек легко поддаётся чужому внушению, особенно если обещается «решение всех проблем».

Современный терроризм — это специфический вид организованной преступности, который развился до международного уровня влияния и главная его цель — стандартная капиталистическая: обогащение любой ценой. Возникновение таких образований, как запрещённое в РФ «Исламское государство» — это закономерный результат: для существования капитализма требуется расширение рынка. Методы остаются «за скобками».

7. Кратко об известных террористических организациях

Для понимания разницы и сходства действий различных террористических организаций разберём историю действий нескольких группировок. Из их многочисленного количества здесь коснёмся таких известных групп, как ИРА и РАФ: первая самая популярная, вторая — наиболее известная из «левых». Далее перейдём на гораздо более «урожайную» местность Ближнего Востока и рассмотрим ХАМАС, Хезболлу и Талибан, и завершим рассмотрение кратким обзором Аль-Каиды и ИГИЛ.

Примечание: во всей книге, особенно в этой главе, приходится множество раз упоминать запрещённые в РФ группировки, и если каждый раз писать официальное «запрещённая...», текст станет неудобочитаемым. Поэтому упоминаем регулярно, но не всегда.

По любой из этих организаций можно писать книгу, но здесь, в контексте нашего исследования, приведём лишь краткое изложение истории и особенностей каждой организации: какие цели преследовались, как это

выражалось и к чему привело. Также будем отслеживать тему опасности группировки для обычных людей.

7.1. Ирландская республиканская армия (ИРА)

Если не брать актуальнейший на момент написания этой книги ИГИЛ, с которым приходится воевать в Сирии при помощи армии, и предшественников «международного терроризма», то ИРА — пожалуй, самая известная террористическая организация, которая была на слуху десятки лет. Про ирландских борцов за свободу, предпочитающих террористические методы, написаны книги и сняты фильмы, не говоря уж об официальных публикациях.

Любая террористическая группа рекламирует себя как борцов за свободу или за справедливую идею; но в случае ИРА — это, как ни странно, верно. Её целью являлась самостоятельность от Великобритании, начиная с прекращения военной оккупации Ольстера. Можно сказать, что ИРА — это военная часть политической партии «Шинн Фейн», что в переводе означает «мы сами». С другой стороны, формально же, начиная с некоторого времени, политики и боевики разошлись.

Ирландская армия сформировалась на фоне противостояния в Северной Ирландии католиков и протестантов англо-шотландского происхождения столетие назад. Британия в то время открыто угнетала ирландцев и всячески поддерживала протестантов, которые были «назначены смотрящими». Издавна знакомая политика «разделяй и властвуй». Чтобы не лезть в исторические подробности, просто образно сравним положение ирландцев на собственной территории с положением русских, оказавшихся после развала СССР на территориях, где местный шовинизм резко стал одобряемым на государственном уровне.

Поэтому ирландцы выступали как против местных протестантов, который хотели оставаться в подчинении Великобритании, так и против самих

англичан. При этом террористические методы применяли обе местные стороны, англичане же смотрели со стороны и одобряли.

Ирландская республиканская армия появилась как результат объединения «Ирландской гражданской армии» от рабочего движения и «Ирландских волонтеров» от партии «Шинн Фейн» в 1919 году. Борьба за независимость шла достаточно успешно: англичане были вынуждены несколько «отступить» и согласиться на создание в 1922 году Ирландского Свободного государства как автономного доминиона в составе Британской империи.

Как правило, у революционных бойцов «за идею» после достижения каких-либо практических успехов тут же происходит раскол. Не избежали этого и ирландцы: одни сочли образование Ирландского свободного государства достаточным и заняли в нём руководящие посты, получив поддержку англичан. Более радикальные члены ИРА продолжили борьбу, но в 1926 году решили выйти из подполья и создали партию «Фианна Файл», что переводится как «солдаты судьбы». Обе партии и сейчас находятся на официальном политическом поле.

Конечно, из подполья вышли не все, и часть ИРА продолжила свою деятельность.

Вторая волна активности — конец 1960-х. Католики Северной Ирландии вполне справедливо требовали прекратить дискриминацию: протестанты практически полностью занимали управляющие должности, силовые структуры и бизнес. Имелись даже ограничения в плане голосования на выборах: право голоса было не у всех людей персонально, а лишь у домовладельцев, что также давало протестантам значительное преимущество как более богатой части населения. Выборная система была устроена так, что даже если большинство населения в округе было католиками, то это не гарантировало победы их кандидата (в США и сейчас система т.н. выборщиков позволяет подобные манипуляции). С 1922 года действовал «Акт

об особых полномочиях», который позволял задерживать без суда кого угодно по подозрению, по сути, в неблагонадёжности — понятно, кого именно.

Однако активность и, главное, популярность в народе ИРА сильно упала, а её история окончательно превратилась в сериал «от раскола и до раскола»: помимо большого разделения в 1969 году на «временную» и «официальную» ИРА, были и более мелкие отделения и обособления, обычно сопровождаемые обвинениями в предательстве идеи и действиями против бывших товарищей по оружию. Армия разделилась на автономные небольшие ячейки, которые практиковали терроризм как основной метод.

Пока католики решали, кто более правильно занимается терроризмом, протестанты организовали ответный террор, и в результате Великобритании в 1969 году пришлось вводить войска. Многие обычные обыватели, которые подустали от происходящего, даже будучи католиками, обрадовались: будет хоть какой-то порядок.

Однако 30 января 1972 года в городе Дерри английские солдаты расстреляли мирное шествие за гражданские права. Было убито от 13 до 18 человек по разным источникам (вероятно, 13 сразу, остальные умерли от ран). Это событие получило название «Кровавое воскресенье» и послужило началом очередной эскалации конфликта. Далее последовала череда попыток прекратить насилие — но как только удавалось договориться с одной группировкой, другая тут же демонстративно что-либо взрывала.

Последняя известная активность — 2010 год. В апреле — взрыв автомобиля у штаб-квартиры МИ-5, в октябре — возле торгового центра DaVinci (Дерри, Северная Ирландия). О взрывах полицию известили за час, поэтому люди были эвакуированы и никто не пострадал. Можно сделать вывод, что эти акции имели целью лишь напоминание «ИРА ещё существует и кое-что может, если надо».

Обобщая историю: несмотря на внутренние проблемы, Ирландская Революционная Армия — это отличный образец для городской партизанской

войны при наличии поддержки населения, причём в современном социуме. Несмотря на малую численность боевиков, ирландцы смогли заставить Великобританию с ними считаться. Было бы странно думать, что англичане с удовольствием пошли на переговоры, основанные, образно говоря, на «боевой ничьей». Наличие ирландских политических партий с представительством в правительстве — заслуга ИРА, которая сейчас не активна, но все понимают, что это не означает невозможности возвращения.

Давайте кратко посмотрим на особенности деятельности этой группировки.

Во-первых, Революционная Армия, несмотря на название, никогда не ввязывалась в невозможное — например, не пыталась выступать именно как полноценная армия. Не было даже сражений как таковых — штурма зданий английской администрации, например. Акции были точечные и именно террористические, с минимальным риском для себя. В результате регулярная армия противника в городе чувствовала себя, мягко говоря, неудобно.

Во-вторых, значительная децентрализация движения. Известна общая идея, которую поддерживают автономные группы. В результате несколько падает эффективность, но это было бы важно именно для боевых, а не террористических действий. Однако значительно повышается безопасность: никто не может предать всю организацию. Известнейший случай: агентом англичан оказался Альфредо Фредди Скапатиччи, заместитель главы службы внутренней безопасности ИРА. Причём сдал его Кэвин Фултон — другой английский внедрённый агент.

Великобритания прекрасно понимает, что не может прекратить ирландское национальное освободительное движение, поэтому старается «держать руку на пульсе» и узнавать заранее о готовящихся акциях, особенно если они касаются высокопоставленных лиц. Но есть много разных групп ИРА, и даже если в самых крупных половина участников будет засланными агентами, то меньшие останутся «без присмотра». Наглядная иллюстрация:

акция «временной ИРА» в 1979 году: граф Маунтбеттен-Бирманский, адмирал флота и экс-вице-король Индии, был взорван на яхте вместе с членами семьи.

Мелкие группировки на местах возникали естественным образом, и по сути англичане воевали именно с ирландцами как нацией, поэтому победить в этом конфликте можно было бы лишь прямым геноцидом.

В-третьих, ИРА при помощи доброго слова, пистолета, другого оружия и взрывчатки в период активной деятельности взяли на себя функции власти для католиков Северной Ирландии. В то время даже английская армия не рисковала без особой нужды соваться в такие регионы: всегда можно было нарваться на снайперов и гранатометчиков, которые тут же отходили, не ввязываясь в затяжные бои.

Боевики следили за порядком — в своём понимании, конечно, но это понимание разделяли сотни тысяч ирландцев. И сейчас в католических регионах местная администрация, полиция и т.д. юридически не имеет никакого отношения к ИРА, но все всё понимают.

В-четвёртых, эти террористы ценили поддержку народа и при акциях, при которых могли пострадать обычные люди, как правило, предупреждали о взрыве за час-другой. Такой подход резко снижал вероятность жертв, но демонстрировал присутствие и возможности. Если теракт производился без такого предупреждения, то по отношению к англичанам — обычно военным или полицейским.

В-пятых, использовались возможности диаспоры. Многочисленные ирландцы, живущие в США, массово выражали сочувствие делу ИРА и помогали деньгами. При помощи кинематографа и книг был сформирован романтический образ борцов за свободу, которые ничего не боятся и с которыми ничего не могут сделать. Американцам ирландского происхождения было лестно ассоциировать себя с такими крутыми парнями, а пожертвования — это безопасный способ ощутить свою причастность.

В-шестых, ИРА умели честно сотрудничать. Во времена Каддафи в Ливии у них имелись тренировочные базы, были налажены связи с ЭТА (Euskadi Ta Askatasuna, «Страна басков и свобода») и Революционными вооружёнными силами Колумбии.

Все эти факторы, вместе взятые, позволяли вести деятельность долгое время и добиться реальных успехов.

Однако ИРА — это, пожалуй, единственная из широко известных террористических группировок, которая вызывает понимание и даже в некоторой степени сочувствие. Конечно, были и другие, которые вели столь специфическими методами действительно справедливую борьбу — та же ЭТА басков — но о них мало кто слышал. Остальные известные группировки приязни не вызывают.

Главной особенностью ИРА была её почти что безопасность для непричастных.

Рассмотрим ещё одну европейскую группу, а затем перейдём к более актуальным в современности темам.

7.2. РАФ

Итак, «Фракция Красной Армии» («Rote Armee Fraktion»). В прессе обычно использовали название «Банда Баадер-Майнхоф», и эта немногочисленная организация держала в страхе Германию около тридцати лет. Как и ИРА, РАФ обросла легендами и мифами, но достоверной информации здесь больше, так как основатели известны и были пойманы.

Эта группа интересна в первую очередь тем, что основателей было бы сложно заподозрить в склонности к терроризму, если бы они не стали террористами. Судите сами.

Ульрика Майнхоф — учительница, выступавшая за пацифизм, вполне успешная в социальном плане.

Гудрун Энслин — также педагог, при этом волонтер в приютах. Считается, что именно сочувствие неимущим привело её к «левым» убеждениям, но нельзя забывать по её влюблённость в Андреаса Баадера.

Баадер также участвовал в деятельности приюта для беспризорников, и стал «левым» после того, как приют был закрыт по причине «портит внешний вид района». Но и у него «левизна» была не главной причиной: Андреас был выраженным нарциссическим типом, с настоящей потребностью быть на виду и получать восхищение от поклонников (и особенно поклонниц). Не зря у него была кличка «Красавчик».

Хорст Малер сочувствовал «левым», но при этом был вполне успешным адвокатом.

Вероятно, если бы они не пересеклись, то так и остались бы сочувствующими «борьбе с системой слева», но события их свели вместе, и последствия ставили на уши германские службы не одно десятилетие. Кратко ознакомимся с событиями.

В 1967 году в связи с официальным визитом шаха Ирана начались протесты студентов «левых» взглядов. Бенно Онезорг присутствовал на такой манифестации, не будучи в активе, просто как зритель, из-за своих пацифистских взглядов. При разгоне протестующих был смертельно ранен полицейским, которого затем оправдали. Через год неонацистом был ранен (тоже выстрелом в голову) лидер студенческого профсоюза Руди Дучке. После ранения СМИ ФРГ продолжали, как сейчас говорят, «травить» профсоюзного активиста, и он эмигрировал в Англию, где и умер. Много лет спустя Ульрика Майнхоф сказала, что «пули, выпущенные в Дучке, покончили с нашими мечтами о мире и ненасилии».

Вскоре после покушения на Дучке Андреас Баадер и Гудрун Энслин подожгли универсам во Франкфурте. Интересно, что они при этом считали себя пацифистами. Каких-либо проблем «системе» этот поступок не принёс:

пожар не успел разгореться, поджигатели были задержаны. Но случилось так, что одним из их адвокатов стал Хорст Малер.

Как именно они стали сообщниками — неизвестно, но сочувствие «левым» взглядам и странности в деле привели их к терроризму. Если кратко, то Гудрун и Баадер сначала были осуждены, затем дело было пересмотрено благодаря адвокатам, но позже Интерпол нашёл эту парочку во Франции и вернул в ФРГ, где их отправили в камеру без официальных законных обвинений. «Левые» активисты в стране возмущались беспределом властей, а тем временем Ульрика Майнхоф познакомилась с адвокатом Малером в суде, и дело перешло в откровенный криминал — был организован побег. Неизвестно (конспирологические теории пересказывать не будем), как именно были найдены нужные связи, но в результате все четверо отправились в Иорданию на обучение профессиональным методам терроризма.

Хотя РАФ никогда не были массовым движением, к 1970 году было 2-3 десятка боевиков, сотни сочувствующих и кое-какие средства в результате ограбления банков.

Сделаем небольшое отступление, без которого будет сложно понять атмосферу того времени: терминология «левые/правые» давно не имеет изначально вкладываемого смысла, и в современности на Западе применяется для исключения из дискурса системно правильных идей. Если упрощённо, то глобализм по сути разрешает два варианта:

- можно быть «правым», выступать за преференции своей нации, но при этом всенепременно — за глобальный «свободный рынок»;
- можно быть «левым», выступать против капитализма, но при этом обязательно — за «профессиональные меньшинства», от этнических до сексуальных.

Пропагандировать же одновременно социалистические и национальные убеждения — нельзя, это будет немедленно приравнено к Гитлеру.

Однако ФРГ в конце 1969-х была очень благополучной страной, «витриной капитализма». Безработицы не было, эмигрантов тоже — соответственно, «левые» не могли выступать в защиту их прав «жить согласно своим обычаям». Феминизма как такового ещё не было, ЛГБТ-активистов не было заметно... Волновало «левую» публику совсем другое: судьба нацистов, которые жили припеваючи. И не один-два, а массово. Приведём пару примеров.

Бригаденфюрер СС Карл Оберг был личным представителем Гиммлера и руководил карательными акциями в масштабе всей Франции. Военный трибунал в Париже затянул следствие до 1954 года и приговорил нациста к смертной казни, которая, однако, тут же была заменена на пожизненное заключение президентским указом, через пять лет другой указ снизил срок до 20-ти лет, а в 1962 году г-н Оборг был помилован и передан властям ФРГ, где спокойно поселился в Гамбурге.

Оберштурмбаннфюрер СА Теодор Оберлендер, политрук батальона бандеровцев «Нахтингаль», а затем — командир добровольцев Северного Кавказа «Бергманн» («особый отряд Горец»), после войны сделал неплохую политическую карьеру. Он не просто стал депутатом Бундестага, но одно время занимал пост федерального министра по делам беженцев.

Подобных случаев было множество. «Левым» активистам удалось собрать досье более чем на треть миллиона бывших нацистов, которые стали служащими госаппарата ФРГ. Многие чиновники занимали свои посты и при нацистах — и, с точки зрения «левых», этого было достаточно: сотрудничество с нацистами для них было военным преступлением.

Попытки передать собранные доказательства официальным властям предсказуемо ни к чему не привели.

В результате возникло понимание, что власть в Германии принадлежит тем, кто не имеет особых возражений против нацизма. Глядя из современности, очевидно, что глобализм финансового капитала — это

реализация фашистского проекта в мировом масштабе, поэтому не вызывает удивления такое отношение к нацистским функционерам, которые «лишь выполняли приказы». Но Хорст Малер сотоварищи решили, что так дело не пойдёт: нацизм, оставшийся у власти — это неправильно. Ситуацию надо исправлять.

Поскольку официально этого сделать невозможно, придётся действовать самим. Так и зародилась концепция городской партизанской войны.

На жизнь в подполье, оружие и всё остальное требовались деньги, и РАФ занялись экспроприацией экспроприаторов — проще говоря, стали грабить банки. У ранее далёких от криминала интеллигентов прорезался недюжинный талант: иногда они умудрялись посетить за день не один банк. Немецкая полиция даже организовала специальное отделение для поисков группировки.

Далее события развивались ещё интереснее. В это время была модной тема «антипсихиатрии»: утверждалось, что-де методы психологов — это насилие над личностью, и надо их не лечить, а социализировать, давая возможность находиться в социуме вместе со здоровыми людьми. Вольфганг и Урсула Губер были сторонниками этой концепции и создали «Социалистический коллектив пациентов», где и занимались своими пациентами нетрадиционными методами. В результате «традиционные психиатры» написали на них донос, обвинив в том, что они обучают своих подопечных противозаконным вещам — от стрелковой подготовки и рукопашного боя и до изготовления фальшивых документов. А ещё ведут антигосударственную пропаганду и рассказывают о классовой борьбе.

Власти закрыли «Коллектив», супруги Губеры были на некоторое время арестованы. Некоторые пациенты были помещены в традиционные клиники — при этом несколько человек там погибло, а остальные начали спорить с врачами и были объявлены буйными неизлечимыми. Посмотрев на такое «лечение», оставшиеся на свободе вместе с Губерами примкнули к РАФ,

имея свои счёты с государством, которое, можно сказать, было сходно с нацистским по отношению к психическим нездоровым. По крайней мере, с их точки зрения. Логично: раз уж объявили боевиками и начали преследовать, то терять уже нечего.

Непосредственно к террору РАФ приступили в 1971 году. Они стреляли в полицейских, взрывали полицейские участки и государственные учреждения, а также организации, выступавшие против «левых» — например, бомба была заложена в здание газетного концерна «Шпрингер». Армия США также была назначена целью — точнее, казармы американского контингента войск.

Ради своей мечты о прекрасном будущем «красноармейцы» развязали террор в буквальном смысле слова.

В 1972 году полиция получила от правительства ФРГ карт-бланш на действия по поимке членов РАФ. В операции по всей стране, как сообщалось, было задействовано 150 тысяч человек, была назначена награда в 10000 дойчмарок. Такая тотальная облава не могла не принести результатов: Хольгер Майнс и Андреас Баадер попались в засаду, Гудрун Эннслин случайно опознали на улице, а Ульрику Майнхоф предал, польстившись на деньги, хозяин съёмной квартиры — также «левый» по убеждениям. Были арестованы и менее известные террористы.

Суд состоялся лишь в мае 1975 года, и к этому времени один из арестованных, Хольгер Майнс, умер в тюрьме. По официальной версии — объявив голодовку.

Правительство и полиция ФРГ успокоились: все руководители РАФ находились в тюрьме и ждали приговора. Но их ждал сюрприз: осенью объявились сразу две группы террористов, заявив себя продолжателями дела «красноармейцев». Первые акции были неудачными. Захват самолёта с требованием освобождения лидеров РАФ полиция отработала, убив троих террористов и одного взяли живым. Правда, там действовали не сами

«красновармейцы», а боевики Народного фронта освобождения Палестины, которые также требовали освобождения своих коллег из тюрьмы в Турции и 15 миллионов долларов.

Дальнейшие события даже получили особое название: «немецкая осень». Ганс-Мартин Шлейер, миллионер и председатель Западногерманского союза промышленников, был похищен РАФ, которые знали о его деятельности в протекторате «Чехия-Моравия» на стороне нацистов. Требование было простое: освободить руководителей РАФ.

Однако в октябре 1977 года они — по официальной версии — покончили жизнь самоубийством в тюрьме.

Важно понимать обстоятельства: специально для них была изобретена система «мёртвых коридоров»: каждый узник находится в своей камере, которая занята одна во всём коридоре. Переводили в другие камеры их два раза в месяц, тюрьма «Штамхайм» считалась самой надёжной. При этом заключённые якобы сумели устроить в стенах камер (!) тайники с оружием, взрывчаткой и даже радиопередатчиком. Баадер, будучи левшой, застрелил себя правой рукой, причём в затылок. Энслин и Майнхоф повесились в камерах, не имея ничего, чтобы добраться до петли, не говоря уж о потолке, чтобы привязать петлю, материал для которой у них быть не мог.

В живых осталась лишь Ирмгард Меллер, которая была госпитализирована с четырьмя ножевыми ранениями в грудь, которые получила от неизвестных, вошедших ночью в камеру.

Адвокат Клаус Круассон указал на очевидные несостыковки официальной версии и тут же был обвинён в пособничестве терроризму. Так началось преследование «симпатизантов», что и получило название «немецкой осени», которая, надо сказать, длилась несколько лет.

Что же касается похищенного Шлейера, то после смерти руководителей РАФ он был убит.

Множество общественных деятелей, журналистов и простого народа, разобравшись в обстоятельствах случившегося, принимали сторону РАФ. Апофеозом, пожалуй, можно назвать демонстрацию школьников в Бремене в 1978 году: около сорока тысяч старшеклассников прошли перед зданием суда, скандируя «РАФ права».

Второе поколение РАФ, образовавшееся после разгрома первого, действовало ещё долго, до 1997 года. Покушения, удачные и нет, совершались на чиновников ФРГ и американских военных, вплоть неудачной попытки добраться до Главнокомандующего войсками НАТО в Европе Хейга. Самая символическая акция — это подрыв «самой совершенной тюрьмы» в Вейтерштадте, которую строили с 1991 по 1993 год, точно в день окончания стройки.

Второе поколение РАФ, впрочем, основное внимание уделяло не прямому терроризму, а организации «левого фронта» по всему миру. При этом «на вооружении» у них был не классический марксизм, который указывает на содействие всемирному капитализму, из которого-де сам собой когда-нибудь потом образуется коммунизм, а маоизм, то есть концепция противостояния национально-освободительных движений стран третьего мира США и другим эксплуататорам. Они справедливо считали, что в США и Европе рабочий класс соблазнен уровнем жизни (за счёт эксплуатации других стран) и потерял революционность.

У «второй» РАФ были налажены контакты с ИРА, итальянскими «Красными бригадами», с ЭТА басков в Испании и так далее. Члены РАФ сражались по всему миру, в Латинской Америке и на Ближнем Востоке.

Биргит Хогефельд, лидер «второго поколения», был арестован в 1994 году. Для этого пришлось много лет внедрять в организацию двойного агента, который участвовал в террористических акциях вместе со всеми.

В настоящее время ситуация с РАФ... странная.

С одной стороны, в 1993 году было объявлено о паузе в деятельности, а через пять лет — о самороспуске.

С другой стороны, хотя многие лидеры убиты или находятся в тюрьме, на свободе остались те, чьи имена и лица неизвестны полиции — собственно говоря, именно они и сделали официальное заявление о прекращении деятельности RAF. Они, как понимаете, могут сделать и обратное заявление...

Есть и странности в отношении отбывающих приговор.

Хорст Малер, участник первого поколения, отсидел 14 лет, но затем, выйдя на свободу, даже получил (не сразу, естественно) право вновь заниматься адвокатской деятельностью. Однако в 2007 году был приговорён к шестимесячному заключению, в феврале 2009 — к шести годам со специальным вердиктом суда «без возможности досрочного освобождения» — в возрасте 73-х лет. В марте ему добавили ещё пять лет. В том же году его жена, Сильвия Штольц, также была отправлена в тюрьму «за отрицание холокоста».

Пояснение: в ФРГ очень жестоко преследуются сомнения в концепции т.н. холокоста, которая состоит из комплекса тезисов: в Рейхе имелся план поголовного уничтожения евреев, он осуществлялся в «лагерях смерти» при помощи газовых камер, трупы же затем были сожжены в крематориях, всего было уничтожено 6 миллионов евреев. Сомневаться в этом нельзя, предусмотрена уголовная ответственность, даже если вы признаёте факт геноцида и просто считаете количество пострадавших завышенным.

Проще говоря, Малер получил новый срок ни за что — мыслепреступление по Оруэллу как оно есть.

Одновременно в 2008 году был условно-досрочно освобожден Кристиан Клар, пробывший за решёткой 26 лет. Его судили за 9 убийств и 11 покушений, приговорён он был к шести (!) пожизненным срокам и ещё 41-му году заключения. И — освободили. Годом ранее точно так же оказалась на свободе его сообщница Бригитта Монхаупт. Показательно, что официальная пресса

пишет о том, что-де они всё равно находятся под надзором полиции, но при этом они также получили возможность сменить имя и паспорта.

Что может означать такой дифференцированный подход?

Очень вероятно, что ничего хорошего для обычных граждан. В Европу сейчас намеренно засылают мигрантов из арабских и африканских стран, сотнями тысяч. Что вызывает естественную реакцию со стороны коренного населения. Пока ещё потихоньку — слишком долго обрабатывали толерантностью — возвращаются симпатии к нацизму. Важно понимать: это русский национализм изначально носит оборонительный характер, а русская нация имеет державный менталитет территориальной общины, при котором за своих считаются соседи, а не только родственники, как в кровнородственных общинах. Проще говоря, европейцы имеют, в отличие от русских, историческую склонность именно к шовинизму — и если (скорее «когда») полыхнёт, то очень сильно, «сорвёт клапан».

Цель глобалистов, которые и создают эту ситуацию, понятна: уничтожение Старой Европы как геополитического полюса, по сути — европейских наций, с дальнейшим захватом территорий и ресурсов в своё управление. Великобритания не зря решила выйти из Евросоюза.

Но раскачки ситуации «с одной стороны» недостаточно для стремительности заката Европы. Поэтому крайне вероятна раскачка ситуации и «слева»: так, в ФРГ уже сейчас проживает несколько миллионов турок и курдов, в том числе членов Турецкой марксистско-ленинской партии и Курдской рабочей партии, вполне боеспособной организации.

Таким образом, для эффективного внесения хаоса на территорию Европы, очень вероятно, будут использованы праворадикальные нацистские выступления, после чего в противовес выступят леворадикальные группировки, «появившиеся ниоткуда». В Германии сейчас среди «левых» много сторонников маоизма, и тут воскрешение «Фракций Красной Армии» очень в тему для уничтожения активных граждан как правого, так и левого

толка, которых стравят между собой. В конечном результате будут уничтожены естественные лидеры и активисты с обеих сторон, а народ будет запуган террором как со стороны нацистов и «леваков», из чего СМИ и официальная пропаганда будет делать выводы о недопустимости национализма и социализма в любом варианте. Останется лишь демократический либерализм как «единственно верный» вариант. Более того, количество мигрантов, не желающих ассимилироваться и не жаждущих работать, уже сейчас таково, что не может не вызывать социального напряжения, поэтому война групп «все против всех» затронет и тех, кто хотел бы остаться в стороне. Именно та ситуация, в которой не хочешь заниматься политикой — она займётся тобой.

Гражданские беспорядки послужат оправданием для введения тотальной слежки за всеми и принятию законов, по которым за подозрение в терроризме можно будет арестовывать без санкции суда, держать под следствием неопределённо долго и т.д. Очень вероятна отмена наличных денег. Системы распознавания лиц и так уже успешно разрабатываются, количество видеокамер увеличивается, смартфоны передают информацию о ваших передвижениях и другие данные «кому надо».

В конечном итоге будущее Европы по такому — вполне вероятному — сценарию представляет собой «электронный концлагерь» с запуганным населением, которое по сути потеряло свои страны как в смысле управления и суверенитета, так и по составу населения, которое будет тщательно разбавлено мигрантами.

Также следует учесть, что современный «левацкий» дискурс весьма отличается от 80-х гг., и включает в себя оголтелую толерантность к меньшинствам от этнических до сексуальных с обвинением большинства во всём оптом (прививка чувства вины), а также антифашизм, причём под фашизмом может пониматься всё, что угодно, кроме либеральной демократии

(метод «Сталин хуже Гитлера»). Нельзя забывать про феминизм и радикальный экологизм. Перечислять можно долго...

Для организации такого управляемого хаоса и могут потребоваться уже «опробованные» вожди «леваков» с опытом терроризма.

Что важно понимать на примере RAF.

Во-первых: терроризм может быть не только «справа», но и «слева». При этом он даже более опасен и разрушителен: если ИРА боролись за свой народ, то «красногвардейцы» стремились разжечь пожар революции по всем странам.

Во-вторых, идея справедливости может приводить и к таким последствиям. При этом будет иметься поддержка населения: террористы проводили акции против замазанных в нацизме членов правительства и других влиятельных лиц, американских военных. Обычное население вообще никак не затрагивалось.

В-третьих, ожидать террористических действий в плане «борьбы за всеобщую справедливость» следует и от тех, кого вообще сложно заподозрить в склонности к насилию, — интеллигентов. Дело в том, что у них психика устроена весьма специфично: «идея превыше всего», а сдерживающих тормозов в детстве (участие в драках и т.п.) не сформировалось. Возникает, можно сказать, комплекс мессианства.

В-четвёртых, всё вышеописанное относится к «ветеранам», которые всё же имели идеалы и претворяли их в жизнь, хотя и столь специфичным способом. Современный мир обращает куда больше внимания на форму, игнорируя суть. И подражатели могут оказаться вовсе не такими щепетильными, чтобы не затрагивать невиновных.

Наглядный пример: взрыв в здании архангельского управления ФСБ 31.10.2018 (ранены три сотрудника, бомбист погиб), который устроил семнадцатилетний анархо-коммунист, использовавший на аватарке символику RAF. Сюжет «подросток совершает самоубийство из-за несправедливости мира» банален, но «романтика борьбы за справедливость»

привела к теракту. Поскольку жизнь становится всё менее справедливой, подражатели очень вероятно. Уже задержан школьник, которого нашли по переписке с погибшим за несколько минут до самоподрыва, и у него обнаружили вещества, пригодные для производства самодельного взрывного устройства. Задержанный и его отец утверждают, что это «просто петарда», но статус в соцсети у подозреваемого очень нагляден: «Статус поменяется после победы над государством в России».

На примере ИРА и РАФ было показано, как терроризм может быть методом для осуществления справедливых целей и к чему это приводит. В обоих случаях террористы старались действовать так, чтобы не затронуть не причастных. Но на Ближнем Востоке — регионе, где актуален терроризм сейчас — всё происходит гораздо более кроваво.

7.3. ХАМАС

ХАМАС, или «Исламское движение сопротивления» — известное исламистское движение в Палестине. Существует с 1987 года, основатель — шейх Ахмед Ясин.

Сразу следует упомянуть интересный факт: ХАМАС официально считают террористами США, Канада, Израиль, Япония и Евросоюз — то есть Вашингтон и его сфера влияния. Запрет организации имеется также в Иордании и Египте, а вот Великобритания и Австралия считают террористами лишь военное крыло «Изз ад-Дин аль-Кассам». Россия же ХАМАС террористической организацией не считает.

Странно, не так ли? Давайте разберёмся.

Прежде всего надо понимать цель ХАМАС: Палестинское исламское государство «от моря и до Иордана», что, разумеется, конфликтует с интересами Израиля.

Сторонники организации считают многие территории оккупированными Израилем и действуют как на его территории, так и в Палестине. Применяются весьма жёсткие методы — типичны обстрелы с использованием примитивных ракет. Действия типично для современного терроризма направлены не против конкретных лиц, а израильских объектов. В первую очередь — военных, но и гражданские нередко попадают под обстрел. Если появляются персональные цели, то обычно это предатели народа Палестины с т.з. ХАМАС.

Использование ракетных обстрелов — это уже новый качественный уровень современного терроризма. Важно понимать экономический аспект: поскольку для ХАМАС вполне достаточно сделать залп «в направлении», то могут использоваться несложные в изготовлении реактивные снаряды, подобные 122-мм «Граду», которые обходятся на два порядка дешевле, чем противоракеты ПВО Израиля. Понятно, что прицельность очень «хромает», зато можно сделать залп, используя несколько примитивных направляющих, после чего быстро уехать. Проще говоря, ХАМАС запускает в сторону Израиля чуть ли не самоварные трубы с взрывчаткой, которые обходятся в пару сотен долларов, а системы ПВО сбивают эти примитивные, неспешно летящие по баллистической кривой изделия высокотехнологичными ракетами стоимостью в пару сотен тысяч баксов. Таким образом, при желании можно собрать достаточно массированный залп по принципу «против лома нет приёма», даже высокотехнологичного.

Второй метод, характерный для исламистских организаций современности — использование смертников — применяется и ХАМАСом, каких-либо специфических отличий нет.

Организация интересна другим: ХАМАС особо отмечает, что в терроризме их обвиняют исключительно по причине действий «против оккупации на земле Палестины» Израилем, а против каких-либо других государств они действовать не собираются. В итоге получаем очень наглядный

пример узконаправленной организации, которая пользуется откровенно террористическими методами, но при этом не представляет какой-либо опасности для тех, кто не относится к сторонам конфликта. Разве что случайно можно оказаться не в том месте и не в то время.

Не удивительно, что в декабре 2018 года против резолюции США против ХАМАС проголосовало большинство участников Генеральной ассамблеи ООН, причём с убедительным перевесом: 87 против 57 (при 33-х воздержавшихся). Россия поддерживает контакты с ХАМАС — так, в начале 2019 года ожидался визит в Москву одного из лидеров движения, Исмаила Хания (визит был отложен, но не отменён).

Важная особенность: ХАМАС не является исламистской организацией, хотя формально заявляется таковой. Позиция в гораздо большей степени национальная, проводимая политика не требует обязательного соблюдения шариата на территориях влияния. Конечно, официально от исламизма отказа не будет — это резко уменьшит поддержку населения, но по факту ХАМАС некорректно считать сборищем религиозных фанатиков. «Аль-Каида» даже предъявляла ХАМАС претензию в «неследовании джихаду», между организациями были вооружённые стычки.

По сути это — национально-освободительное движение, которое не гнушается террористических методов. Кстати, в Палестине ХАМАС сумел организовать систему некоторых социальных гарантий, члены организации входит в правительство государства. Отметим, что оно не признано ООН официально, так как этому противятся США, Великобритания и Франция, являющиеся постоянными членами Совета Безопасности ООН (на 2018 год признали Палестину уже 137 государств).

Не являются секретом связи ХАМАС и «Хезболла», в частности — в плане подготовки смертников.

7.4. Хезболла

Название «Хезболла» означает «партия Аллаха» — отсылка к аяту 5.56: «Ведь партия Аллаха — они победят».

Исповедуют шиитский вариант ислама, цель — построение исламского государства в Ливане, аналогичного Ирану. Базируются на идеях Рухоллы Хомейни. Организация существует с 1982 года, возникла на волне антиамериканской и антиизраильской позиции народа Ливана. Можно сказать, что создание Хезболлы косвенно курировалось иранским Корпусом Стражей Исламской революции, поэтому относится ко второму поколению подобных структур, которые формировались в процессе конфликта арабов с израильтянами на Ближнем Востоке.

Израиль изначально жаждал расширения территорий от Нила до Евфрата, что вызвало ответную реакцию арабов. Хезболла — ливанское движение, но поддерживает схожие по идеологии организации в других странах, таких как Палестина.

Поэтому отношение международной общественности неоднозначное, как и к ХАМАСу. Террористами Хезболлу считают США, Израиль, Канада, Великобритания и Австралия — стандартный набор, к которому также примкнули Голландия и официальный Египет. Россия же сохраняет нейтральное отношение, несмотря на инцидент 1985 года, когда было похищено несколько советских дипломатов, один из которых был убит. Подобные формирования часто имеют группы внутри себя с различными интересами и не всегда согласуют свои действия. Восток, как известно, дело тонкое...

Однако на территории СССР и РФ Хезболла терактов не совершала, в Ливане же является легитимной общественно-политической силой и даже представлена в парламенте, начиная с 1992 года, получив сразу 12 мест. А в 2018 на выборах Хезболла завоевало большинство.

Жители Ливана знают про программы социального развития, которыми Хезболла занимается уже давно: это госпитали и образовательные центры, службы новостей. Имеются свой спутниковый телеканал и радиостанция. Нуждающимся, особенно членам семей погибших, оказывается помощь, причём не просто выдачей пособия — например, детям помогают получить образование и трудоустроиться. По сути, Хезболла делает для народа Ливана больше, чем официальное правительство.

Среди военных успехов — освобождение юга Ливана в 2000 году и отражение нападения Израиля в 2006 году (33-хдневная война). Блицкриг не удался (Израиль рассчитывал победить за 2-3 дня), что значительно подняло боевой дух арабов в регионе. И, разумеется, подняло авторитет Хезболлы.

В настоящее время Хезболла — это уже не просто исламское освободительное движение. Если смотреть по сути, то имеются такие атрибуты государства, как законодательная, исполнительная и судебная власть, собственные социальные структуры в области медицины, образования и т.п., экономические и военные структуры, средства массовой информации.

При этом «граждане Хезболлы» поддерживают движение добровольно. Настоящий патриотизм определяется не штампом в паспорте, а готовностью поддерживать и защищать Родину.

Важно: Хезболла не относится к исламу фанатично. Заместитель генерального секретаря шейх Наим Касем некогда так описал политику по этому вопросу:

«С теоретической точки зрения мы призываем к созданию исламского государства, мы вовлекаем других в этот процесс, так как только исламская государственность может содействовать максимальному счастью человека. Но на практическом уровне этот вопрос зависит от свободного человеческого выбора, согласно аяту: “Нет принуждения в религии. Уже ясно отличился прямой путь от заблуждения. Кто не верует в идолопоклонство и верует в

Аллаха, тот ухватился за надежную опору, для которой нет сокрушения. Поистине, Аллах — слышащий, знающий” (2.257)».

Пример же «исламского государства» от фанатиков хорошо известен по деятельности радикальных суннитских группировок. И противостоять им на местах могут лишь такие народные арабские организации, как Хезболла.

Важно понимать, что современные проблемы в Ливане и Сирии имеют одну и ту же причину: стремление создать на Ближнем Востоке хаос радикального ислама. Для понимания ситуации напомним отличия течений внутри ислама.

Самая крупная группа — сунниты, их около 85%. Они, кроме Корана, признают священными предания о Мухаммеде (сунны), которые собраны в специальные сборники изречений (хадисов). Преемниками пророка сунниты считают первых четырёх халифов, существует четыре богословские группы (мазхабы).

Вторая по величине группа — шииты, их приблизительно 10%. Считают, что править должны потомки пророка Мухаммеда. Соответственно, сборники хадисов для шиитов учитывают этот постулат.

Имеются и менее многочисленные, но при этом имеющие большое значение подгруппы.

Алавиты официально относятся к шиитам с 1973 года, но при этом их видение религии содержит гностические элементы, вероятнее всего — персидского происхождения. Это течение очень замкнутое, все имеющиеся сведения — из недостоверных источников: врагов и отказавшихся от своей религии. Востоковеды не имеют даже текста священных книг алавитов, которые не занимаются прозелитизмом и вообще не распространяют информацию о своей религии. Однако Башар Асад, как и его отец, Хафез Асад, — именно алавиты. Поэтому столь высоко влияние этой сравнительно немногочисленной группы в Сирии.

Говоря о мусульманских террористах, нельзя не упомянуть о вахаббитах. Они считают, что правильное понимание ислама было лишь три поколения после Мухаммеда, все же последующие изменения и трактовки должны быть отброшены. Течение сравнительно новое, образовалось в XVIII веке. С того времени и до настоящего отличается фанатизмом последователей. В Саудовской Аравии (стратегический партнёр США на Ближнем Востоке) вахаббизм — официальная государственная религия.

Именно вахаббиты являются фанатиками построения исламского государства только для мусульман, в принципе нетерпимы не только к приверженцам других религий и атеистам, но и мусульманам других конфессий. В связи с чем часто практикуют террористические методы.

Война в Сирии очень важна для понимания характера современного терроризма, который, как уже писалось выше, прошёл путь от одиночных целевых акций до фактически псевдогосударств со своими армиями.

Башар Асад, как и его отец в прошлом, поддерживает Хезболлу и Ось Сопротивления, сдерживая желание Израиля расширить территории. При этом, как ни странно на первый взгляд, радикальные группировки выступают именно против Асада и готовы на уступки Израилю в обмен на возможность распространить свою идеологию на как можно более обширные территории. Поэтому радикальные «умеренные повстанцы» сражаются против Сирийской Арабской Армии, союзником которой является Хезболла.

Важно понимать: религиозные разногласия важны, но вторичны. Муаммар Каддафи был убит, а страна опрокинута в хаос не потому, что он придерживался «не того» течения ислама — а потому, что вёл политику, мешающую США на Ближнем Востоке. То же самое можно сказать и про Саддама Хуссейна. Арабские страны находятся в специфической ситуации: правительства (элиты) многих из них хотели бы сотрудничать с Израилем, пусть и ценой уступок, а вот население этих стран не согласно с такой политикой и оценивают её как предательство арабских интересов.

Глобалистам Ближний Восток нужен как слабый регион без какой-либо самостоятельности, ресурсы которого (нефть в первую очередь) компрадорские правительства позволяют разграблять.

Таким образом, важно различать исламские группировки, применяющие террористические методы — они вовсе не одинаковы. Вопрос «кого считать террористом» — очень субъективен.

Ирландская Республиканская Армия (ИРА) в Великобритании считалась террористической организацией. «Родина и свобода» басков считается террористической организацией в Испании, а «Тигры освобождения Тамил-Илама» — на Шри-Ланке. При этом участники ЧРИ Дудаева в России считались террористами (с этим, что важно, согласны и современные власти Чечни), но весь «цивилизованный мир» писал об отъявленных бандитах как о «повстанцах», которые-де боролись за свободу своего народа (что делали и ирландцы, и баски, и многие другие — но их называли террористами). При этом игнорировалось наличие среди боевиков огромного количества наёмников иностранного происхождения, от моджахедов Афганистана и до бандеровцев.

О роли СМИ для терроризма подробнее поговорим позднее, пока же надо понимать, что Хезболла и ХАМАС — не агрессоры. Несмотря на местами дикие для европейцев методы, они защищают свою Родину — и для них это борьба за выживание.

Отличия скрываются либеральной прессой (и, разумеется, политиками) — мол, все они террористы! Однако одни хотят построить свой халифат с жёстким шариатом — другие же нет; одни считают врагами даже мусульман другого типа вероисповедания — другие готовы уживаться со всеми; одни взрывают метро, самолёты, мирных жителей, снимают на видео казни невинных, агитируют мигрантов в плане отказа от ассимиляции и жизни по своим законам в приютившей беженцев стране — другие же сражаются за

независимость своих стран, применяя террористические методы лишь по отношению к врагу.

В феврале 2019 года лидер Хезболлы Хасан Насралла, выступая на митинге, посвященном 40-й годовщине Исламской революции в Иране, заявил о поддержке Ирана в случае возможной войны с США.

Сохраняет Хизболла и официальное признание: так, после периода безвластия, который был в Ливане с мая 2018, 1 февраля 2019 года было образовано новое правительство. Трое из 30-ти министров открыто относятся к Хезболле.

В Сирии Хезболла продолжает активно поддерживать Асада.

7.5. Талибан

Талибан (организация запрещена на территории РФ) относится к третьему поколению неправительственных религиозно-политических организаций, которые образовались в Афганистане, являясь самым значимым их представителем. Движение образовано в 1994 году на основе афганских беженцев в Пакистан, получивших религиозное образование. С 2001 года в Талибан начали массово вступать пуштуны, которые вскоре составили большинство.

С 2003 года считается террористической организацией в России (деятельность запрещена), а также Советом Безопасности ООН.

Заявленная изначальная цель — смена власти правительства Бурхануддина Раббани, бывшего тогда президентом, на своё с введением шариата. То есть в этом случае мы имеем не борьбу за независимость страны, а конфликт группировок... Но не всё так просто. Вспомним историю.

В 1989 году СССР выводит войска из Афганистана, где тут же начинается гражданская война. В 1996 году Талибан захватывает Кабул и получает фактическую власть до 2001 года — то есть появления войск США.

Был провозглашён Исламский эмират Афганистан, который признали лишь Саудовская Аравия, Пакистан и Объединенные Арабские Эмираты. Основная поддержка шла от Пакистана, а после захвата власти — и от Усамы бен Ладена («Аль-Каида»). Установление строгого шариата — внутреннее дело Афганистана, а вот распространение наркотиков затрагивает и другие страны, не в последнюю очередь — Россию. В связи с чем нахождение ограниченного контингента войск с нашей стороны было очень даже целесообразным — так можно было как-то регулировать ситуацию.

Придя к власти, Талибан стал поощрять выращивание опия вполне официально и не скрывая своих целей. Всё просто: гашиш, традиционно употребляемый мусульманами, был под строгим запретом, а вот опиум пользуется популярностью у «кафиров» (немусульман), поэтому его можно и нужно выращивать и продавать им. Получаются огромные прибыли, при этом европейские цивилизации ослабляются. Рекорд был поставлен в 1999 году: 4600 тонн урожая.

Такое ударное выращивание опия подорвало рынок, цена резко упала. Талибы подумали и издали указ о борьбе с наркотиком: запас создан, зачем рушить бизнес? В результате в 2001 году было собрано «лишь» 185 тонн опия-сырца. Следует отметить, что запрещено было именно выращивание, но не продажа: в результате наркобароны были разочарованы Талибаном, как и некоторые племена, привыкшие выращивать столь рентабельное растение.

Одновременно с внутренним недовольством в США происходят известные события 11 сентября 2001 года, организатором назначается Усама бен Ладен, в то время находившийся в Афганистане. США требует его выдачи, талибы отказывают — образуется повод к интервенции под лозунгом борьбы с международным терроризмом.

В результате Талибан ушёл в подполье и перебазировался в Пакистан. Впрочем, уже в 2003 году начались регулярные беспокойства правительственных войск и международного контингента под руководством

США. Через некоторое время талибы стали контролировать юг Афганистана, устраивая рейды с территории Пакистана. В настоящее время (2019) Талибан практически правит половиной страны. С 2014 года по настоящее время было убито более 45 тысяч военных и полицейских — противодействие идёт всерьёз.

Показательна ситуация с наркотиками, против которых США бравурно боролись на словах в начале своего появления в Афганистане. Если на момент начала этой борьбы было собрано всего 185 тонн опия, то уже на следующий год — 3400 тонн, а затем был перекрыт «рекорд» талибов. В 2007 году сбыло собрано уже 8200 тонн. При этом США официально тратили на борьбу с наркотиками до 800 миллионов долларов ежегодно. Проще говоря, под предлогом противодействия наркомафии США сделали из Афганистана «генератор героина», который направляется в Россию и Европу. Доля афганского героина в Европе — 75%, в России практически весь героин — афганского происхождения.

Надо сказать, что действия против России Талибана не ограничиваются наркотрафиком. В 1999 году Талибан поддерживал чеченских террористов, а в 2000 заявил о дипломатических отношениях с правительством Аслана Масхадова. Также был опубликован призыв к мусульманам поддержать джихад в Чечне. Ситуация накалилась до того, что Москва заявила о намерении разбомбить базы подготовки боевиков.

Однако уже в 2001 году, как только на территории Афганистана появились американские и английские военные, Талибы передали через пограничников призыв к России объединиться против американцев. Естественно, предложение не встретило сочувствия.

Однако времена меняются, меняются цели, задачи и временные союзники... Для России сейчас важно два аспекта текущей политики Талибана.

Во-первых, по уже понятным читателю причинам Россия имеет огромную заинтересованность в наведении порядка в регионе. Американцы уходят, так и не справившись с проблемами (правда, есть мнение, что и не хотели справляться), и появляется шанс наладить отношения с Афганистаном, кто бы в нём не правил: худой мир всё же лучше доброй ссоры.

Поэтому, хотя формально Талибан признан в РФ экстремистской организацией и запрещён, уже несколько лет Россия имеет контакт с талибами на государственном уровне. В 2016 году глава МИД РФ Сергей Лавров отметил, что с Талибаном необходимо считаться как с весьма значимой силой в Афганистане, по факту (понятно, что не юридически) тем самым признав легитимность движения.

После ухода американцев Талибан однозначно будет во всех органах власти, причём в определяющей роли. А вот пока действующее правительство — далеко не факт: талибы уверенно выступают против, ставя условием примирения признание своей неправоты перед Талибаном и выдачи тех, кто помогал иностранцам.

Тем не менее, несмотря на всю свою радикальность и строгость религиозных предписаний, Талибан не имеет экспансионистских целей. Сейчас это пуштунское движение, которое желает править именно в Афганистане. Таким образом, их специфические религиозные воззрения — внутреннее дело, а во внешней политике можно искать точки соприкосновения интересов.

Во-вторых, нельзя забывать, что ИГИЛ (запрещённая на территории РФ организация) стремится к построению «исламского государства», невзирая на государственные границы, и стремится к экспансии. Если ИГИЛ обоснуется в Афганистане — он тем самым устроится рядом с бывшими советскими республиками Средней Азии, где и начнёт агитацию. Что, понятно, России отнюдь не полезно.

Талибан же выступает против ИГИЛ, уже были вооружённые столкновения. Талибы на фоне ИГИЛ — просто немного увлечённые патриоты. При этом их радикализм и боевой опыт служит весомой гарантией того, что Афганистан сдавать «исламскому государству» они не собираются. Ещё в 2016 году специальный представитель президента России по Афганистану Замир Кабулов ответил на вопрос о возможном союзе с Талибаном против ИГИЛ: «талибы и без нашей подсказки этим занимаются, потому что чувствуют, что ИГИЛ пытается, как “Аль-Каида” в своё время, их использовать для транснациональных целей, для халифата, для глобального джихада».

Также не следует забывать, что Талибан стоит на патриотических позициях, ИГИЛ же стремится поглотить все мусульманские государства, объединив их в общий халифат.

Кстати говоря, США, чтобы частично «сохранить лицо», поставили условием своего ухода требование к Талибану: не давать обосноваться в Афганистане ИГИЛ и «Аль-Каиде» (также запрещена на территории РФ). Получается, что США семнадцать (!) лет боролись с терроризмом и решили передать эту задачу Талибану. При этом сами США считают Талибан террористической организацией — правда, юридически — только «пакистанский», а не «афганистанский». Хотя это — одно и то же, но американцы любят крючкотворство.

Следует отметить, что отношение официального сейчас правительства в Афганистане к России нельзя назвать адекватным — так, в 2018 году посол Абдул Каюм Кучай потребовал от России извинений за ввод войск в Афганистан (хотя это было сделано по просьбе законного правительства), за «поддержку антинародного режима» и даже разрушение инфраструктуры, хотя СССР, наоборот, строил дороги и проч. Между прочим, 11 миллиардов долларов долга Афганистана в 2007 году были списаны. И вот — такая благодарность.

Таким образом, сейчас Россия заинтересована во взаимодействии с Талибаном как минимум в вопросах противодействия ИГИЛ и проникновению наркотиков на свою территорию. Осенью 2018 года состоялась международная встреча «Московского формата» консультаций по Афганистану, направленная на урегулирование отношений Талибана и правительством Афганистана (по сути — подконтрольным Вашингтону). Впервые на такой встрече присутствовала делегация и от Талибана. Показательно, что встреча происходила именно в Москве. Не менее показательно отсутствие на встрече делегации США.

Также характерна подготовка западных СМИ к информационным вбросам по принципу «чем больше ложь, тем больше верят». В январе 2019 МИД России был вынужден сделать заявление о готовящейся провокации на тему «Россия помогает ИГИЛ, помогая перебазировать боевиков из Сирии в Афганистан». Поверить в такое сложно даже ярким русофобам, но обсуждение отвлечёт внимание от вывода войск США.

Итого: Талибан *de facto* сумел сменить статус международной террористической организации, с которой не хотят иметь дело, на освободительное движение и руководящую силу народа Афганистана. Соответственно, появилась готовность к конструктивному сотрудничеству с теми государствами, которые признают суверенитет страны.

Однако Талибан не отказался от связи с Аль-Каидой. В 2016 году её лидер Айман аль-Завахири в специальной речи подтвердил свою поддержку эмира Талибана Хибатуллы Ахундзаде.

7.6. Аль-Каида

Группировка Аль-Каида (запрещена на территории РФ), в отличие от рассмотренных ранее, выступает за панисламизм, то есть объединение всех мусульманских народов в единый халифат. Относится к вахаббитскому

варианту ислама. Решение о создании было принято в 1988 году в Пакистане, т.е. буквально через несколько месяцев после начала вывода советских войск из Афганистана. С 1991 года ранее незначительная группировка резко увеличивает свою численность и организует ячейки в десятках стран, включая Россию, появляются спонсоры.

Наибольшее влияние организация имела в период с 1996 по 2001 год, она стала первой группировкой четвертого поколения. Характеризующая особенность — стремление объединить различные группы, контролировать их деятельность. Глава Аль-Каиды, Усама бен Ладен, проявил недюжинные организационные способности.

В это время Аль-Каида, образно говоря, была «государством террористов», но без определённой территории. При этом строгая вертикаль власти отсутствовала, организация была скорее сетевой. Писали об Аль-Каиде много, поэтому не будем повторять известные исторические сведения. Впрочем, стоит отметить несколько вех.

В 1996-2001 годах базой был Афганистан. Есть мнение, что увеличение производства наркотиков было в интересах именно Аль-Каиды, которая, в отличие от талибов, была ориентирована не на наведение порядка в своём понимании у себя дома, а на противодействие европейцам на их территориях.

Имеется множество теорий о том, что США вначале помогали бен Ладену, но он сначала был незначительной фигурой — первое известное упоминание о нём в аналитике приходится на 1996 год, причём мимолётное, «есть и такой». Но в этом же году бен Ладен опубликовал «Декларацию войны американцам, оккупировавшим Земли Двух Святых мест», а через два года призывал «убивать американцев повсюду». Вероятнее всего, специально именно Усаму бен Ладана лично американцы не «прикармливали».

Перелом в деятельности Аль-Каиды группировки наступил в 2001 году после известного теракта 11 сентября. США тут же объявили о виновности Аль-Каиды. Бен Ладен сначала отрицал своё участие, но затем была

опубликована видеозапись его разговора с Халедом аль-Харби, который был у него «министром пропаганды». Официально же бен Ладен заявил о своей причастности к теракту лишь в 2004 году. Вопрос «что на самом деле было» очень сложный: имеются множественные несостыковки фактов с официальной версией и не меньшее количество конспирологических теорий. Независимо от действительной картины катастрофы, Усама бен Ладен был назначен Вашингтоном ответственным за теракт, при этом он его публично одобрял, а затем и заявил о своём непосредственном участии в подготовке.

Именно это событие послужило весомым поводом для окончательного формирования концепции международного терроризма как главной опасности во всём мире.

Спецслужбы США публиковали информацию о планах Аль-Каиды, которые они добыли. Безотносительно достоверности, интересно посмотреть если не на реальные планы, то на видение Вашингтона.

Первый этап — это некая акция, которая привлекает внимание к Аль-Каиде, примерно 2000-2002 год. Идеально подходят события 11 сентября 2001 года.

Второй этап — вовлечение США в военные действия против сразу двух, а лучше трёх исламских государств. Планировалось с 2010 года — приблизительно так и получилось. Однако целью заявлялось свержение проамериканских режимов в Саудовской Аравии и Пакистане как минимум, и тут вышла промашка. Если этот план дезинформация от США, то тем самым указывается, что намерения Аль-Каиды сорваны. Но стоит отметить, что если рассматривать не только Аль-Каиду, то радикальный ислам выглядел в регионе очень убедительно.

Образование всемирного халифата планировалась приблизительно на 2020 год. И вот тут в любом случае — не получилось. Ни у исламских террористов, ни у США, которые вынуждены уйти из Афганистана и Сирии.

Усама бен Ладен был ликвидирован спецназом США 2 мая 2011 года в Пакистане, но Аль-Каида продолжила свою деятельность. Заместитель лидера Айман аз-Завахири принял руководство организации и уже через месяц заявил: «восстание не закончится до тех пор, пока победное знамя джихада не водрузится над Иерусалимом».

Однако современная Аль-Каида уже не представляет собой почти государство, как было до 2001 года. Сейчас это скорее обломки бывшей организации — различные группы, часто не связанные между собой даже идеологически. Можно сказать, что Аль-Каида сохранилась как бренд, который престижно «носить».

В Сирии Аль-Каида объединила местных сторонников джихада за халифат в группировку «Джебхат ан-Нусра» (запрещена на территории РФ), которая затем была переименована в «Джебхат Фатх аш-Шам» (группировка также запрещена на территории РФ), но местные кадры присягнули аз-Завахири по большей части для того, чтобы отмежеваться от «коллег» в Ираке. По сути Аль-Каида активно участвовала в формировании ИГИЛ (запрещён на территории РФ). В ноябре 2013 года постоянные стычки между сирийскими и иракскими подразделениями исламистов привели к тому, что было объявлено о роспуске организации, чтобы «Исламское государство Ирак» (с апреля 2013 относится к ИГИЛ) и «Джебхат Фатх аш-Шам» стали независимыми.

В феврале 2014 Аль-Каида официально объявила, что отныне ИГИЛ становится самостоятельной организацией.

Аль-Каида смогла взять «под крыло» в Сирии приблизительно 15-20 тысяч боевиков. Сейчас осталось меньше, но ИГИЛ понёс гораздо большие потери. Впрочем, несмотря на официальное размежевание, группировки постоянно «перетекают» друг в друга. Не так давно многие, считая Аль-Каиду недостаточно радикальной, переходили в ИГИЛ. После того, как в Сирии российские военные пришли на помощь Дамаску, ИГИЛ начали зачищать

всерьёз, и многие любители джихада решили перейти в Аль-Каиду, которая сейчас малозаметна с военной точки зрения и занята финансовыми вопросами.

Какие-либо значимые разногласия у группировок отсутствуют, и конфликты имеют причиной обычную конкуренцию, «кто будет главным». Поэтому не имеет смысла делить настоящих террористов в Сирии на «плохих» и «умеренных», как это предпочитают делать страны, заинтересованные в сохранении радикального ислама и, соответственно, терроризма на Ближнем Востоке.

7.7. ИГИЛ

Переходим к самой известной и опасной в настоящее время (начало 2019 года) террористической организации — ИГИЛ (запрещена на территории РФ). Расшифровывается название как «Исламское государство Ирака и Леванта». Левант — это местное историческое название Ближнего Востока, если упрощённо. Стоит отметить, что многие мусульмане не любят это название: мол, плохая ассоциация — это неправильный ислам и не совсем государство. Логика в этом есть, но ИГИЛ — это самоназвание организации, так что, с научной т.з., корректно называть именно так.

Возник ИГИЛ в 2006 году, когда войска США, говоря своими словами, были оккупантами в Ираке, и в названии ещё не упоминался Левант. Первый лидер — Абу Омар аль-Багдади (убит в июне 2010). Следующий глава организации — Абу Бакр аль-Багдади, который с принятием должности изменил имя (ранее: Ибрагим Аууад Ибрагим Али аль-Барди).

Сначала никто не обратил особого внимания на новую группу — на Ближнем Востоке бушевала «арабская весна» и новые организации появлялись и пропадали из виду в оптовых количествах. Однако ИГИЛ начал стремительно расти, при этом терроризируя местное население. Формально ИГИЛ рассматривался как дочерняя структура Аль-Каиды, но вскоре стало

видно отличие: если Аль-Каида считала первичной целью борьбу с США и Западом в целом, то ИГИЛ выступал за халифат, причём в перспективе — всемирный. Но для начала — сойдёт и Ближний Восток (Ирак и Левант).

Чуть подробнее: Аль-Каида считает, что важно сохранить религиозную чистоту, поэтому правильные с их точки зрения мусульмане должны жить на некой определённой территории, на которой и надо создавать халифат. ИГИЛ же стоит на экспансионистской позиции: не мусульмане должны переселяться, создавая общину и государство истинно верующих, а наоборот: везде, где живут «правильные» мусульмане, надо создавать условия, в которых будет некомфортно всем, кроме поддерживающих идеологию ИГИЛ. Такая тактика метко была названа «джихадом шаговой доступности».

Важно понимать, что понимание государства мусульманами отличается от европейского. Во-первых, правителем может быть только мусульманин — государство не просто имеет официальную религию, но и основано на ней. Во-вторых, в этом государстве могут жить, хотя и с дискриминацией, «люди книги» — иудеи и христиане, но язычники и атеисты — ни в коем случае. Ещё раз: не просто неравенство, их вообще не должно быть!

Опасность — реально международная — очевидна. Кратко перечислим цели организации. Конечно, сейчас, после того как за террористов всерьёз взялись в Сирии, амбиций поуменьшилось — но лишь на ближайший период. Стратегически же ИГИЛ ставил следующие задачи:

- контроль Ирака (в декабре 2017 официальные власти заявили о зачистке территорий от ИГИЛ, но вооружённые действия всё ещё длятся);
- создание полноценной армейской структуры «как у настоящего государства» для атаки Ирана;
- захват территорий с нефтью в Ираке и Сирии;
- контроль торговых перевозок на Ближнем Востоке;

- разжигание религиозных противоречий среди мусульман с целью продвижения «правильного» понимания ислама, продвижение идеи терроризма;
- уменьшение влияния Турции на регион.

Наиболее вероятная стратегическая задача на перспективу: взять под контроль суннитов, а затем направить объединённые силы против Ирана, который в таком случае лишился бы даже не суверенитета, а субъектности.

Что интересно: такой вариант очень устроил бы Израиль — с международной арены ушёл бы главный оппонент, и с Палестиной, лишившейся поддержки, тогда можно было бы легко «решить вопрос».

Если же при этом дать американцам эксклюзивные скидки на добычу и покупку нефти, то при поддержке довольных США и Израиля ИГИЛ без особого труда был бы признан легитимным государством, который объединил бы «демократическое большинство» суннитов. Могли бы и Нобелевскую премию мира лидеру выдать для убедительности.

Исходя из современной ситуации, эти планы выполнены не будут. Однако ИГИЛ — не просто «ещё одна группировка» и даже не просто самая крупная. У неё много специфических свойств, а руководители действительно имеют государственный подход (и желают государственного размаха).

Во-первых, это умение воевать — вспомните, как в начале захватывались территории в Ираке, Ливии и Сирии. Хотя ИГИЛ — это объединение разных групп террористов, они эффективно управляются из одного центра и обучены действовать совместно. Имеются все стандартные армейские службы: не просто командир и штаб, но и тыловое обеспечение, разведка, контрразведка и т.д. До ИГИЛ такие — военные государственные! — структуры террористы не использовали.

Начав с разовых терактов, ИГИЛ стремительно перешёл к масштабным военным операциям и в своё время имел реальные шансы захватить Дамаск и Багдад. В 2014 году ИГИЛ контролировал около 90 тыс. кв. километров

территорий, что было серьёзной заявкой на халифат. Более половины европейских стран имеют меньшую площадь, сравнимая — у Венгрии и Португалии. Австрия, например, уже меньше.

Во-вторых, на захваченных территориях сразу устанавливались государственные институты, такие как свод законов (понятно, по шариату), сбор налогов и так далее. При этом внимание уделялось и медицинскому обслуживанию населения, социальным вопросам, образованию.

Проще говоря, если не обращать внимания на методы и неопределённость границ, то ИГИЛ во времена расцвета очень напоминал самопровозглашённое государство.

На Западе даже аккуратно начинали рассматривать ИГИЛ как *de facto* субъект мировой политики. А что: с талибами в Афганистане переговоры ведутся давно, в Палестине ХАМАС вообще в парламенте и правительстве, в Сирии с т.з. США есть «умеренные террористы», с которыми надо «вести конструктивный диалог»... Почему бы не попробовать и с ИГИЛ?

В-третьих, террористы обычно что-либо требуют и вообще идут на переговоры. ИГИЛ — исключение: никакого желания вступать в диалог с официальными властями не было, территории просто захватывались военной силой. Создавалось впечатление уверенного «катка», который имеет очень мощную поддержку «за кадром». Поставлена задача, мнения и желания «попавших под каток» не интересуют.

В-четвёртых, нельзя не отметить очень грамотный подход к информационному освещению своей деятельности. Все террористы этим занимаются, но ИГИЛ отличает не только размах, но и системность подхода. Положительный образ терроризма ИГИЛ формируют через множество ресурсов в интернете, телевидение, радио, различные СМИ. При этом информация предназначается не только для арабских стран, вещание идёт на различных языках, передачи транслируются на страны Средней Азии и Европы. Широко применяются американские наработки по ведению

«гибридных войн» — так, существуют специальные правила для контакта с журналистами, создано специальное управление по работе со СМИ и социальными сетями.

В результате пропаганда настолько эффективна и обширна, что в ИГИЛ приходят не только нищие граждане арабских стран, которым лишь бы выжить, а вполне себе небедные люди, с высшим образованием, европейцы и даже евреи. По сути ИГИЛ — не исламское государство, а уже давно интернациональная группировка.

В-пятых, ИГИЛ ворочал просто гигантскими для обычных террористов финансами. И это не просто работорговля, захват заложников, контроль криминала и т.д., но и государственный подход. Так, в 2014 году под контролем организации было более десятка нефтяных месторождений на территориях Ирака и Сирии, при этом захват проходил в комплексе с нефтеперерабатывающими предприятиями.

Итого: судя по всему, ИГИЛ претендовал на государственность не только в названии, это был заранее продуманный масштабный план. Который невозможно было осуществить без не менее масштабной поддержки «снаружи» — и не только ресурсами, но и методами действий, которые ранее не применяла даже Аль-Каида.

Важно понимать, что появление радикального ислама, взятие им на вооружение терроризма и ИГИЛ как закономерное развитие — это закономерность развития современного мусульманского мира при столкновении его с Западным лицом к лицу. Мусульманский экстремизм — это естественная реакция на воздействие Запада, который пытался «демократизировать» страны с давней традиционной культурой и при этом, говоря своими словами, ограбить их.

Обычные граждане мусульманских стран одновременно и запутались в «демократических ценностях», и возмущены ими. Они видят грабительскую политику капитализма, осуждают засилие ростовщиков на Западе. При этом

обыватели — независимо от этнической принадлежности, вероисповедания и т.д. — любят простые и понятные решения, сводящиеся к «или/или», максимально противопоставленному.

Поэтому радикальный ислам имеет успех: он даёт простую и понятную парадигму действий. Никакой глубины суфизма — только единственно верная точка зрения, которая заключена в Коране. Точнее — в его единственно верной трактовке. В исламе есть ответы на все вопросы в любой области человеческой деятельности, и их чётко поясняют.

С точки зрения европейца-атеиста — странная парадигма, но в неё верят сотни миллионов, поэтому нельзя не считаться с феноменом такой мощи. Даже если сейчас ИГИЛ зачистить под ноль — идея всё равно может легко возродиться в любой стране, где мусульмане долгое время недовольны жизнью и властью.

Естественным образом возникает вопрос об опасности ИГИЛ для России. Про «освобождение» Кавказа от «оккупации» и построение там халифата ИГИЛ говорил задолго до появления наших военных в Сирии. Формально расстояние большое, но бывшие республики Средней Азии, если в них обоснуется ИГИЛ — очень плохой вариант, о котором даже думать в подробностях не хочется. Кроме того, в ИГИЛ вступают граждане РФ. И проблема не в том, что они уезжают — но в том, что возвращаются. Информационная обработка в плане распространения терроризма как идеи и вербовки ведётся независимо от расстояния. Создаются «спящие» ячейки, ФСБ ежегодно предотвращает десятки терактов...

Ситуацию «с мест» хорошо описал в своём интервью «Военному обозрению» в 2018 году дагестанский публицист Магомед Османов.

«Прописавшиеся в республике еще во время чеченских войн игиловцы, ваххабиты и прочие носители и проповедники “чистого ислама” придумали специально для горского молодняка великолепную идеологию, которая прекрасно легла на нашу специфическую ментальность. И кроме того,

соответствует всем запросам молодежи Кавказа. А так как в России официальной идеологии и национальной идеи нет уже больше четверти века (они официально запрещены 13-й статьей Конституции), то в головах, сердцах и душах людей давным-давно образовался вакуум.

Русские и остальные россияне смогли обойтись как-то без этой идеи и заполнили этот вакуум кто во что горазд... А как только кавказец самостоятельно начинает искать свой путь, смысл жизни и свои корни, он рано или поздно неминуемо вспомнит грабительское ремесло своих предков — абречество».

Возможность такого абречества привлекает к становлению радикальным исламистом и тех, кто имеет криминальные наклонности, но при этом ранее сдерживался. Согласно «чистому исламу» любой «неверный» — это если ни враг, то вообще никто. У обеих категорий нет никаких прав, по отношению к ним мораль не действует. Можно обманывать, грабить, убивать, насиловать, обращать в рабство. Это вообще рабы по статусу, а ты — сверхчеловек.

Для фанатиков веры важны и «привилегии шахида» перед Аллахом: если умрёшь при теракте, то автоматом праведник, и попадёшь в Рай. Более того, сможешь просить и за своих родственников — Аллах прислушается к герою и простит их тоже. Для женщин смерть в теракте — возможность уравниваться с мужчинами.

Процитирую в заключение ещё один фрагмент интервью:

«Наши старики говорят так: если бы Россия в пожарном порядке не вмешалась, Дагестан через какое-то время стал бы второй Сирией... Потому что здесь ИГИЛ мог обрести свое второе рождение».

Что следует ожидать от ИГИЛ в ближайшем будущем?

Главное, что надо понимать: признания поражения и «всё, расходимся» не будет. Логично предположить, что проигрыш в Сирии будет

преподносятся как почти победа: мол, такие страны, как Россия и США, вместе еле-еле смогли вытеснить с территории. Противостояли такой мощи столько времени! Борьбу надо продолжать!

Идея халифата никуда не делась и не денется. Не получилось в Сирии — можно переключиться плотно на Ливан, есть Сомали и Нигерия... Стран с мусульманским населением много.

Но и на оставленных территориях останутся сторонники халифата, которые, взяв паузу, станут действовать прежними террористическими методами. Терракты будут проводить просто как месть за неудачу, даже без каких-либо политических требований. Более того, подобное, хотя и в меньшем масштабе, следует ожидать и на территориях Европы и России. Для сохранения «государственного» размаха важна демонстрация возможностей по всему миру.

Вернувшиеся в родные страны боевики (и в Россию тоже) будут аккуратно делиться идеологией и фанатизмом.

Роль центрального руководства уменьшится, но для запугивающих население действий сетевое устройство организации с дополнением фанатиков-одиночек, которых воспитывает умелая пропаганда, даже эффективнее.

Конечно, радикальный исламизм слаб неумением договариваться, что характерно для фанатиков. Пока критикуются власти и идёт борьба за навязывание «чистого ислама», всё хорошо. Но при переходе из оппозиции во власть начинается соревнование амбиций и самых правильных трактовок истинного ислама. Дополнительно выясняется, что законы шариата с современной жизнью не всегда легко состыкуются, и надо либо учитывать не только нормы мусульманского права, либо искусственно понижать стиль жизни до, скажем так, традиционного. Что нравится далеко не всем.

Но все эти проблемы проявятся на уровне, если халифат фактически будет создан. А допускать этого категорически нельзя.

8. Использование террористических организаций глобализмом

Особенность XXI века — ориентация на глобализм так называемого «цивилизованного мира». Рынок становится всё более всеобщим, в политике интенсивно продвигается идея «общечеловеческих ценностей», пропагандируется образ жизни, который некогда назывался «безродным космополитизмом». Всё это (и многие другие черты глобализма) влияет на международную политику и на ситуацию в странах, влияя на экономику, демографию, культуру и так далее, в том числе — и на безопасность в аспекте террористической деятельности.

В этой книге мы не будем разбирать феномен глобализма как таковой — это тема отдельной книги, однако для нашей темы важно использование терроризма глобализмом. В том, как терроризм использует глобализм, мы уже разбирались: развитие транспортных и особенно информационных коммуникаций повышает мобильность террористов и, главное, охват и интенсивность их пропаганды. Упрощённо: развитие глобализма позволило терроризму перейти от региональных акций до практически всемирного охвата. Даже небольшая группа, обладая достаточными ресурсами, может организовать теракты во множестве стран. Кроме того, такие многотысячные группировки, как ИГИЛ (запрещён на территории РФ), без глобализма были бы невозможны. Можно сказать, что на планете практически не осталось мест, безопасных в плане отсутствия терроризма. Понятно, что в Антарктиде вряд ли сейчас случится теракт, но при желании можно устроить и такое. Всё это вы уже знаете.

В этой же главе обсудим другой вопрос: как глобализм использует терроризм в своих целях. Разумеется, официально и открыто это не делается, но всё настолько очевидно, что понятно и без признаний.

Конечная цель глобализма — это создание единого социума на планете. Национальные государства должны быть фактически упразднены, везде должна восторжествовать либеральная демократия и так называемые «общечеловеческие ценности», которые ей соответствуют. Всё население должно быть объединено в единый рынок, не должно остаться независимых экономически территорий. Люди же должны стать атомарными потребителями, которые раз в несколько лет послушно выполняют роль электората.

Однако преобразование в такое общество — задача не простая. У людей есть привычный образ жизни, да и вообще менять привычную культуру на либеральную желают далеко не все. Атомизация и приобщение к толерантности в т.н. «цивилизованных странах» идёт полным ходом, но даже в них остаётся множество недовольных отходом от национальной культуры. А в странах, которые принято не считать демократическими, у глобалистов при применении обычных методов пропаганды нет шансов вообще.

Наступление глобализма приводит к ответному сопротивлению на местах — мы это обсуждали. Навязывание непривычных ценностей вызывает отторжение у традиционных культур и т.д., что приводит к поиску самосознания в религиозных (в прямом смысле или психологически, если вспомнить RAF) корнях с ростом уровня фанатизма и т.д. Особенно если речь идёт о экономически слабых странах, в которых население испытывает нужду и видит, что им навязывают чуждый стиль жизни, но при этом не стремятся помочь на деле. Часто неприязнь объясняют через зависть, но это — психология Запада, весьма специфичная, основанная на протестантской этике «избранных и богатых». На самом же деле роль играет понимание несправедливости ситуации со стороны коренного населения.

Так вот: чтобы построить глобализм, требуется сначала разрушить традиционные общества. И делать это можно в том числе и при помощи терроризма: не важно, что на какой-то территории усиливаются

антиглобалистские настроения; главное — что действия возмущенных террористов действуют на руку глобализму на гораздо больших просторах. Метод «управляемого хаоса», стандартный для закулисной политики Запада.

Непонимание этого простого факта приводит к различию теорий, которыми пытаются объяснить терроризм. Одни социологи утверждают, что террористы могут появиться лишь в условиях тоталитаризма и попрания «прав человека», а западная либеральная демократия — это лучшая профилактика. Другие указывают на то, что теракты происходят как раз в «цивилизованных странах», так что защищает демократия плохо, но при этом учат тому, что терроризм — это средство слабых против сильных, чуть ли не вынужденное.

Если же посмотреть на проблему системно, то современный терроризм следует рассматривать в первую очередь как холистичный комплекс политического и криминального характера. В этом его суть, причём безотносительно конкретных мотиваций террористов, отличающихся в разных группировках.

При этом политический аспект в современности неразрывно связан с экономическим. Так, всем известен американский принцип «если у вас обнаружили нефть, то демократия идёт к вам причинять добро». В такой ситуации вполне вероятно использование террористических групп для дестабилизации региона. После можно делить террористов на «плохих» и «умеренных», с которыми можно иметь дело цивилизованному государству: пусть они продают нефть-сырец, а разрушенная в результате действий террористов экономика будет требовать внешних поставок товаров, включая продовольствие. Очень выгодный бизнес.

Обратите внимание: для того, чтобы брать под контроль столь значительные регионы, требуются именно что многотысячные по сути мини-армии террористов, а не отдельные группы. Что мы и наблюдаем в современности на Ближнем Востоке.

Страны, относящиеся к политическим противникам, также можно дестабилизировать при помощи террористов, оказывать по сути военное давление без официального военного присутствия. А затем, когда в нужной стране будет уже полыхать гражданская война (если забыть, что среди террористов такого рода, как правило, много наёмников с других стран), можно ввести миротворческий контингент. Наглядный пример: Ливия.

Для обозначения комбинации терроризма и локальных боестолкновений даже появился специальный термин: асимметричная война. С одной стороны, в конфликте задействованы регулярные войска, иногда даже нескольких стран (как вариант — в виде миротворческого контингента). С другой — в том же конфликте участвуют и формально не военные соединения, не гнушающиеся использовать террористические действия.

Характерная особенность ассиметричных войн: в конечном итоге жертвами очень часто являются обычные люди. Включая тех гражданских, которые гибнут при применении «точечных» ударов высокоточным оружием.

Важно понимать, что в такой войне стороны несравнимы по «прямому» боевому потенциалу, но при этом возможности силового давления на противника сравнимы по «итоговой мощности».

Хотя подобные действия и называются войной, в ней нет линии фронта, как и вообще локализованного театра военных действий. Столкновения точечные, связанные общим сетевым взаимодействием — при этом отдельные террористические акты могут совершаться вообще в других странах.

Можно сказать, что современные крупные террористические группировки выступают в роли транснациональных корпораций с выраженным криминальным уклоном и интересом к политике. Они являются конкурентами традиционной власти и законной экономике, и могут быть наняты для воздействия на экономическую ситуацию в регионе. Наглядный пример: само наличие террористов значительно ухудшает инвестиционный климат и повышает риски как для торговцев, так и для производителей

товаров. Соответственно, если договориться о присутствии в регионе такого «фактора устрашения», из этого можно получить выгоду. Таким образом одно государство может нанести ущерб другому, используя террористов и формально не участвуя в конфликте.

Возьмём как пример ситуацию в Венесуэле (февраль 2019). Если бы в стране, помимо имеющихся сложностей с экономикой и оппозицией, «подкинуть» террористов с оружием, то они, действуя против законного президента Мадуро, легко могли бы создать хаос — и в этой мутной воде оппозиции было бы легче ловить рыбу. Скажем, их митинги бы не трогали, а при проведении проправительственных свершилась бы парочка терактов. Да и вообще несколько терактов легко раздуть в плане пропаганды «правительство не справляется, надо его менять».

Международная нелегальная торговля оружием существует давно и идеально вписывается в эту новую схему.

Таким образом, возникновение крупных террористических групп, которые могут действовать на международной арене, можно (и нужно) рассматривать как новый «рынок услуг» нелегального характера для действий, запрещённых международным правом, на уровне межгосударственного влияния. При этом такие группы могут использоваться государствами, которые не брезгают подобными методами, сначала напрямую («выполнение заказа»), а затем косвенно: так, США под предлогом борьбы с международным терроризмом очень любит проворачивать свои геополитические замыслы: появление и закрепление военного присутствия, контроль регионов добычи нефти и газа, торговых маршрутов и т.д.

Важно понимать, что действия такого плана всегда на грани: как глобализм может использовать террористов в своих целях, так и террористы используют глобализм в своих. При этом они не являются союзниками, могут быть лишь кратковременные общие интересы тактического плана. Поэтому после создания в регионе достаточной степени хаоса начинается борьба с

терроризмом, а сами террористы желают получить больше ресурсов и влияния, чтобы всё же получить плацдарм для построения «исламского халифата». С этим и связано деление террористов на «настоящих» и «умеренных».

Понятно, что глобалисты будут продолжать использование терроризма как инструмента в своих целях, сами террористы будут надеется переиграть их, а беды это несёт национальным государствам и народам в целом.

Всем известный пример: события в Сирии. Начались антиправительственные выступления в рамках «арабской весны» 2011 года, а с 2013 — в беспорядках, разросшихся до военных действий, начали массово принимать участие радикальные исламистские группировки, такие как запрещённые в РФ ИГИЛ и «Фронт ан-Нусра» (часть Аль-Каиды). Разумеется, действуя против правительства.

И как интересно получается: США (да и всё НАТО в целом) упорно сражаются с радикальными исламистами в Афганистане — но при этом поддерживают их в Ливии, когда свергли Каддафи. И точно также поддерживают их против Асада.

Цель понятна: если в Сирии придёт к власти проамериканское правительство, то, понятно, это принесёт экономические преференции. Но гораздо важнее затем перенаправить террористов-суннитов против Ирана, где правят шииты, позволить им действовать в Ираке и против Хезболлы в Ливане. Не сложно догадаться, что следующие регионы для захвата «халифатом» — это бывшие советские республики Центральной Азии и Северный Кавказ. С перспективой выхода через юг РФ на Поволжье и Урал, где издавна проживает много мусульман. То есть Ближний Восток отдаётся под контроль «халифату», с которым заключается соглашение на тему поставок углеводородов и т.д., а вся агрессия радикального ислама направляется в сторону России с одновременным созданием на её территории террористических групп. Идеальная ситуация для глобалистов.

При этом непосредственно на территории Сирии террористы становятся уже не нужны: создан требуемый уровень хаоса, и надо вытеснять радикалов и перенаправлять их. Поэтому после значительных успехов ИГИЛ летом 2014 США и другие страны НАТО начали военные действия на территории Сирии. Официально — против международного терроризма. При этом американцы очень показательно выделяли из террористов «умеренных» — то есть тех, которые выполняли указания Вашингтона, а также снабжали вооружением сирийскую оппозицию. Т.н. Асада планировалось свергнуть формально местной оппозиции, которая оставила бы страну под контролем США, радикальные же группировки занялись бы новым направлением. Помимо сателлитов НАТО, такой ход событий поддерживала и Лига арабских государств.

Однако народ Сирии во главе с Баширом Асадом официально обратились к России, и планы глобалистов были нарушены.

Сейчас в Сирии [ДОБАВИТЬ САМЫЕ ПОСЛЕДНИЕ СВЕДЕНИЯ НА МОМЕНТ ОКОНЧАНИЯ РЕДАКЦИИ ТЕКСТА]

В результате действий антиправительственных сил в Сирии, включая террористические организации, за 2011-15 гг. ООН оценивает человеческие потери в 220 тысяч человек. Кроме того, с 2011 года по настоящее время из Сирии выехало около 7-ми миллионов беженцев, из которых лишь 1,7 миллиона рассчитывают вернуться домой. Сотни тысяч из них мигрировали в Германию и другие страны Европы, что также выгодно глобализму в плане ослабления национальных государств.

Очень наглядный пример использования террористических групп в политических целях со стороны глобализма, эффектором которого на данный момент выступают США (хотя президент Трамп и хотел бы, судя во всему, изменить ситуацию, сопротивление глобалистов в американском истеблишменте слишком сильное).

9-. Ненаписанное продолжение книги

9. Цветные революции и терроризм (те же «неизвестные снайперы»).
10. Международные механизмы борьбы с терроризмом (и почему фигово работают);
  - 10.1. проблемы атомарного общества;
  - 10.2. недоверие к спецслужбам у граждан;
  - 10.3. терроризма не может быть в тоталитарных и авторитарных обществах (раскрыть тему «а что в них плохого, если авторитет заслуженный?»).
11. Особенности терроризма на территории России (осветить теракты, почему и кто);
  - 11.1. Кавказ;
  - 11.2. Украина (свежее поискать).
12. Психология террориста
  - 12.1. противоречивость личности террориста, три стандартные модели: фанатик, фрустрация, ущербная семья и т.п.;
  - 12.2. повреждённая психосоциальная идентичность (вообще нет дома, тогда как у обычного преступника хотя бы тюрьма есть);
  - 12.3. нарциссизм;
  - 12.4. закрытость сознания (фанатизм);
  - 12.5. криминально-корыстные мотивы;
  - 12.6. особый символизм, зацикленность на идее вместо логики и мышления;
  - 12.7. эмоциональная конфликтность;
  - 12.8. синдром зомби;
  - 12.9. синдром Рэмбо;
  - 12.10. синдром шахида;
  - 12.11. экзистенциальная теория агрессии.
13. психологическая защита террориста
  - 13.1. моральное самооправдание;
  - 13.2. утилитарное (экономическое) самооправдание;
  - 13.3. «выгодное сравнение» с ещё более жестокими действиями;
  - 13.4. смещение ответственности на руководство;
  - 13.5. диффузия ответственности на группу;

- 13.6. расчеловечивание жертв;
  - 13.7. пренебрежение последствиями;
  - 13.8. цель оправдывает средства.
14. Мотивации террориста:
- 14.1. этнические;
  - 14.2. религиозные;
  - 14.3. коммерческие;
  - 14.4. идеологические;
  - 14.5. мотив власти;
  - 14.6. мотив самореализации;
  - 14.7. мотив самоутверждения;
  - 14.8. психопатологический мотив собственной гибели (в комплексе);
  - 14.9. смерть как фетиш;
  - 14.10. теракт как жертвоприношение;
  - 14.11. гендерные особенности мотивации;
  - 14.12. возрастные особенности (молодёжь);
  - 14.13. рациональное и иррациональное в мотивациях;
  - 14.14. взаимосвязь коллективного и индивидуального в мотивации;
  - 14.15. различие мотиваций рядовых террористов и руководства.
15. Психологические особенности террористической группы
- 15.1. конформизм и фанатизм группы;
  - 15.2. образ врага как спланирующий фактор;
  - 15.3. особенности лидерства в террористической группе.
16. Формы и способы осуществления террористических акций
- 16.1. ...тут ассортимент, не перечисляю; показать разнообразие, от угроз грязного ядерного взрыва АЭС и до использования подручных грузовиков.
17. Экстремизм и терроризм
- 17.1. следование в развитии;
  - 17.2. абсурдность некоторых трактовок экстремизма.
18. Методы вербовки, включая предварительную косвенную обработку «по массам».
- 18.1. ...тут, соотв., от идеологической обработки и до шантажа и подкупа...
19. Психология жертв террористов

- 19.1. психологические последствия терроризма для общества (страх, паника, агрессия, виктимность);
  - 19.2. психологические последствия пострадавших при теракте;
  - 19.3. психологические особенности поведения заложников;
  - 19.4. Столькгольмский синдром.
20. Основы безопасности при угрозе теракта
- 20.1. общие правила в тревожной обстановке;
  - 20.2. что сделать в помещении;
  - 20.3. готовность к эвакуации;
  - 20.4. семейные вопросы.
21. Как распознать террориста
- 21.1. на что необходимо обращать внимание, выявите террориста;
  - 21.2. как распознать секту, склонную к терроризму;
  - 21.3. как распознать, если знакомый во что-либо подобное вляпался.
22. Если случился теракт
- 22.1. поведение в толпе;
  - 22.2. если завалило;
  - 22.3. пожар;
  - 22.4. бомба;
  - 22.5. стрельба;
  - 22.6. первая помощь (распространённые ошибки, научить всё равно по книге нельзя);
  - 22.7. психологические проблемы, виктимность и инфантильность современного человека как проблема.
  - 22.8. поведение в транспорте (по видам)
    - 22.8.1. в самолете;
    - 22.8.2. в поезде;
    - 22.8.3. в метро;
    - 22.8.4. в автобусах.
  - 22.9. При поездке за границу
23. захват заложников
- 23.1. рекомендации при общении с террористами;
  - 23.2. рекомендации к действиям при захвате;
  - 23.3. если в заложниках ваш родственник;
  - 23.4. психология заложника;

- 23.5. после освобождения.
- 24. Про стрелков в США, передёргивания хоплофобов
  - 24.1. Кратко за легализацию КС в контексте, примеры предотвращения увеличения количества жертв.
- 25. Профилактика терроризма и причины малой эффективности.
- 26. Концепция «Терроризм вызывает терроризм» и её критика.
- 27. Опыт Израиля.
- 28. Как надо поступать с террористами.
- 29. Какой должна быть профилактика, лишение поддержки населения
  - 29.1. современный терроризм — это бизнес, делать невыгодным;
  - 29.2. этнопсихология;
  - 29.3. отличия психологии территориальных общин и кровнородственных, проблемы, которые это вызывает;
  - 29.4. необходимость здорового тоталитаризма и консерватизма;
  - 29.5. религия и соответствующие проблемы (противодействие ИГИЛ относительно нормальным исламом, например);
  - 29.6. социальное;
  - 29.7. информационные проблемы;
- 30. Заключение какое-нибудь.